РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ ИМЕНИ С.И. ВАВИЛОВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ СОЮЗ УЧЕНЫХ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НЕСТОР-ИСТОРИЯ»

ИСТОРИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2013

Том 5

№ 1

Санкт-Петербург

Главный редактор: Э.И. Колчинский

Редакционная коллегия:

Л. Акерт *(Филадельфия, США)*, О.П. Белозеров *(Москва)*, Л.Я. Боркин *(Санкт-Петербург, **зам. главного редактора**)*, А.И. Ермолаев *(Санкт-Петербург)*, М.Б. Конашев *(Санкт-Петербург, **зам. главного редактора**)*, А.В. Самокиш *(Санкт-Петербург)*, А.К. Сытин *(Санкт-Петербург)*, А.А. Федотова *(Санкт-Петербург, **отв. секретарь**)*, С.И. Фокин *(Пиза, Италия)*

Международный редакционный совет:

Б.И. Барабанщиков *(Казань, Россия)*, Дж. Браун *(Кембридж, Массачусетс, США)*, Д. Вайнер *(Тусон, Аризона, США)*, Ж. Гайон *(Париж, Франция)*, Я.М. Галл *(Санкт-Петербург, Россия)*, О.Ю. Елина *(Москва, Россия)*, С.Г. Инге-Вечтомов *(Санкт-Петербург, Россия)*, Д. Кейн *(Лондон, Великобритания)*, К. Коэн *(Париж, Франция)*, Ю.А. Лайус *(Санкт-Петербург, Россия)*, Е.Б. Музрукова *(Москва, Россия)*, Ю.В. Наточин *(Санкт-Петербург, Россия)*, О.Я. Пилипчук *(Киев, Украина)*, А.Ю. Розанов *(Москва, Россия)*, В.О. Самойлов *(Санкт-Петербург, Россия)*, У. Хоссфельд *(Йена, Германия)*, А.Г. Юсуфов *(Махачкала, Россия)*

Выпускающий редактор номера: М.Б. Конашев

Адрес редакции: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5
Телефон редакции: (812) 328-47-12. Факс: (812) 328-46-67
E-mail редакции: histbiol@mail.ru **Сайт** журнала: http://www.ihst.nw.ru

Журнал издается под научным руководством Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова Российской академии наук
Учредители: Санкт-Петербургский союз ученых и издательство «Нестор-История»
Издатель**:** «Нестор-История»

Журнал основан в 2009 г. Выходит четыре раза в год. Свидетельство о регистрации журнала ПИ № ФС77-36185 выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия 7 мая 2009 г.
ISSN 2076-8176

Корректор: Н.В. Стрельникова
Оригинал-макет: С.В. Кассина
Подписано в печать 03.12.2012
Формат: 70 x 100 1/16
Усл.-печ. листов: 8,38
Тираж: 300 экз.
Заказ № 2956
Отпечатано в типографии «Нестор-история», СПб, ул. Розенштейна, д. 21
Тел. (812)622-01-23

© Редколлегия журнала «Историко-биологические исследования», 2013
© ОО «Санкт-Петербургский союз ученых», 2013
© ООО «Издательство „Нестор-История“», 2013

The Russian Academy of Sciences
Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, St. Petersburg Branch
St. Petersburg Association of Scientists and Scholars
The Publishing House "Nestor-Historia"

STUDIES IN THE HISTORY OF BIOLOGY

2013

Volume 5

No. 1

St. Petersburg

Editor-in-Chief: Eduard I. Kolchinsky *(St. Petersburg, Russia)*

Associate Editors:
Lev J. Borkin *(St. Petersburg, Russia)*, Mikhail B. Konashev *(St. Petersburg, Russia)*

Publishing Secretary:
Anastasia A. Fedotova *(St. Petersburg, Russia)*

Editorial Office:
Lloyd Ackert *(Philadelphia, Pennsylvania, USA)*, Oleg P. Belozerov *(Moscow, Russia)*, Andrey I. Ermolajev *(St. Petersburg, Russia)*, Sergei I. Fokin *(Pisa, Italia)*, Anna V. Samokish *(St. Petersburg, Russia),* Andrey K. Sytin *(St. Petersburg, Russia)*

Editorial Board:
Boris I. Barabanschikov *(Kazan, Russia)*, Janet Brown *(Cambridge, Massachusetts, USA)*, Joe Cain *(London, UK)*, Claudine Cohen *(Paris, France)*, Olga Yu. Elina *(Moscow, Russia)*, Yakov M. Gall *(St. Petersburg, Russia)*, Jean Gayon *(Paris, France)*, Uwe Hoßfeld *(Jena, Germany)*, Sergei G. Inge-Vechtomov *(St. Petersburg, Russia)*, Julia A. Lajus *(St. Petersburg, Russia)*, Elena B. Muzrukova *(Moscow, Russia)*, Yuri V. Natochin *(St. Petersburg, Russia)*, Oleg Ya. Pilipchuk *(Kiev, Ukraine)*, Alexey Yu. Rozanov *(Moscow, Russia)*, Vladimir O. Samoilov *(St. Petersburg, Russia)*, Abdulmalik G. Yusufov *(Makhachkala, Russia)*, Douglas Weiner *(Tucson, Arizona, USA)*

Staff Editor: Mikhail B. Konashev *(St. Petersburg, Russia)*

Address of the Editorial Office**:** Universitetskaya naberezhnaya 5, St. Petersburg, 199034 Russia
Phone: (+7-812) 328-47-12; Fax: (+7-812) 328-46-67
E-mail: histbiol@mail.ru
Website: http://www.ihst.nw.ru

The Journal was founded in 2009. Four issues per year are published.
Advisory Institution: St. Petersburg Branch, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences
Founders: St. Petersburg Association of Scientists and Scholars, & The Publishing House "Nestor-Historia"
Publisher: The Publishing House "Nestor-Historia"
ISSN 2076-8176

© 2013 by Editorial Office of the Journal "Studies in the History of Biology"
© 2013 by St. Petersburg Association of Scientists and Scholars
© 2013 by Publishing House "Nestor-Historia"

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

Исследования / Research

Tsuyoshi Fujioka. The Japanese Lysenkoism and its Historical Background 7
Цуёши Фудзиока. Японский лысенкоизм и его исторические корни

Сергей В. Шалимов. Развитие генетики в Новосибирском научном центре
во второй половине 1960-х гг.: социально-исторический аспект 16
Sergey V. Shalimov. The Development of Genetics at the Novosibirsk Scientific Centre
in the Second Half of 1960s: Its Social and Historical Aspects

Владимир С. Соболев. Поиски гармонии человека
(Из истории отечественной евгеники) 33
Vladimir S. Sobolev. The Search for the Harmony of Man (From the History of Russian Eugenics)

Документы / Documents

Эдуард И. Колчинский. «У нас в ВАСХНИЛ происходят бои
за марксистскую методологию»:
Партийная организация ВАСХНИЛ в 1930–1931 гг. 39
Eduard I. Kolchinsky. “The Struggle over Marxist Methodology in VASKHNIL”:
The Communist Party Bureau of VASKhNIL, 1930-1931

Aglika Edreva. The Destroying of an Eminent Geneticist:
Dontcho Kostoff and the Biological Conference in Bulgaria, 1949 54
Аглика Едрева. Уничтожение крупного генетика:
Дончо Костов и биологическая конференция в Болгарии в 1949 г.

Воспоминания и интервью / Memoirs and Interviews

Эдуард А. Жебрак, *Маргарита П. Солнцева*. Осуждение и его последствия:
Материалы «суда чести» над академиком А.Р. Жебраком (1947 г.) 63
Eduard A. Zhebrak, *Margarita P. Solntseva*. The Punishment and Its Consequences:
Materials of the “Court of Honor” of the Anton R. Zhebrak (1947)

Garland E. Allen. An Interview with Theodosius Dobzhansky (1966) 95
Гарланд Э. Аллен. Интервью с Феодосием Добржанским (1966)

Mark B. Adams. “My Meetings with Th. Dobzhansky”:
An Interview with Mark B. Adams (*Mikhail B. Konashev*) 108
Марк Б. Адамс. «Мои встречи с Ф.Г. Добржанским»:
Интервью с Марком Б. Адамсом (Михаил Б. Конашев)

Илья А.Захаров. Как я стал генетиком 110
Il’ya A. Zaharov. How I Became Geneticist

Рецензии / Reviews and notices of books

Jonathan Oldfield. Forestry Management and Soviet Environmentalism.
Review of the Book *Brain S.* "Song of the Forest:
Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953" (Pittsburgh, 2011) 118
Джонатан Олдфилд. Лесное хозяйство и советский инвайронментализм. Рец. на кн.
Brain S. "Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953" (2011)

Андрей К. Сытин. К теории структуры и устойчивости сообществ.
Рец. на кн. *Разумовский С.М.* Труды по экологии и биогеографии (2011) 120
Andrey K. Sytin. Towards a Theory on the Structure and Persistence of Communities.
Review of the Book: Razumovsky S.M. "Works on Ecology and Biogeography" (Moscow, 2011)

Наталия Г. Сухова. Биогеографы из Института географии.
Рец. на кн. Тишков А.А. «Люди нашего племени» (2012) 124
Natalia G. Sukhova. Biogeographers at the Institute of Geography.
Review of the Book: Tishkov A.A. "People of Our Tribe" (Moskow, 2012)

Хроника научной жизни / Chronicle

William de Jong-Lambert. The Second International Workshop on Lysenkoism 127
Уильям де Йон-Ламбер. Второй международный симпозиум по лысенкоизму

Birutė Railienė. Baltic conference on the History of Science
Historiae scientiarum Baltica, 2012 130
Бируте Ралиене. Балтийская конференция историков науки *Historiae scientiarum Baltica, 2012*

Андрей К. Сытин. Конференция, посвященная 200-летию
со дня смерти П.С. Палласа 132
Andrey K. Sytin. Conference Devoted to the 200 Year Anniversary of Death of P.S. Pallas

Владимир С. Соболев. Ежегодная конференция в Галле 136
Vladimir S. Sobolev. Annual Conference in Halle

Информация для авторов и требования к рукописям,
поступающим в журнал «Историко-биологические исследования» 138
Information for Contributors and House Style Guide

Читайте в ближайших номерах журнала 142
Announcements

ИССЛЕДОВАНИЯ

The Japanese Lysenkoism and the Historical Backgrounds

Tsuyoshi FUJIOKA

Doshisha University, Kyoto, Japan; jcf10563@nifty.com

Two bases of the rising tide of Lysenkoism in Japan after WW II are Japanese Marxist philosophy influenced by Soviet philosophy and evolutionary biology. Almost all Japanese Marxists left Lysenkoism after Lysenko's downfall, however, a group of biologists continued to support Lysenko's theory. In Japan, Lysenkoism attracted the attention of biologists who were not satisfied with Neo-Darwinism. The delay of the acceptance of the evolutionary synthesis in Japan is closely related to the influence of Lysenkoism on biologists. In this paper, I will explain the philosophical and scientific background of Japanese Lysenkoites. These factors will help to understand why the influence of Lysenkoism continued for as long as it did in Japan, long after it was abandoned in other countries.

Key-words: Darwinism, Marxism, dialectic materialism, genetics, the evolutionary synthesis, neutral theory

Introduction

The Japanese people were greatly influenced by Lysenkoism. Lysenko's theory was introduced to Japan after the end of World War II. Japanese militarism collapsed after the Japanese defeat in 1945 and the movement for democracy spread on an unprecedented scale. The influence of the Left expanded, and respect and admiration for the Soviet Union increased. This period saw the establishment of the Democratic Scientist Association (Minshushugi Kagakusha Kyokai, MINKA) — a scientific organization consisting of left-wing scientists in the humanities, natural and social sciences — in 1946. Biologists and biological historians created a Theoretical Biological Workshop to promote acceptance of Lysenko's theory (Nakamura, 1967). Many Japanese biologists of the time were dissatisfied with the Mendelian/Morganist theory and thought favorably of Lysenko's theory. Though Japanese geneticists did not accept the theory as completely accurate, they thought that it deserved serious consideration.

The August 1948 VASKhNIL session became a turning point in the Lysenko Controversy in Japan. Japanese geneticists strongly criticized Lysenko and Lysenkoites for purging geneticists from institutes after Lysenko's victory at the VASKhNIL session. Europe and America

contained both Marxists who supported genetics (e.g., J.B.S. Haldane) and Marxists who supported Lysenkoism, in stark contrast to Japan where almost all Marxists supported Lysenkoism. A small number of Japanese Marxists, initially critical of Lysenkoism, also converted to Lysenkoism after the August session (Nakamura, 1967, p. 110–111). The dogmatic understanding that the biology of dialectic materialism is equal to Lysenkoism was shared among all who participated in the Lysenko Controversy in Japan.

A few years later, after Lysenko lost his prestige and geneticists regained their authority in the Soviet Union, the Japanese supporters of Lysenkoism gradually decreased[1]. Japan regarded the failure of Lysenko's theory as a failure of dialectic materialism itself. The majority of Lysenkoists kept silent and some Lysenkoists had even come to regard Lysenko's theory as a false science, unworthily of consideration. In Europe and America, many lively discussions occurred concerning Lysenkoism and the relationship between science and ideology, whereas discussions concerning Lysenkoism disappeared from Japan after Lysenko's downfall. In spite of Lysenko's downfall, though, some other Lysenkoists refused to accept its failure. They did not withdraw their support of Lysenkoism and continued to issue their journal, *Michurin Seibutugaku Kenkyu* (*Japanese Journal of Michurin Biology*, 1964-1983)[2]. These two disparate currents remained in the academic world of Japanese biologists without disputes during that time. Only years afterward in the late 1980s, was the modern evolutionary synthesis, which integrates genetics into natural selection theory, systematically accepted by Japanese biologists. Not until the end of the 1990s was the Society of Evolutionary Studies in Japan established.

The introduction of Darwinism in Japan exerted more influence on social thought than biological research

Darwinian evolutionary theory was first introduced to Japan by Chiyomatsu Ishikawa through his work entitled *Evolutionary Theory of Animals* (*Dobtsu Shinkaron*) (Ishikawa, 1883). Its contents were based on the lecture of a foreign adviser, Edward S. Morse, who was the first professor of zoology at Tokyo Imperial University. After that, Ishikawa published *New Evolutionary Theory* (*Shinka Shinron*) (Ishikawa,1891). Four years later, Senzaburo Tachibana translated Darwin's seminal work, *The Origin of Species* (*Seimei Shigen*) (Tachibana,1896). However, none of these three works were much noticed, likely due to their impenetrable academic style. Then, in 1904, animal scholar Asajirou Oka published *Evolutionary Theory Lecture* (*Shinkaron Kougi*) (Oka, 1904). It was written in a simple and easy style to understand, enabling it to become popular in non-academic circles as well as academic ones (Matunaga, 1988, p. 153). Even so, these new realizations did not inspire Japanese biologists to perform their own research endeavors in the field. Zoology and Botany were still in their infancy in Japan. Even Ishida and Oka, who were responsible for bringing Darwin's concepts to Japan, did not change their own research projects to include Darwinism (Ibid, p. 149-163).

Though Darwinian evolution did not spur biologists to action, it exerted great influence on Japanese social thinkers and social activists. After learning of Darwin's theory, Hiroyuki Kato, the first president of Tokyo Imperial University, published his *New Theory of Human*

[1] The Teiri Nakamura's, book *Ruisenko Ronso* (The Dispute on Lysenkoism) is a detailed document of Japanese disputes on Lysenkoism.

[2] *Japanese Journal of Michurin Biology* was published from 1965 to 1983.

Rights (*Jinken Shinsetsu*) (Kato, 1882) and advocated social evolution theory (social Darwinism), emphasizing the inevitable struggle for existence in human society. He criticized the burgeoning Freedom and People's Rights Movement (Jiyuu Minken Undo). Conversely, Siusui Kautoku (Denjiro Kautoku), a socialist and Japanese translator of *The Communist Manifesto*, wrote articles on Darwinism, such as "Darwin and Marx" (1904) (Matunaga, 1988, p.155). In this and other articles, he criticized Kato's theory on social Darwinism, insisting that Darwinism does not contradict socialism (Ibid, p. 155). The well-known anarchist, Sakae Osugi published the third translation of *On the Origin of Species* in 1914, and later his translation of Peter Kropotokin's *Mutual Aid: A Factor of Evolution* (Kropotkin, 1902). Osugi spread the idea of mutual aid as the philosophical base of Anarcho-syndicalism.

Early Japanese geneticists had more interest in utility than theory

In contrast to the advent of Darwinian evolution, Mendelian inheritance incited Japanese biologists and breeders to action, enabling them to conduct pioneering research. In 1906, Kametarou Sotoyama proved that Mendel's law, previously shown in plants, also applies to animals through his research on silkworms. The Breeding Society of Japan was established in 1915 by Sotoyama and other geneticists. In 1920, its name changed to "The Genetics Society of Japan" and "The Japanese Journal of Genetics" was first issued in 1921. Most early papers from this journal addressed the hereditary research of breeding rice plants, wheat, mikan[3], pears, potatoes, silkworms, and so on. There were few theoretical projects that attempted to identify the mechanism of heredity in living things. At that time, geneticists and biologists in Europe, America, and Russia had argued over genetics and evolution (for example, the substance of genes, the role of mutation in evolution, and so on), but this did not occur in Japanese academic society. Young Japanese geneticists and biologists interested in theoretical subjects, such as evolutionary theory, were dissatisfied with the situation.[4] Marxism provided the theoretical framework for their response and critique of the situation.

Marxism's boom in the late 1920's and the influence of Soviet Marxist literature

Siusui Kautoku, who had changed his political stance from socialism to anarchism, was undeservedly considered the ringleader of the Case of High Treason and was executed in 1911 with twenty-four socialists and anarchists. The movement of socialists declined shortly after the affair. However, several years had passed, encompassing Russia's 1917 revolution, the Rice Riots of 1918, and the subsequent creation of the labor movement. These events led to a rapid expansion of sympathy for Marxism by Japanese intellectuals. The great publishing boom of Marxist literature continued from the late 1920s to the early 1930s. During that time, over 70 journals of Marxist literature were published (Seijiro Kubo, 2011) including the complete works of Marx' and Engels'. Marxism penetrated into various new areas, including the social sciences, humanities, natural science, and art. Thus, Japan's intellectuals learned theoretical

[3] *Citrus fruits of Japan.*

[4] *The Japanese Journal of Genetics* had carried extracts from foreign literature since 1924.

and systematic thinking through Marxism. Tomoyuki Ishii, who became one of the leading Lysenkoists after WWII, recollected in his later years that he had fastidiously digested "Dialectics and Natural Science" by Deborin (Tomoyuki Ishi, 1960, p. 63).

The Japanese Communist Party, organized in 1920s, was forced to make the activity illegal, but Japanese intellectuals, who supported Marxism, founded the Proletarian Science Institute (Puroretaria-Kagaku Kenkyusho, PUROKA), a private research institution that began research and propaganda for the development of Marxism in 1929. Soviet Marxist theory was the absolute authority for Japanese Marxists. In 1930, a working group at the institute began publishing the Japanese journal, *Under the Banner of Marxism*. It consisted of translations of papers printed in the Soviet theoretical journal *Под Знаменем Марксизма* (Pod Znamenem Marksimzma, hereafter – PZM). PZM was the highest authority for Japanese leftists, as written in the preface of *Under the Banner of Marxism*.

Certain papers concerning biology were printed in the Japanese version of *PZM*, for example, "Dialectical Materialism and Biology" written by V. Slepkov (Слепков, 1927) and "New Darwinism and the Problem of Human Evolution", written by F. Duchinskii (Дучинский, 1930; Duchinskii 1931). Those papers were based on natural selection and the inheritance of acquired characteristics. However, it was Soviet geneticists, not Lamarkists, who were the leading influence in schools in the late 1920s Soviet Union. They sought to unify the theories of natural selection and genetics. Though some papers by geneticists, such as those by A.S. Serebrovskii and I.I. Agol, were published in *PZM*, (see for example: Агол, 1930), they weren't translated to Japanese. Furthermore, according to the decision of the Soviet Communist Party Central Commitee concerning the editorial policies of *PZM*, chief editor Deborin was replaced by M.B. Mitin. The change of the Soviet Communist Party made a great impact on Japanese Marxists (Fujioka, 2010, p. 206–210). A series of public documents informing the turn of the policy was translated into Japanese and Japanese Marxists accepted the message. Deborin's group and geneticists were severely criticized in these documents. The opinion that genetics was an idealistic theory of the bourgeoisie had infiltrated the societies of Marxist biologists and philosophers in Japan.

The approach of young biologists to Marxism

The conversation on Soviet philosophy left Japanese Marxists in confusion. The Proletarian Science Institute (PUROKA) shifted its emphasis from theoretical activities to practical activities and finally became extinct. The Society for the Study of Materialism (Yuibuturon Kenkyu-kai, YUIKEN), which consisted of Marxist scholars and sympathizers, was founded in 1932 by Kunio Oka, Hiroto Saegusa, Jun Tosaka, and others. Many thinkers from the Proletarian Science Institute also participated in this society. It was greatly influenced by Soviet philosophy under M.B.Mitin's direction and many members of the society emphasized the class ideology and partisanship of natural science. Almost all Japanese Marxists considered M.B. Mitin to be a representative of Soviet Marxist philosophy for a long time. Mitin was invitated to Japan in 1960 and gave a lecture in front of Japanese Marxists (Mitin, 1960), A heavy majority of the biology papers in *The Materialism Research* (The Yuibutsuron Kenkyu), issued by the Society for the Study of Materialism, emphasized the significance of the principle of inheritance of acquired characteristics and criticized any theory that supported combining natural selection and Mendel's law — for instance, that of philosopher Akihide

Kakehashi (1933, p. 273-274), who emphasized in "The Problem of Darwinism in Biology" (1933) that natural selection demands the inheritance of acquired characteristics principle.

The geneticist Tomoyuki Ishii, who had published a paper "About Chromosome Structure" in *The Japanese Journal of Genetics* (1931) contributed an article titled "Interpretation of life: about substance of biology" to *The Materialism Research* under a pen name Koiti Hosokawa (1932) as soon as the Society for the Study of Materialism was founded. Ishii wrote in the article that though the purpose of biology was the systematic investigation of biological phenomena, present biology researchers worried about trivial details. It is my view that he was dissatisfied with the academic research of genetics in Japan and became attracted to Marxist theoretical activity because it provided fields of free and bold thinking. Subsequently, Ishii (1934) published a paper entitled "A Historical Survey and Prospects of Biology" in *The Materialism Research*. He explained that though change of form and nature must be studied in the change of cells through embryology, reproduction, and heredity, genetics reduced complex biological change to the changing of genes. He also criticized geneticists, writing that evolutionary theory of Mendel was a mechanical or idealistic distortion of Darwinism. Tatsuo Ishihara, a biologist like Ishii, wrote a paper entitled "A Criticism of Mendelism" (1933), also appearing in *The Materialism Research*. Ishii and Ishihara published a book titled *The Biology* as one volume of the Complete Series of Materialism (18 volumes). This book played an important role in the spread of anti-Mendelism in Japanese Marxists before World War II.

Interest in evolutionary theory spreads in the Genetics Society of Japan

Reports of abridged translations of foreign papers began appearing in the Japanese Journal of Genetics after 1924. Simultaneously, theoretical studies concerning the structure and mechanism of genes, performed by T.H. Morgan, R. Goldschmidt and others, were introduced to Japan (Tanaka, 1925, p. 191–192). Taku Komai, who had studied abroad with Morgan at Columbia University from 1923 to 1925, returned to Japan with American genetics interests, such as the study of fruit flies. The genetic studies in the Soviet Union, concerning hybrids between different species of cultivated plants, were also introduced to Japan at that time. Isao Hirayoshi introduced a paper, "Hybrids between wheat and couch grass", by S. Verushkine and A. Shechurdine (1933) in 1934 and he wrote that the institutes in the Soviet Union concentrated their main power on extensive and practical application of hybrids between species of distant relation. He claimed that the Soviet Union society led the world in plant breeding (Hiroyoshi, 1935, p. 295).

Mitoshi Tokuda, from Komai's group at Kyoto University, introduced evolutionary studies to Japanese geneticists. In 1935 he presented a paper on the differentiation of species by F.B. Sumner (1932) and developed his argument concerning the differentiation of animals on the basis of his studies about mutants of mice. Yoshimaro Tanaka, a geneticist who gave the first lecture on genetics in Japan, spoke on the the subject of "How did life evolve?" at a workshop of the Genetics Society in the next year[5]. In 1937 Tokuda introduced the paper "Genetic nature of species differences" by Th. Dobzhansky (1937a) and emphasized the significance of separations for the theory of evolution. Komai praised the genetic studies of rodents

[5] A news item about academic meeting // The Japanese Journal of Genetics.1936. Vol. 12. No. 2. P. 122.

by Tokuda in the book review (Komai, 1937, p. 130). In 1938 he introduced Dobzhansky's new book *"Genetics and the Origin of Species"* (1937b), and wrote

> "The readers can know that the theory of evolution made new rapid progress standing on exact physical evidence from old philosophical arguments. The geneticists can get great knowledge and suggestions no matter what the subjects of their experiments, and the evolutionists will recognize the necessity to study again from the beginning" (Komai, 1938, p. 101).

Thus, the possibilities to integrate genetics and evolutionary theory were opened up in front of Japanese biologists. However *The Japanese Journal of Genetics* was forced to stop carrying abridged translations of foreign papers from 1939 onward because all academic exchanges with Europe and America were prohibited by the Japanese military regime. The Society for the Study of Materialism (YUIKEN) was also forced to disband by the militaristic government in 1938. Some leaders of the society were imprisoned and Jun Tosaka, the central figure, died in prison before the Japanese defeat.

Japanese Lysenkoites after WWII and the two trends

After the Japanese defeat in WWII, the Democratic Scientist Association (MINKA) was founded in 1946. Lysenko's theory was introduced in earnest to Japan by biologists, agronomists, biological historians, and philosophers who gathered at the association. Tomoyuki Ishii extolled their theoretical activities in a paper printed in The Materialism Research that was reissued after the war (Tomoyuki Ishii, 1948). He wrote "I often criticized Mendelism before. But my criticism was not only inconsistent but also unproductive of a new theory" (Nakamura, 1967, p. 37). Ishii and his coworkers, who had criticized genetics as a mechanical theory, were convinced that Lysenko's theory was actually a dialectical theory. Ishii recollects in his book the deep impression he gained upon understanding Lysenko's theory for the first time (Tomoyuki Ishii, 1960, p. 66). He played an important part in the first activities spreading Lysenkoism, and the leaders of the Lysenkoites, Ryuichi Yasugi, Youichi Takanashi, Mitoshi Tokuda and others, followed him. Thus, the theoretical activities for anti-Mendelism by Japanese Marxists in the Society for the Study of Materialism before the war created the philosophical conditions for the appearance and continued existence of Lysenkoites after the war.

In my view, the two foundations of Japanese Lysenkoites are Japanese Marxist philosophy influenced by Soviet philosophy and evolutionary biology. A representative of the latter is Mitoshi Tokuda, who had studied an evolutionary theory based on Mendel's law. He was a pioneer of this field in Japan before the war, but was not satisfied with an explanation for evolution based only on an application of Mendel's law to quantitative inheritance. After the war, Tokuda criticized more and more Dobzhansky's theory as Neo-Darwinism because he disliked the almighty character of natural selection. He thought the concept of natural selection in Neo-Darwinism as a mere sieve of mutants and he came to regard the relation between mutation and ontogeny as important to understanding the progressive evolution of life. He became a lecturer of evolutionary theory and continued studying it at Kyoto University. Soon he came to know Lysenko's theory of phasic development and began to support Lysenkoism. Thus, Tokuda approached Lysenkoism not from ideology but from biological theory. Furthermore, he took part in the Michurin Movement, rising

among farmers, agronomists, technical experts and students, as a biologist and came to have sympathy for Marxism and the Soviet Union.

The difference between people approaching Lysenkoism as Marxists and those approaching as dissatisfied Neo-Darwinst biologists became clearer after Lysenko's downfall. The former kept silent and left Lysenkoism slowly, whereas the latter did not leave readily. Some of this group later organized "the Society of Agrobiology" in 1961, with Mitoshi Tokuda as chief secretary. They, moreover, issued the *Japanese Journal of Michurin Biology* after 1964 and maintained the idea that Michurin biology was the correct biology because it was based on Darwinism, and philosophically based on Dialectical Materialism. They argued for the end of Neo-Darwinism because it simply reduced Darwin's theory to studies of mutants. In 1967, Tokuda wrote a report on his visit to the Soviet Michurin biological research facilities, writing that "If Lysenkoites participate in some politics and agricultural policy, we need to remove the political side from the theory of Lysenko and inquire into the contributions of Lysenko on pure studies of biology" (Mitoshi Tokuda, 1968, p. 184). This view was common to all biologists joining the Society of Agrobiology. Their journal was issued for twenty years influenced the Japanese biologists who were critical of Neo-Darwinism.

Conclusion

The theoretical activity of the biologists influenced by Marxist philosophy before WWII was one of the underpinnings of the rising tide of Lysenkoism in Japan after the war. In addition Lysenkoism absorbed the attention of biologists who were not satisfied with Neo-Darwinism and tried to overcome it. The synthesis theory was still in its infancy and had the defect that every evolution of life was attributed solely to natural selection. In Japan, many biologists disliked the "almighty" natural selection theory and therefore the influence of Lysenkoism remained even after Lysenko's downfall in 1964. The evolutionary theory of Imanishi Kinji, an anthropologist at Kyoto University, was popular among Japanese people in those days as a rival theory to the European and American one.

Motoo Kimura, from Kyoto University, also strongly opposed the "almighty" natural selection theory. He proposed the neutral theory of molecular evolution in the late 1960s. Many people mistook Kimura's molecular biology-based theory as an opposition to the evolutionary synthesis theory. However, considering that Kimura was a pupil of S. Wright, who was one of the originators of population genetics, and that neutral theory succeeded to Wright's idea of "genetic drift", the neutral theory should have been seen in the frame of the evolutiomary synthesis. As molecular biology developed, neutral theory was verified and Kimura, in the late 1980s, expressed his view that neutral theory was not opposed to synthesis theory (Kimura, 1988). Thus, the evolutionary synthesis became free from natural selection and strengthened its integrational character more and more. The power of Lysenkoism to attract people's interests as Anti-Neo-Darwinism was no longer felt. The *Japanese Journal of Michurin Biology* was discontinued in the mid-1980s and its influence faded. In early 1990s Japan, a systematic textbook of evolutionary biology based on the evolutionary synthesis was published for the first time (Futuyma, 1991). Many young biologists were taught using this textbook and finally, in 1999, the Japanese Society of Evolution was organized. Thus, Lysenkoism as an academic school vanished completely from Japan.

References

Агол И. Проблемы эволюционного учения // Под знаменем марксизма. 1930. №. 4. С. 180-201.

Дучинский Ф. Неодарвинизм и проблема эволюции человека // Под знаменем марксизма. 1930. №. 2-3. С. 208-218.

Слепков В. Диалектческий материализм и биология // Под знаменем марксизма. 1927. №. 10-11. С. 249-262.

Dobzhansky Th. Genetic Nature of Species Differences // The American Naturalist 1937a. Vol. 71. P. 404–420.

Dobzhansky Th. Genetics and the Origin of Species. New York: Columbia University Press, 1937b. 364 p.

Duchinskii F. Shin-Dainshugi to ningenshinka no mondai (New Darwinism and the Problem of Human Evolution) // Marukusushugi no Hata no Moto ni. 1931. No. 3. P. 103–128.

Fujioka Ts. (Tsuyoshi Fujioka). Ruisenko-shugi wa Naze Shutsugen sitaka (Why did Lysenkoism Arise? The Achievement and Failure of an Attempt to Dialecticize Biology). Tokyo: Gakujutu Shuppankai, 2010. 218. p.

Futuyma D.J. Shinka Seibutugaku / transl. by Yuji Kishi et all. Tokyo: Soujushobo, 1991. (The original work: Evolutionary biology, 2nd ed. (Sunderland, Mass.: Sinauer Associates, 1986).

Hiroyoshi I. (Isao Hiroyoshi). Komugi to couch grass tono zasshu // The Japanese Journal of Genetics. 1935. Vol. 11. No. 5. P. 295.

Hosokawa K. (Koiti Hosokawa, a pen name of *Tomoyuki Ishii).* Seibutsu no Kaishaku: Seibutsugaku no Naiyo ni tsuite (Interpretation of Life: about Substance of Biology) // Yuibuturon Kenkyu. 1932. No. 2. P. 108–121.

Ishikawa Ch. (Chiyomatu Ishikawa). Dobutsu Shinkaron (Evolutionary Theory of Animals). Tokyo: Kyodoshobo, 1883.

Ishikawa Ch. (Chiyomatu Ishikawa). Shinka Shinron (New Evolutionary Theory). Tokyo: Keigyosha, 1891.

Ishii T. (Tomoyuki Ishii). About Chromosome Structure // The Japanese Journal of Genetics. 1931. Vol. 7. No. 3. P. 128–139.

Ishii T. (*Tomoyuki Ishii).* Seibutsugaku no Rekishiteki Gaikan to Tenbou (A Historical Survey and Prospects of Biology) // Yuibuturon Kenkyu. 1934. No. 17. P. 5-24.

Ishii T. (Tomoyuki Ishii). Gendai Idengaku to Ruisenko Gakusetu (Modern Genetics and the Theory of Lysenko) // Yuibuturon Kenkyu reissued. 1948. No. 2. P. 96–109.

Ishii T. (Tomoyuki Ishii). Shinkaron no Hyakunen: Dauin kara Michurin e (A Hundred Years of Evolutionary Theory: from Dawin to Michurin). Tokyo: Shin-Dokshosha, 1960. 63 p.

Ishihara T. (Tatsuo Ishihara). Mendelizumu no Iti Hihan (A Criticism of Mendelism) // Yuibuturon Kenkyu. 1933. No. 3. P. 71–78.

Kakehashi A. (Akihide Kakehashi). Seibutugaku ni okeru Dauin-teki Kadai (The Problem of Darwinism in Biology) // Yuibuturon Kenkyu. 1933. No. 5. P. 273–274.

Kato H. (Hiroyuki Kato). Jinken Shinsetsu (New Theory of Human Rights). Tokyo: Taniyamarou, 1882.

Kimura M. (Motoo Kimura). Seibutu Shinka o Kangaeru (Consideration of Life Evolution). Tokyo: Iwanami Shoten, 1988.

Komai T. (Taku Komai). Gesshirui no Iden // The Japanese Journal of Genetics. 1937. Vol. 13. No. 2. P. 130.

Komai T. (Taku Komai). Genetics and the origin of species // The Japanese Journal of Genetics. 1938. Vol. 14. No. 1–2. P. 101. (Review of Dobzhansky, 1937b)

Kropotkin P. Mutual Aid: A Factor of Evolution. London: Heinemann, 1902. 348 p.

Kubo S. (Seijiro Kubo). Nippon Marukusushugi Bunken to Taisho to Showa Shoki no Marukusu Bumu (The Japanese Literature concerning Marxism and the Boom of Marxism in the Taisho Period and the Early Showa Period) // The transaction of the 75th annual conference of the Japanese Society for The History of Economic Thought, 2011. (http://jshet.net/docs/conference/75th/kubo.pdf)

Matunaga T. (Toshio Matunaga). Nippon no Shinkaron // Kindai Shinkaron no Naritati (Japanese Evolutionary Theories // The History of Modern Evolutionary Theory). Osaka: Sogensha, 1988. P. 149–163.

Mitin M. Sanju-nen Mae no Tetsugaku Ronso (The Dispute on Philosophy Thirty Years ago) // Yuibuturon Kenkyu (Tokyo: Aoki Shoten). 1960. No. 1. P. 105–109.

Nakamura T. (Teiri Nakamura). Ruisenko Ronso (The Dispute on Lysenkoism). Tokyo: Misuzu Shobo, 1967.

Oka A. (Asajiro Oka).Shinkaron Kougi (Evolutionary Theory Lecture). Tokyo: Kaiseikan, 1904.

Puroretaria-Kagaku Kenkyujo (ed.). Hakkan ni Saisite (On the Occasion of the Publication) // Marukusushugi no Hata no Moto ni (*Under the Banner of Marxism*). Tokyo: Tetto Shoin, 1930. P. 1–2.

Sumner F.B. Taxonomic distinctions viewed in the light of genetics // American Naturalist. 1932. Vol. 68. P. 135-149.

Tanaka Y. (Yoshimaro Tanaka). Inshi no souzoteki okisa (Expectative size of gene) // The Japanese Journal of Genetics. 1925. Vol. 3. No. 4. P. 191–192.

Tachibana S. (Senzaburo Tachibana). Seimei Shigen (The Origin of Species). Tokyo: Keizai Zasshisha, 1896.

Tokuda M. (Mitoshi Tokuda). Shu no bunruigaku teki tokucho (Taxonomic features of species) // The Japanese Journal of Genetics. 1935. Vol. 10. No. 3–4. P. 258–260. Review of Sumner, 1932.

Tokuda M. (Mitoshi Tokuda). Shu no identeki kousei to kakuri (The hereditary structure of species and its sepsration // The Japanese Journal of Genetics. 1937. Vol. 13. No. 6. P. 334–335.

Tokuda M. (Mitoshi Tokuda). Houso Houkoku: Michurin Seibutugaku no Genjou Sisatu (The Report of the visit to the Soviet Union: An Inspection of the Present Situation of Michurin Biology) // Japanese Journal of Michurin Biology. 1967. Vol. 3. No. 1. P. 93-99.

Tokuda M. (Mitoshi Tokuda). Futatu no Idengaku Dai 3-kan (Two Studies of Heredity) // Rironsha. 1968. Vol. 3. P. 184.

Verushkine S., Shechurdine A. Hybrids between wheat and couch grass. Fertile Triticum-Agropyrum hybrids of great scientific and practical interest // Journal of Heredity. 1933. Vol. 24. P. 328–335. (Introduced by *Isao Hiroyoshi*, The Japanese Journal of Genetics. 1935. Vol. 11.No. 5. P. 295).

Японский лысенкоизм и его исторические корни

Цуёши Фудзиока

Дошиша университет, Киото, Япония; jcf10563@nifty.com

Подъем лысенкоизма в Японии после второй мировой войны объясняется двумя факторами: развитием японской марксистской философии под влиянием советской философии и развитием эволюционной биологии. После упадка лысенковщины в Советском союзе лишь немногие японские марксисты остались сторонниками лысенкоизма. Однако ряд биологов продолжал поддерживать теорию Лысенко. В Японии теория Лысенко привлекла большое внимание ряда биологов, которые не были удовлетворены неодарвинизмом. Медленный темп внедрения синтетической теории эволюции в Японии был тесно связан с влиянием лысенкоизма на биологию. В статье сделана попытка объяснить, какие философские и научные факторы содействовали подъему лысенкоизма в Японии, и почему влияние лысенкоизма продолжалось так долго, несмотря на отказ от теории Лысенко в других странах.

Ключевые слова: дарвинизм, марксизм, диалектический материализм, генетика, эволюционный синтез

Развитие генетики в Новосибирском научном центре во второй половине 1960-х гг.: социально-исторический аспект

С.В. Шалимов

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия;
sshal85@mail.ru

В статье рассматривается развитие генетики в Новосибирском научном центре в противоречивый и недостаточно изученный период второй половины 1960-х гг. На основании новых документальных, мемуарных и устных источников, а также периодической печати автор анализирует социальные аспекты генетических исследований. Изменение общественно-политической обстановки после отставки Н.С. Хрущева в 1964 г. вызвало позитивные перемены в развитии науки о наследственности: усиление международных связей, успехи в подготовке кадров, расширение возможностей для публикации научных работ и популяризации науки. Отрицательное воздействие оказывали такие факторы как незаконченное «низвержение» Т.Д. Лысенко, жёсткие идеологические рамки, а также недостаточность материально-технической базы. Тормозящее влияние имел «консервативный поворот», произошедший в общественно-политической жизни страны во второй половине 1960-х гг. Таким образом, на протяжении всего рассматриваемого периода имело место противостояние позитивных и негативных тенденций в развитии отечественной генетики.

Ключевые слова: генетика, Новосибирский научный центр, Институт цитологии и генетики СО АН СССР, Д.К. Беляев.

История отечественной генетики в «постлысенковскую» эпоху (с середины 1960-х гг.) изучена гораздо меньше в сравнении с предшествующим периодом. В этой связи особый интерес представляет история развития генетики в одном из главных генетических центров страны — новосибирском Академгородке. Данная тема недостаточно раскрыта в работах профессиональных историков. В настоящее время имеется лишь узкий круг публикаций, в какой-то мере затрагивающих изучаемый вопрос, среди которых следует назвать труд известного американского историка П. Джозефсона, исследования Н.А. Куперштох и монографию С.В. Шалимова. При этом работы Джозефсона (Josephson, 1997, p. 82–119) и Куперштох (1999, с. 58–69; 2011, с. 122–131) не рассматривают развитие генетики специально, а лишь касаются этой проблемы в рамках соответствующих разделов, написанных на материалах Института цитологии и генетики (ИЦиГ) СО АН СССР / СО РАН. Книга автора предлагаемой статьи ограничивается верхней хронологической границей «оттепели» (1964) (Шалимов, 2011). Таким образом, весь последующий период истории науки о наследственности в Новосибирском научном центре нуждается в специальном исследовании.

В рамках обозначенной темы предлагается рассмотреть период второй половины 1960-х гг. — время существенных изменений не только в жизни советского общества в целом, но и в истории отечественной науки. Нередко в имеющихся исследованиях эти годы характеризуются однозначно — как время необратимых прогрессивных

изменений, быстрого преодоления лысенкоизма. Характерно и то, как перемены освещаются по отношению к генетическим исследованиям в Новосибирском научном центре. Так, по мнению Н.А. Куперштох, период после 1964 г. был временем значительных научных достижений, стремительного роста кадров (Куперштох, 1999, с. 68–69; 2011, с. 127–130).

По-иному представляется развитие российской генетики в «послелысенковский» период в книге Пола Джозефсона. С его точки зрения, «десятилетия "лысенкоизма" и доступность лишь элементарного экспериментального оборудования никогда не позволяли генетикам преуспевать» (Josephson, 1997, p. 83). Видимо, реальная картина была сложнее, так как на данном этапе прослеживаются разнонаправленные тенденции.

Отстранение Н.С. Хрущёва от власти создавало более благоприятные в сравнении с предшествующим периодом условия для развития генетики. Первые заметные симптомы изменения общественно-политического контекста появились уже в конце 1964 — начале 1965 гг., когда в центральной и региональной печати стали появляться статьи с осуждением Т.Д. Лысенко и одновременно пропагандой генетических знаний. Также в феврале 1965 г. состоялось Общее собрание Академии наук СССР, на котором деятельность «народного академика» была подвергнута резкой критике.

В связи с этим необходимо, прежде всего, отметить позитивные изменения и успехи, достигнутые отечественными генетиками, в том числе новосибирскими учеными. Значимой вехой было создание в 1965 г. журнала «Генетика». Как вспоминал один из ветеранов ИЦиГ С.И. Малецкий[1], это событие имело большое значение для развития генетики, потому что до этого негде было публиковать научные работы[2]. Действительно, согласно архивным материалам, к 1965 г. в ИЦиГ накопилась «критическая масса» проблем в этой области. В частности, на заседании Учёного совета института, проходившего 25 февраля 1965 г., Н.Н. Воронцов[3] сказал: «есть некоторые большие недостатки по ряду вопросов — это, прежде всего, — публикации и подготовка кадров — по этим вопросам институт находится на последнем месте среди других биологических институтов»[4]. Его поддержал директор ИЦиГ Д.К. Беляев[5]: «О публикации работ: мы на последнем месте среди институтов. Стыд!»[6].

В течение следующих нескольких лет, судя по документам, ситуация улучшилась. Так, если в 1965 г. сотрудниками института было опубликовано 79 работ и сдано в печать 95[7],

---

[1] Малецкий Станислав Игнатьевич (р. 1938) — зав. лабораторией популяционной генетики растений Института цитологии и генетики СО РАН, где работал с 1961 г., профессор Новосибирского государственного аграрного университета.

[2] Личный архив автора. Запись беседы с проф. С.И. Малецким 16 февраля 2012 г.

[3] Воронцов Николай Николаевич (1934–2000). В те годы – старший научный сотрудник лаборатории генетики популяций Института цитологии и генетики СО АН СССР и одновременно учёный секретарь по биологическим наукам Президиума СО АН СССР (1964–1971). Впоследствии лауреат Государственной премии СССР, министр природопользования и охраны окружающей среды СССР, депутат Госдумы. См. о нём: Голубовский, 2006.

[4] Научный архив СО РАН (НАСО). Ф. 50. Оп. 1. Д. 177. Л. 43.

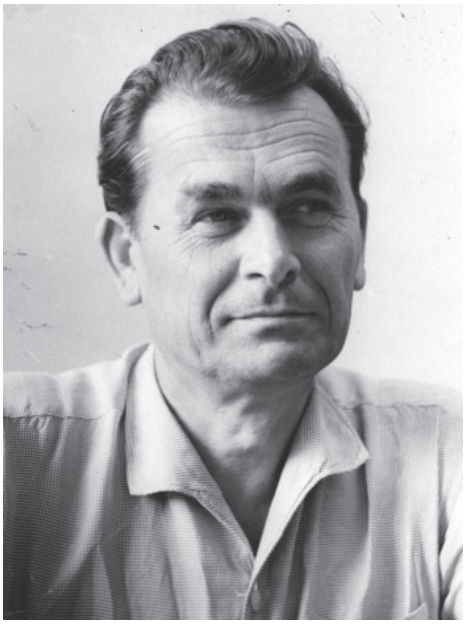
[5] Беляев Дмитрий Константинович (1917–1985) — специалист в области генетики и селекции животных. Действительный член АН СССР (с 1972). Возглавлял Институт цитологии и генетики СО АН СССР с 1959 по 1985 г. См. подробнее: Дмитрий Константинович Беляев, 2002.

[6] НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 177. Л. 47.

[7] Там же. Ф. 10. Оп. 4. Д. 932. Л. 20 (Отчёт о работе ИЦиГ СО АН СССР за 1965 г.).

то в 1966 г. — соответственно, около 200 и 150[8], а по данным 1969 г. новосибирские генетики ежегодно сдавали в печать 250–300 статей[9].

В том же 1965 г. было организовано Всесоюзное общество генетиков и селекционеров имени Н.И. Вавилова, а в 1967 г. его Сибирское отделение. В связи с созданием последнего, еженедельник СО АН «За науку в Сибири» писал: «Отделение объединяет специалистов, работающих на значительной территории. Самая западная точка — Омск, самая восточная — Хабаровск <...> Председателем нашего отделения Всесоюзного общества избран директор Института цитологии и генетики СО АН СССР член-корреспондент Д.К. Беляев»[10].



Д.К. Беляев 1967 г., Новосибирск
(Электронный фотоархив СО РАН)

Большое значение в ИЦиГ придавали популяризации науки о наследственности. Так, в решении открытого партийного собрания института от 27 декабря 1965 г. отмечалось: «Широкой пропаганде генетических знаний должно быть уделено особое внимание, т.к. от этого зависит объективность общественного мнения о достижениях современной биологической науки, в частности — генетики и молекулярной биологии»[11].

На рассматриваемом партийном собрании подчеркивалось, что институтская ячейка общества «Знание» проделала значительную работу, которая заключалась в чтении лекций, публикации научных сотрудников в печати, выступлении по радио и телевидению (Ю.Я. Керкис, Р.И. Салганик, М.Д. Голубовский), а также в организации лекториев для учителей (В.И. Евсиков, Н.Д. Тарасенко)[12].

При этом информация о проводимых в институте мероприятиях широко освещалась газетой «За науку в Сибири». Так, в 1965 г. издание сообщало, что в ИЦиГ был прочитан курс лекций на тему «Цитологические основы наследственности» (И.И. Кикнадзе). Читателей приглашали посетить следующие семинары: «Химические основы наследственности», «Биохимические механизмы саморегуляции» и др.[13]

Другим важным направлением популяризации являлась работа со школьниками, где в первую очередь требовалось подготовить новый учебник по биологии. В публикации «Современную биологию — школьникам» говорилось, что коллектив института, по договоренности с Министерством среднего образования СССР, создает новый учебник по общей биологии для средней школы. В числе авторов готовящегося учебного пособия назывались Р.Л. Берг, Ю.Я. Керкис, Р.И. Салганик,

---

[8] Там же. Оп. 5. Д. 40. Л. 15 (Отчёт о работе ИЦиГ СО АН СССР за 1966 г.).

[9] Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 197. Л. 206 (Справка о деятельности ИЦиГ СО АН СССР по состоянию на 1 марта 1969 г.).

[10] За науку в Сибири. 1967. 24 янв.

[11] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-269. Оп. 6. Д. 734. Л. 31.

[12] Там же. Л. 29.

[13] За науку в Сибири. 1965. 31 мая.

З.С. Никоро, С.С. Красновидова, Н.Н. Воронцов, Б.Е. Соколовская. Необходимость проводимой работы объяснялась тем, что «прежний учебник отличался односторонностью и субъективизмом, характерными для многих биологов того времени во главе с Т.Д. Лысенко. Школьный курс биологии не отражал уровня развития современной науки»[14].

Что же касается результатов, то о них Д.К. Беляев рассказал в своем выступлении во время отчёта Сибирского отделения за 1966 г. В своей речи он подчеркнул, что предстоит ломка некоторых неправильных представлений и большая просветительская деятельность, выводящие на первый план задачу подготовки кадров. В этом плане большую роль играют учебники, в связи с чем ИЦиГ подготовил учебник по общей биологии, принятый как учебное пособие для учителей средних школ[15].

Кроме того, в названном выше выступлении директор ИЦиГ говорил о необходимости внедрения генетики в сознание биологов-практиков. Данная потребность также была зафиксирована в социалистических обязательствах института, в которых коллектив обещал провести обучение врачей и зоотехников-селекционеров[16]. В институте проводились специализированные семинары для медицинских работников, звероводов, преподавателей сельскохозяйственных институтов и селекционеров. Например, в 1965 г. Лабораторией радиационной генетики был организован двухнедельный семинар, на котором 18 врачей Сибири и Дальнего Востока познакомились с методами анализа хромосом и возможностями их применения на практике[17]. В том же году в Новосибирском научном центре состоялся Всесоюзный семинар по звероводству, на котором зоотехники и директора звероводческих совхозов в течение десяти дней слушали лекции учёных-генетиков ИЦиГ СО АН, в числе которых были Д.К. Беляев, В.И. Евсиков, И.И. Кикнадзе, З.С. Никоро[18].

В 1967 г. сотрудниками института проводились семинары: по цитологическим основам наследственности для преподавателей генетики и цитологии университетов и сельскохозяйственных вузов, на который съехались 50 человек из разных регионов; для селекционеров сельскохозяйственных культур, в котором приняли участие 130 специалистов; для селекционеров сельскохозяйственных животных и др.[19]

Что касается непосредственно научных исследований, то в ИЦиГ СО АН они проводились по 15 темам, относящимся к 4 научным проблемам: молекулярная биология, радиобиология, физиология и управление наследственностью организмов[20]. Кадровая составляющая выглядела следующим образом: согласно отчету института по кадрам за 1966 г., в нём работало 616 человек, из них 184 научных работника, в том числе 8 докторов и 77 кандидатов наук[21].

Говоря о кадрах, следует напомнить, что в 1961 г. на факультете естественных наук Новосибирского государственного университета была организована кафедра общей биологии, где с 1963 г. началась подготовка специалистов-генетиков[22]. В

[14] За науку в Сибири. 1965. 23 авг.

[15] За науку в Сибири. 1967. 3 янв.

[16] За науку в Сибири. 1965. 22 марта.

[17] За науку в Сибири. 1965. 15 марта.

[18] За науку в Сибири. 1965. 13 сент.

[19] За науку в Сибири. 1967. 23 мая.

[20] НАСО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 932. Л. 1.

[21] Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 181. Л. 2.

[22] См. подробнее: Шалимов, 2011, с. 205–217. Усилия новосибирских учёных по возрождению кадрового потенциала отечественной генетики в эпоху лысенкоизма, порой, незаслуженно

1966 г. состоялся первый выпуск дипломированных генетиков, и ИЦиГ получил источник пополнения кадров. Как вспоминала супруга Д.К. Беляева — С.В. Аргутинская, в основном, это были блестящие студенты. Тематика их дипломных работ отражала исследовательские направления ИЦиГ. По свидетельству той же мемуаристки, некоторые из дипломных сочинений по оригинальности идей и объему экспериментального материала можно было приравнять к кандидатским диссертациям (Аргутинская, 1999, с. 211). Председатель ГЭК проф. М.Я. Субботин так оценил уровень первых выпускников: «Комиссия считает необходимым специально отметить высокий научный уровень дипломных работ по цитологии, генетике, биохимии и гистологии»[23].

Наряду с этим проводились мероприятия по повышению квалификации учёных, главным из которых была организация регулярных генетических школ. По воспоминаниям С.И. Малецкого, школы молодых учёных собирались регулярно и посвящались отдельным проблемам. В предшествующий период подобное было невозможно[24]. Вот что писала об одной из таких школ газета «За науку в Сибири»:

> «Вопросам генетики и селекции в последнее время уделяется огромное внимание <…> В этом году ученые встретились в Академгородке, где в течение нескольких дней работала II Всесоюзная школа генетиков. Специалисты из Москвы, Ленинграда, Киева и других городов страны — представили более чем 40 институтов и организаций обсуждали вопросы, связанные с генетикой индивидуального развития»[25].

Другим важным направлением подготовки кадров являлась аспирантура. К началу рассматриваемого периода ситуация в этой области выглядела не самым лучшим образом. Так, на заседании партийного бюро ИЦиГ, проходившего 19 февраля 1965 г., зам. директора Р.И. Салганик отмечал: «В аспирантуре за время работы института обучалось 16 аспирантов. Из них 10 человек закончили аспирантуру и только 2 защитили диссертацию. Это ненормальное положение». Выступавший назвал причины такого положения: «недостаточно вдумчивый подбор аспирантов, не всегда удачно выбранные темы, трудный период для нашей науки (генетики)»[26]. В свою очередь, на заседании Учёного совета института, состоявшемся 25 февраля 1965 г. Н.Н. Воронцов сказал: «Аспирантов очень мало, хотя институт в силе иметь их гораздо больше»[27]. С этим согласился Д.К. Беляев: «Нам придется набирать аспирантов. Это необходимо»[28]. В итоге, если на 1 января 1965 г. в аспирантуре обучалось 13 человек, то через год уже 29[29], а к началу 1970 г. — 30[30].

остаются в тени. В юбилейной статье «Геометрия по Александрову», подготовленной коллективом известных математиков — А.Ю. Весниным, С.С. Кутателадзе, Ю.Г. Решетняком и И.А. Таймановым, и посвящённой А.Д. Александрову, сообщается: «Преподавание научной генетики в ЛГУ началось уже в 1950-е годы, тогда как в других университетах генетика была восстановлена в своих правах лишь в 1965 г.» (Наука в Сибири. 2012. 26 июля).

[23] ГАНО. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 250. Л. 3.

[24] Личный архив автора. Запись беседы с проф. С.И. Малецким, 16 февраля 2012 г.

[25] За науку в Сибири. 1969. 9 июля.

[26] ГАНО. Ф. П-269. Оп. 6. Д. 734. Л. 37.

[27] НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 177. Л. 43.

[28] Там же. Л. 47.

[29] Там же. Д. 178. Л. 1 (Отчёт о работе аспирантуры за 1965 г.).

[30] Там же. Д. 198. Л. 1 (Отчёт о работе аспирантуры за 1969 г.).

Одним из важных достижений второй половины 1960-х гг. явилось расширение международных контактов ИЦиГ. Прежде всего, это проявилось в визитах известных зарубежных ученых, посетивших институт. Как отметил С.И. Малецкий, в те годы в институт регулярно приезжали представители элиты научного сообщества, и это было хорошей школой для новосибирских генетиков[31].

Судя по отчётам института, каждый год ИЦиГ посещали авторитетные иностранные исследователи. Например, в 1965 г. приезжали делегация Лондонского королевского общества, американский биохимик Роберт Циммерман и др.[32] В следующем году — лауреат Нобелевской премии английский биолог Питер Медавар, американский биохимик Александр Рич[33], а в 1967 г. известный шведский генетик Д. Мак-Кей[34] и многие другие.

Кроме того, увеличилось количество выезжавших за рубеж сотрудников института. Следует подчеркнуть, что заграничные командировки осуществлялись и раньше. Однако на предшествующем этапе это были отдельные поездки ведущих учёных, в то время как в рассматриваемый период институт стал отправлять делегации.

Стоить отметить две крупные международные конференции, в которых принимали участие сотрудники ИЦиГ: конференция по случаю юбилея Грегора Менделя, проходившая в Брно, и Международный генетический конгресс 1968 г. в Токио. Подобные мероприятия были интересны тем, что позволяли сопоставить уровень советских и зарубежных исследований. В частности, о юбилейной конференции, проходившей в Чехословакии, сохранилось свидетельство одной из участниц, согласно которому советская делегация в составе 60 человек, из которых около 30 были сотрудниками ИЦиГ, была одной из самых крупных. Доклады советских учёных вызвали большой интерес и, по её мнению, свидетельствовали о том, что советские генетики идут в ногу с мировой наукой (Кикнадзе, 1965).

Участники Международного генетического конгресса в Токио в газетной публикации тех лет привели мнение одного из наиболее авторитетных на тот момент генетиков — Ф.Г. Добржанского. По его словам, уровень советских работ и содержание журнала «Генетика» вполне отвечали уровню работ, выполнявшихся на Западе (Ратнер, 1968). Участие советских генетиков в международных конференциях и конгрессах демонстрировало международному научному сообществу, что в СССР возрождается генетика.

Несмотря на усиление международных связей, оставались серьезные проблемы. В заграничные командировки не ездили молодые сотрудники. Командировок было явно недостаточно. В отчетах института неизменно присутствовала фраза о том, что заявленные институтом заграничные командировки не удовлетворяются, что мешает не только международным связям института, но и преодолению имеющегося отставания в области генетики[35]. В течение следующих нескольких лет требования изменились и в документах 1969–1970 гг. появилась фраза о необходимости проведения «постоян-

---

[31] Запись беседы с С.И. Малецким.

[32] НАСО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 932. Л. 18–19. О визите в новосибирский Академгородок британских учёных сообщала газета «За науку в Сибири», отмечая, что вице-президент Королевского общества Майлз Арнольд прочитал лекцию в ИЦиГ («За науку в Сибири». 1965. 18 окт.).

[33] НАСО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 40. Л. 18.

[34] Там же. Оп. 5. Д. 126. Л. 24.

[35] НАСО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 932. Л. 19; Оп. 5. Д. 40. Л. 19.

ных консультаций у специалистов для совершенствования языковой подготовки», а также о необходимости организовать «длительные командировки сотрудников для стажирования в лучших зарубежных лабораториях»[36].

Языковой барьер являлся серьезным препятствием, и этот вопрос неоднократно поднимался на партийных собраниях института. На закрытом отчётно-выборном партийном собрании ИЦиГ, проходившем 3 ноября 1970 г., научный сотрудник института Н.Д. Тарасенко сказал: «Дирекции необходимо подумать о создании в институте группы синхронных переводчиков. Последний симпозиум по генетике онтогенеза показал, что здесь дело обстоит далеко не благополучно. Квалифицированных переводчиков институт должен иметь»[37]. В институте предпринимались шаги для решения проблемы. Так, согласно воспоминаниям В.А. Драгавцева[38], в ИЦиГ были организованы бесплатные занятия по изучению английского языка, которые проводились несколько раз в неделю[39].

Между тем незнание иностранных языков и трудности с получением командировок были не единственными преградами, разделявшими отечественных учёных и международное научное сообщество. В уже упоминавшейся публикации В. Ратнера и Л. Корочкина о Международном генетическом конгрессе в Японии с сожалением констатировалось: «Языковой барьер, незнание русского языка и отсутствие советских изданий на английском языке (как это практикуется в Венгрии, Польше и Чехословакии) делает мало доступными советские работы для западного читателя, несмотря на явный интерес к советской науке в целом с их стороны»[40].

Следует сказать несколько слов о такой важной составляющей научно-исследовательской работы как материально-техническая база. Целесообразно сослаться на доклад директора ИЦиГ Д.К. Беляева на специальном заседании Академии наук в 1969 г., посвящённом состоянию и дальнейшим перспективам развития генетики в СССР. Он отметил, что недостатки материально-технического обеспечения создавали значительные трудности для развития отечественной генетики и для её выхода на новые рубежи в мировой науке (Состояние и дальнейшее развитие... 1970, с. 5). В целом, на

---

[36] Там же. Ф. 10. Оп. 5. Д. 281. Л. 41; Ф. 50. Оп. 1. Д. 201. Л. 44.

[37] ГАНО. Ф. П-269. Оп. 6. Д. 739. Л. 39.

[38] Драгавцев Виктор Александрович (р. 1935) — академик РАСХН. Работал в ИЦиГ СО АН СССР с 1968 по 1985 г. В 1990–2005 гг. — директор Всероссийского института растениеводства им. Н.И. Вавилова РАСХН. В настоящее время – главный научный сотрудник Агрофизического института РАСХН.

[39] Личный архив автора. Запись беседы с В.А. Драгавцевым, 25 марта 2012 г.

[40] За науку в Сибири. 1968. 3 дек. Как известно, «железный занавес» всегда создавал советским учёным немало проблем. Ряд документов свидетельствует о том, что и в последующие годы новосибирские генетики сталкивались с трудностями в этой сфере. Например, на открытом партийном собрании ИЦиГ, 30 декабря 1971 г. научный сотрудник М.Д. Голубовский задал вопрос: «Как выполняется план стажировки научных сотрудников за границей?», на который последовал ответ заместителя директора института В.К. Шумного: «План существует, но не выполняется по неизвестным причинам» (ГАНО. Ф. П-269. Оп. 6. Д. 740. Л. 68). На заседании партбюро института 20 января 1982 г. присутствовавшие выслушали «информацию секретаря партийной организации А.Д. Груздева о задачах и ответственности партийного бюро за подбор и подготовку сотрудников института в заграничные командировки и туристические поездки». Выступивший на заседании В.К. Шумный отметил: «В отдельных случаях служебные поездки за границу оформляются по звонкам соответствующих должностных лиц. Такие поездки заранее неспланированы и неподготовлены. В этих случаях нам надо особенно тщательно разбираться с тем, чтобы за границу ехали достойные товарищи» (Там же. Д. 751. Л. 55).

рассматриваемом заседании и другие выступавшие много внимания уделили проблемам материально-технического оснащения.

В рассматриваемый период в ИЦиГ произошло улучшение материально-технической инфраструктуры. Главным отличием от предшествующего периода было появление собственного здания института, которое он получил в августе 1964 г. В связи с этим представляет интерес публикация 1966 г. «Мы тоже за науку в Сибири!», посвящённая строительству новосибирского Академгородка. Автор — машинист башенного крана «Сибакадемстроя» В. Котегова — повествует о том, как строили городок, в том числе ИЦиГ. По её свидетельству, сотрудники института приходили на стройку, читали лекции и помогали в строительстве. Далее сообщается: «Институт цитологии генетики строила бригада коммунистического труда Семёна Наумовича Бурнышева. Сдали его в срок и с хорошим качеством»[41].

Уместно привести материалы открытого партийного собрания ИЦиГ от 31 марта 1965 г., где обсуждались деятельность и задачи технической службы института. В прениях прозвучали резкие высказывания в адрес строителей. Например, Мартироянц отметил: «много недоделок в здании, актов на аварии не составляется. Предлагает составить акт и вызвать строителей для устранения недостатков, обнаружившихся за пол-года». Другой участник обсуждения, Гукин, сказал: «Много недоделок со стороны строителей, вентиляция очень плохая и люди заболевают».

Впрочем, не во всем были виноваты строители, и многие претензии были адресованы технической службе ИЦиГ. Так, В.Н. Тихонов возмущался: «Месяцами делают рейки для плакатов. Месяцами чинят центрифугу <…> нет запасных частей, не чем ни варить, ни паять. Нет сверл, нет линейки отмерить, тесновато в помещениях»[42]. Такие проблемы значительно осложняли деятельность генетиков.

Ряд архивных документов свидетельствует о недостаточности материально-технической базы института. В особенности это касалось исследований в области генетики растений, для которых отсутствовали необходимые условия, и обеспеченности института реактивами. На закрытом партийном собрании 21 января 1965 г. Н.Д. Тарасенко, говоря о необходимости улучшить условия работы по генетике растений, сказал: «У нас пока нет элементарных условий: теплиц, фотокамер, фитотрона. Современные исследования по генетике и селекции растений не могут проводится без теплиц, фитотрона <…> Теперь, когда генетические исследования начинаются во многих районах страны, может вскоре оказаться, что институт отстанет по ряду разделов. В других местах лучше условия для работы»[43]. Его поддержал Ю.П. Мирюта: «Давно уже надо было создать условия для работы по генетике и селекции растений. Надо ускорить селекционные процессы, а у нас элементарных условий нет»[44]. На заседании партбюро института 19 февраля 1965 г. П.К. Шкварников отметил: «В снабжении оборудованием порядка ещё нет. Часто заявки срезаются неоправданно, аппаратура приобретается некомплектная». Другой участник обсуждения, В.Б. Енкен, добавил: «Недостаточно хорошо работают мастерские. Очень долго делаются заказы. Необходимо улучшить работу по снабжению лабораторий реактивами»[45]. Директор ИЦиГ также разделял их позицию. На партийном собрании института 3 марта 1966 г. Д.К. Беляев заявил: «Требуется экспериментальная база

[41] За науку в Сибири. 1966. 5 апр.
[42] ГАНО. Ф. П-269. Оп. 6. Д. 734. Л. 14.
[43] Там же. Л. 2.
[44] Там же. Л. 3.
[45] Там же. Л. 39.

Институт цитологии и генетики СО РАН

по линии животных и генетики растений, хороших ферм — этого у нас сейчас недостаточно, это сейчас не обеспечивает науку. Недостаточно оборудования для исследований. Мы не имеем теплиц, но в этом году будет строительство теплиц»[46]. На следующем открытом партийном собрании 11 апреля 1966 г. он вновь затронул эти вопросы: «У нас имеется ряд крупных недостатков в обеспечении научных исследований (внутриинститутская экспериментальная база) <…> Очень плохо обстоит дело с теплицами, строительство которых затянуто по вине института»[47].

Рассматриваемые проблемы нашли отражение не только в материалах партийного делопроизводства, но и в научно-организационных документах. На заседании Учёного совета института 7 апреля 1966 г. А.Н. Лутков, говоря о внедрении в производство триплоидных гибридов сахарной свеклы, отметил: «условия работы очень трудные, т.к. у нас нет горшков, нет теплиц и т.д.»[48]. В концентрированном виде трудности были отражены в отчётах института. В отчёте за 1965 г. говорилось:

> «До сих пор институт не располагает такими приборами, как электронные микроскопы с высокой разрешающей способностью <…> сцинтилляционные счётчики, недостаточно коллекторов фракций с микронасосами. Без этого оборудования невозможно решать на современ-

[46] Там же. Д. 735. Л. 2.

[47] Там же. Л. 6. После того как вопрос о строительстве теплиц был решён, возникли новые проблемы. Показательно высказывание Н.Д. Тарасенко на закрытом отчётно-выборном партийном собрании института 3 ноября 1970 г.: «Несмотря на то, что наш институт имеет, наконец, теплицы, мы не можем полнокровно использовать их, т.к. по-прежнему не хватает света. Кроме того, у обслуживающего персонала нет культуры в работе (могут быть затоптаны молодые всходы растений)» (Там же. Д. 739. Л. 39).

[48] НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 182. Л. 51.

ном уровне многие задачи молекулярной генетики. Институт не может из-за этого обеспечить выполнение важных исследовательских задач, не может принимать советских и иностранных учёных… Сдерживается развитие ряда перспективных селекционно-генетических работ, ввиду отсутствия необходимо лабораторного оборудования и приборов <…> В течение ряда лет институт направляет свои заявки в Академснаб и другие учреждения на отечественное и импортное оборудование, но эти заявки не удовлетворяются»[49].

Аналогичная ситуация отражена в документах 1966 г., где отмечается, что в ИЦиГ «всё ещё отсутствует база для широких исследований по генетике растений», называется ряд других недостатков и вновь повторяется фраза о невозможности «принимать советских и иностранных учёных»[50]. В отчётах 1967–1968 гг. также зафиксированы обозначенные недостатки, но сообщалось о получении необходимого оборудования (японский ультрамикроскоп, сцинтилляционный счётчик)[51].

В документах 1969–1970 гг. появилась фраза о том, что состояние материально-технической базы несколько улучшилось в связи со сдачей в эксплуатацию селекционно-генетического комплекса, хотя по-прежнему говорилось о недостаточном количестве микроскопов, центрифуг и другого оборудования, а также о нехватке реактивов, плохой освещённости и малой площади теплиц[52].

Несмотря на отмеченные недостатки, позитивные изменения были очевидны. Об этом свидетельствуют воспоминания ветеранов ИЦиГ. По свидетельству В.А. Драгавцева, ИЦиГ был оборудован хорошо, особенно в сравнении с другими институтами биологического профиля. Лаборатория радиационной генетики АН СССР под руководством Н.П. Дубинина находилась в гораздо худших условиях. Зарубежные учёные, посещавшие институт также отмечали высокий уровень оснащённости учреждения[53]. В октябре 1971 г. ИЦиГ принимал делегацию из ГДР, и в протоколе сообщалось: «Немецкие коллеги завидуют возможности работать в институте современными методами, пользоваться новейшим оборудованием»[54]. Как сказал С.И. Малецкий, по сравнению с тем, что произошло в перестроечную эпоху, рассматриваемый период был «в высшей степени благоприятный»[55]. Приведённое категоричное высказывание представляется несколько преувеличенным. Однако принимая во внимание, что в годы перестройки и «лихих 90-х» произошла настоящая катастрофа для отечественной науки, подобное мнение вполне объяснимо.

Оценивая в целом состояние отечественной генетики в «послелысенковский» период, следует подчеркнуть, что перестройка данной науки после смещения Н.С. Хрущёва проходила в сложных условиях. Это отмечается рядом авторов (Медведев, 1993, с. 334–335; Александров, 1992, с. 221–222). На относительность перемен обращалось внимание в важнейшем итоговом документе — упоминавшемся докладе Д.К. Беляева. В частности, он назвал положение генетики в стране «не вполне удовлетворительным по сравнению с потенциальными возможностями этой области науки и теми задачами, которые ей предстоит разрешить» (Состояние и дальнейшее... 1970, с. 5).

---

[49] Там же. Ф. 10. Оп. 4. Д. 932. Л. 17–18.

[50] Там же. Оп. 5. Д. 40. Л. 17–18.

[51] Там же. Д. 126. Л. 23; Д. 207. Л. 29.

[52] Там же. Д. 281. Л. 39–40; Ф. 50. Оп. 1. Д. 201. Л. 42.

[53] Запись беседы с В.А. Драгавцевым, 25 марта 2012 г.

[54] НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 211. Л. 168.

[55] Запись беседы с С.И. Малецким, 16 февраля 2012 г.

Кроме внутринаучных факторов, осложняющее значение имели значение имели социально-политические императивы, из которых особую роль играли два. Первый состоял в продолжающемся сопротивлении лысенкоистов. Второй определялся негативными изменениями в политико-идеологической атмосфере, нарастанием консервативно-охранительных, неосталинистских тенденций в политике правящих кругов. Знаковыми моментами здесь стало подавление инакомыслия (особенно с 1966 г., с дела Даениэля–Синявского), а переломным рубежом — подавление Пражской весны в 1968 г.[56]

Иллюстрацией продолжающегося противостояния с лысенкоистами явились события 1967 г., когда газета «Известия» опубликовала статью «Биология тут ни при чем». Авторы публикации, доктора юридических наук А. Герцензон и И. Карпец, устроили настоящий «разнос» статьи младшего научного сотрудника ИЦиГ М.Д. Голубовского[57]. Упомянутая публикация носила название «Коэффициент интеллектуальности» и была помещена в журнале «Радио-телевидение» (1966. № 27). Статья М.Д. Голубовского затрагивала бурно развивающуюся в тот момент и сильно идеологизированную тему — генетику человека. Критики М.Д. Голубовского сконцентрировали внимание на одном абзаце публикации, в котором автор коснулся причин преступности, отметив, что её нельзя искоренить лишь изменением социальных условий. Автора обвинили в ревизии основных положений юридической науки, в противоречии указаниям классиков марксизма-ленинизма и Программе КПСС[58].

Данная публикация вызвала резонанс в ИЦиГ. Этот вопрос специально обсуждался на заседании Учёного совета института 17 февраля 1967 г. Сотрудники подвергли критике публикацию юристов и поддержали М.Д. Голубовского. Д.К. Беляев, присоединяясь к общему мнению, тем не менее, отметил, что М.Д. Голубовский заслуживает осуждения, так как статья была написана для широкой публики, которая не подготовлена к восприятию генетики[59].

Позднее состоялось выступление М.Д. Голубовского по проблемам генетики человека в известном дискуссионном клубе новосибирского Академгородка «Под интегралом», которое обсуждалось на заседании Учёного совета института 28 февраля 1967 г. Особое внимание было уделено тезисам выступления, которые подвергли резкой критике. К сожалению, самих тезисов нам обнаружить не удалось, но, судя по обсуждению, они касались соотношения интеллекта и умственных способностей и вопроса

---

[56] Для Новосибирского научного центра особое значение имели события 1968 г., когда группа учёных новосибирского Академгородка подписали письмо с протестом против нарушения гласности в ходе процесса над четырьмя московскими диссидентами. Данное послание вошло в историю как письмо «сорока шести». Одним из подписантов, а по одной из версий инициатором нашумевшего послания, была зав. лабораторией ИЦиГ Р.Л. Берг. См. подробнее: Кузнецов, 2007.

[57] Голубовский Михаил Давидович (р. 1939) — генетик, историк науки. В ИЦиГ работал в 1963–1988 гг. в лаборатории генетики популяций. С 1988 г. — в Ленинградском отделе ИИЕТ АН СССР / СПбФ ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН. Ныне — профессор Университета Калифорнии (США).

[58] Известия. 1967. 26 янв. Один из авторов публикации, известный учёный — юрист и криминолог И.И. Карпец, в 1982 г. опубликовал в соавторстве с Н.П. Дубининым и В.Н. Кудрявцевым книгу «Генетика, поведение, ответственность», в которой широкое распространение преступности в СССР объяснялось тем, что стране ещё не закончено построение коммунистического общества. Подробнее об этом: Грэхэм, 1991, с. 247–249.

[59] НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 187. Л. 1–5.

о том, что интеллигентность порождает интеллигентность и дети интеллектуалов имеют большие умственные способности[60].

Выступление младшего научного сотрудника на столь идеологизированную тему, в период, когда ещё только начали происходить благоприятные перемены в биологии, не могли вызвать другую реакцию. В связи с этим особенно показательна реакция научных лидеров института, хорошо помнящих политико-идеологические коллизии периодов сталинизма и «оттепели». Ю.Я. Керкис отметил, что на основании тезисов при желании можно устроить разгром генетики. Присутствующих взволновало и то, что тезисы стали размножать, и они начали «путешествовать». В заключение данного собрания выступил Д.К. Беляев, который указал на то, что тезисы содержат грубые научные и идеологические ошибки[61].

Данный сюжет получил определенное отражение в литературе. В мемуарах известного в 1960-е гг. общественного деятеля новосибирского Академгородка, президента дискуссионного клуба «Под интегралом» А.И. Бурштейна рассказывается, как в ответ на публикацию юристов было решено организовать дискуссию в клубе с приглашением корреспондента журнала «Радио-телевидение». Однако все выступавшие учёные отказались поставить свои подписи под уже готовой статьей журнала, включавшей стенограмму дискуссии. В рассматриваемой публикации особенно «достаётся» Д.К. Беляеву, который, по утверждению мемуариста, в той ситуации «бил отбой во все колокола» (Бурштейн, 1992, с. 92). На наш взгляд, эта оценка не вполне соответствует реалиям рассматриваемого времени. Как вспоминал В.А. Драгавцев, Д.К. Беляев вынужден был осуждать «диссидентское» поведение некоторых сотрудников, чтобы демонстрировать лояльность режиму ради благополучия института (Драгавцев, 2011, с. 138). Конечно же, директор ИЦиГ стремился не рисковать без нужды. Но как раз это и характеризует всю неоднозначность ситуации — сохраняющуюся значительную зависимость генетиков от политико-идеологических структур.

В тот момент генетика человека, являясь одним из наиболее актуальных направлений науки о наследственности, вызывала большой интерес в отечественном научном сообществе, в том числе в Новосибирском научном центре. В последующий период 1970-80-х гг. дискуссия по дилеме «природа – воспитание» получила широкий общественный резонанс с участием известных советских генетиков. По мнению Л.Р. Грэхэма, развернувшаяся в Советском Союзе дискуссия в некоторых аспектах напоминала аналогичные споры, ведущиеся на Западе, однако в СССР этим вопросам придавалось фундаментальное значение не только в интеллектуальном и научном плане, но и в плане идеологическом. Американский автор отмечает:

> «В конце 60-х гг. положение, при котором в Советском Союзе существовало единство по вопросу об источниках формирования человеческого поведения, начинает меняться <…> Истоки обсуждаемой дискуссии поначалу можно обнаружить лишь в отдельных диссертациях и публикациях, помещаемых в различного рода профессиональных журналов <…> Только десятилетие спустя исследования ранее запрещённых проблем попали в поле зрения широкой общественности и периодической печати» (Грэхэм, 1991, с. 223–224).

Последнее утверждение Л.Р. Грэхэма представляется несколько спорным. Так, еженедельник Сибирского отделения — газета «За науку в Сибири», во второй половине 1960-х гг. поместил ряд публикаций на эту тему. Показательна большая статья

[60] Там же. Л. 18–22.
[61] Там же. Л. 21, 22.

Ю.Я. Керкиса[62] «Близнецы и наследственность человека». Отличительной чертой рассматриваемой публикации является достаточно смелая постановка вопросов. В частности, автор утверждал:

> «До последнего времени работы в области генетики человека у нас в стране рассматривались с ложных философских позиций. Отрицалась даже применимость к человеку общих для всего органического мира основных закономерностей наследственности. Все это привело к тому, что в этой области мы очень отстали от США, Японии и европейских стран в познании генетики человека <…> Люди рождаются не одинаковыми. Думать, что это не так, значит глубоко заблуждаться <…> Положение, что люди рождаются потенциально неравнозначными, приводит некоторых товарищей в смущение. Многие привыкли верить во всесильность воспитания и образования»[63].

Это же издание поместило на своих страницах объёмную статью итальянского учёного Адриано Буззати-Траверсо «Тенденции в современной биологии и новая моральная ответственность», посвящённую генетике человека, евгенике и социальным аспектам вмешательства в наследственность человека. Вместе с ней был опубликован большой комментарий Ю.Я. Керкиса, в котором поддерживалось мнение итальянского автора о том, что «человечество не готово, и не известно будет ли когда-нибудь готово, к применению активных евгенических мероприятий»[64].

В 1968 г. на один из семинаров в ИЦиГ, посвящённом генетике человека и проводившимся под руководством Ю.Я. Керкиса, пришли 200 человек из разных институтов[65]. И это неудивительно, ведь как уже говорилось, это направление науки о наследственности бурно развивалось во всем мире. Как отметил один из ветеранов института, «то, о чем говорил М.Д. Голубовский сейчас даже скучно обсуждать, так оно и есть»[66]. Однако, как мы видим, в тот момент генетики были существенно ограничены идеологическими рамками.

Важной вехой в общественно-политической жизни стал XXIII съезд КПСС (29 марта – 8 апреля 1966 г.), в директивах которого прямо говорилось о генетике. 3 марта 1966 г., в ИЦиГ прошло заседание партийного собрания, на котором обсуждались директивы, имевшие непосредственное отношение к институту. Так, Р.И. Салганик сказал: «Несомненно, директивы, это очень важные документы, которые совпадают с нашими задачами исследований»[67]. На следующем партийном собрании, проходившем 11 апреля 1966 г., Д.К. Беляев, выступая с докладом о задачах института в свете решений XXIII съезда, подчеркнул: «Решения XXIII съезда наш коллектив принял с удовлетворением, и имеет силы их реализовать»[68].

Об этом же он говорил в одном из своих выступлений, опубликованном газетой «За науку в Сибири» под заголовком «Горизонты биологии» в рубрике «Решения XXIII съезда КПСС в жизнь». В частности, сообщалось:

---

[62] Керкис Юлий Яковлевич (1907–1977) — генетик, специалист в области радиобиологии. В 1930–1941 г. научный сотрудник Института генетики АН СССР. С 1941 по 1957 г. работал в животноводческих совхозах Таджикской ССР. С 1957 г. до конца жизни работал в ИЦиГ, где с 1958 г. возглавлял лабораторию радиационной генетики. См.: Лебедева, Захаров, 2007.

[63] За науку в Сибири. 1966. 11 мая.

[64] За науку в Сибири. 1968. 26 марта.

[65] ГАНО. Ф. П-269. Оп. 6. Д. 737. Л. 51–52.

[66] Личный архив автора. Запись беседы с ведущим научным сотрудником ИЦиГ СО РАН Б.Ф. Чадовым, 23 марта 2012 г.

[67] ГАНО. Ф. П-269. Оп. 6. Д. 735. Л. 1.

[68] Там же. Л. 7.

«Выступавший с удовлетворением отмечает, что в таком руководящем партийном документе, как проект директив XXIII съезда КПСС, подчёркивается роль той области биологической науки, которая связана с исследованиями наследственности и изменчивости организма, генетических закономерностей и т.д. Сибирское отделение АН СССР всегда занимало правильную позицию в оценке этого направления биологии и оказало его развитию огромную помощь»[69].

В данном контексте представляет интерес аналогичная публикация доклада академика-секретаря Отделения общей биологии АН СССР Б.Е. Быховского «Задачи Отделения общей биологии в свете решений XXIII съезда КПСС», сделанный им на совместном заседании Объединенного учёного совета по биологическим наукам СО АН СССР и бюро Отделения общей биологии АН СССР. Выступавший отметил: «необходимо изжить остатки догматизма и субъективизма в науке, уметь дать правильную философскую оценку фактическому материалу зарубежных исследований», а также коснулся науки о наследственности, сказав: «Для решения проблем сельского хозяйства необходимо шире развивать научные работы по генетике»[70].

Директивы XXIII съезда содержали следующий текст: «Дальнейшее изучение процессов, протекающих в живой материи, генетических закономерностей селекции микроорганизмов, растений и животных с целью создания новых высокопродуктивных пород животных и высокоурожайных сортов растений; разработку проблем генетики наследственных заболеваний» (Материалы XXIII съезда... 1966, с. 231). В документе нет критики лысенкоистов, а что касается «изучения процессов», то их можно было проводить и «мичуринскими» методами. Это ещё раз подтверждает, что дезавуирование Т.Д. Лысенко носило формальный, половинчатый характер. Симптоматичным штрихом, иллюстрирующим, что критика «народного академика» была весьма ограниченной, является статья Н. Тарасенко и О. Монастырского «Биологические науки за 50 лет» в газете «За науку в Сибири». Авторы информировали читателя о юбилейном заседании Учёного совета ИЦиГ СО АН, посвящённого истории советской биологии. Они сообщали: «Генетика и селекция стремительно развивались, и в тридцатые — сороковые годы биология в СССР стала признанным мировым центром». Далее в тексте говорилось: «Новый подъем генетики начался в шестидесятых годах»[71]. В статье нет никаких упоминаний ни августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., ни репрессий, хотя фигурируют имена Н.И. Вавилова и Н.К. Кольцова[72].

Активную роль в консервативном повороте играли сторонники «народного академика», занимавшие видные позиции в научно-образовательной сфере. Конкретная расстановка сил нуждается в дальнейшем изучении, в том числе в отношении ряда известных фигур научного сообщества. Можно предположить, что в Новосибирске позиция лысенкоистов не была агрессивной ввиду безусловного доминирования

---

[69] За науку в Сибири. 1966. 22 марта.

[70] За науку в Сибири. 1966. 21 июня.

[71] За науку в Сибири. 1967. 24 окт.

[72] Общее «закручивание гаек» и усиление консервативно-охранительных тенденций в стране оказывало влияние на ИЦиГ и ощущалось его сотрудниками, что нашло отражение в ряде симптоматических проговорок. Так, на закрытом отчётно-выборном партийном собрании, состоявшемся 23 октября 1968 г., Ю.Я. Керкис сетовал: «Раньше при более худших условиях работы, институт был более родным, чем сейчас». Другой участник обсуждения А.Д. Груздев сказал: «Раньше на производственных совещаниях любой лаборант мог встать и назвать много недостатков. Сейчас боятся, да и негде сказать» (ГАНО. Ф. П-269. Оп. 6. Д. 737. Л. 28, 30).

СО АН. Противники генетики концентрировались в сельскохозяйственном и медицинском институтах, однако им приходилось вести себя сдержанно.

Не исключено, что лидирующую роль в латентном противодействии возрождению генетики на данном этапе играл Томский университет. В период расцвета лысенкоизма некоторые его сотрудники принимали активное участие в травле «вейсманистов-морганистов». В 1960-е гг. они печатали статьи в поддержку «мичуринской биологии» (Шалимов, 2011, с. 111). Знаковой здесь является фигура профессора Б.Г. Иоганзена[73] — известного специалиста по ихтиологии и гидробиологии, автора первого отечественного учебного пособия по экологии, который в течение нескольких десятилетий являлся приверженцем идей Т.Д. Лысенко. Уже в 1980-е гг. он был автором обвинительных писем против Н.В. Тимофеева-Ресовского (Тимофеев-Ресовский, 2000, с. 724). В этой связи представляет интерес то факт, что в 1967 г. в ИЦиГ обсуждался вопрос о выдвижении кандидатур в действительные члены Академии педагогических наук СССР. В том числе обсуждалась кандидатура Б.Г. Иоганзена, которая была отклонена с формулировкой: «Учитывая, что деятельность проф. Иоганзена нанесла значительный ущерб развитию биологии в Сибири, в особенности биологической подготовке учителей, обратиться с письмом в Президиум Академии педагогических наук с отрицательной характеристикой проф. Иоганзена»[74].

* * *

Процесс развития генетики во второй половине 1960-х гг. характеризовался неоднозначными тенденциями. В сравнении с предшествующим периодом конца 1950-х – начала 1960-х гг. произошёл определённый прогресс в подготовке кадров. Можно отметить усиление международных связей, значительное расширение возможностей

---

[73] Иоганзен Бодо Германович (1911–1996) — профессор кафедры ихтиологии и гидробиологии Томского государственного университета. Занимал должности заведующего кафедрой (1940–1942; 1944–1988), декана биологического / биолого-почвенного факультета ТГУ (1939–1985; с перерывами), а также ректора Томского государственного педагогического института (1964–1971). См. подробнее: Профессора Томского университета. 1998, с. 164–170.

[74] НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 187. Л. 117. В конце 1980-х гг. взгляды Б.Г. Иоганзена и его единомышленника из Кемеровского медицинского института Е.Д. Логачёва вызывали широкий резонанс среди биологов. В 1987 г. журнал «Природа» опубликовал рецензию С.М. Гершензона, Ю.И. Полянского и А.Л. Тахтаджяна «Не можем молчать», в которой труды Иоганзена и Логачёва характеризовались крайне негативно (1987. № 10). В ответ Иоганзен и Логачёв подготовили справку о своих взглядах, помещённую в том же издании. В их публикации сообщалось: «Авторы выступают против метафизического противопоставления: или приобретаемые свойства наследуются (Ламарк, Лысенко и др.), или они не наследуются (Вейсман, Бляхер и др.). Мы за диалектико-материалистическую позицию в этом вопросе: одни приобретённые свойства (мутации) наследуются, другие приобретённые свойства (в том числе, травмы, модификации и т.п.) не наследуются». Далее в этом «манифесте» говорилось: «Поэтому авторы призывают биологов и философов не отмахиваться от проблемы наследования приобритаемых свойств как от анахронизма и “лысенковщины”». Они утверждали: «Нужно понять, что в организмах под влиянием среды возникают различные наследственные и ненаследственные изменения <...> Некоторые биологи, пользуясь недостаточной изученностью возможностей перехода от ненаследственной изменчивости к наследственной, пытаются тем самым отстаивать совершенно ненаучное положение о полной невозможности наследования каких-либо приобритаемых свойств». Приведённая справка была прокомментирована академиком-секретарём Отделения общей биологии АН СССР В.Е. Соколовым и зам. главного редактора журнала «Природа» А.К. Скворцовым, которые однозначно отнесли её авторов к лагерю лысенкоистов (Соколов, Скворцов, 1988, с. 96–99).

для публикации научных исследований и обмена опытом между учёными-генетиками, а также успехи в области популяризации науки о наследственности. Всё это стало возможным благодаря наиболее позитивному фактору тех лет — изменению политико-идеологического контекста генетических исследований. В новых условиях Т.Д. Лысенко потерял монополию в биологии, и наука о наследственности была «легализована», получив определенную поддержку государственной власти.

В то же время нельзя не отметить противоречивость партийно-государственной политики в отношении генетических исследований. Ни в одном официальном документе руководящих инстанций тех лет деятельность Т.Д. Лысенко не осуждалась и, более того, со временем заметно сужались возможности для критики идей «народного академика». Некоторые темы, в том числе бурно развивающаяся в то время во всём мире генетика человека, ограничивались жёсткими идеологическими рамками. Несмотря на некоторое улучшение материально-технической базы генетических исследований, её состояние по-прежнему не соответствовало необходимому уровню. Сложившееся положение в биологии в значительной степени было связано с произошедшим во второй половине 1960-х гг. консервативным поворотом в общественно-политической жизни страны. Данный процесс отличался усилением реакции и жёсткого идеологического давления.

В ходе последующего исследования необходимо соотнести «удельный вес» этих противоположных векторов. В современном биологическом сообществе господствует точка зрения о доминировании прогрессивной тенденции, хотя есть и альтернативные мнения. Удалось ли отечественной генетике преодолеть «наследие сталинизма и лысенковщины» и выйти на «мировой уровень»? Поставленный вопрос требует фундаментального исторического изучения.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-33-01295

Литература

Александров В.Я. Трудные годы советской биологии: Записки современника. СПб.: Наука, 1992. 262 с.

Аргутинская С.В. Заметки – воспоминания о Д.К. Беляеве и становлении НГУ // Наука. Академгородок. Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Вып. 1. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 1999. С. 208–211.

Бурштейн А.И. Реквием по шестидесятым, или под знаком интеграла // ЭКО: Экономика и организация промышленного производства. 1992. № 1. С. 87–105.

Голубовский М.Д. Труды эволюциониста // Вестник РАН. 2006. Т. 76. № 1. С. 83–86.

Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: М.: Политиздат, 1991. 480 с.

Дмитрий Константинович Беляев: Книга воспоминаний. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2002. 284 с.

Драгавцев В.А. Новосибирские генетики и история генетики: размышления над книгой С.В. Шалимова «“Спасение и возрождение”: Исторический очерк развития генетики в Новосибирском научном центре в годы “оттепели”» // Историко-биологические исследования. 2011. Т. 3. № 4. С. 136–138.

Кикнадзе И. На родине Грегора Менделя // За науку в Сибири. 1965. 15 нояб.

Кузнецов И.С. Новосибирский Академгородок в 1968 году: «письмо сорока шести». Документальное издание. Новосибирск: Клио, 2007. 332 с.

Куперштох Н.А. Кадры академической науки в Сибири (середина 1950-х – 1960-е гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. 149 с.

Куперштох Н.А. Очерки о лидерах академической науки Сибири. Вып. 1. Новосибирск: Гео, 2011. 155 с.

Лебедева Л.И., Захаров И.К. Жизнь есть подвиг: к 100-летию со дня рождения генетика, профессора Юлия Яковлевича Керкиса (1907–1977) // Информационный вестник ВОГиС. 2007. Т. 11. № 1. С. 16–38.

Материалы XXIII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1966. 304 с.

Медведев Ж.А. Взлёт и падение Лысенко. М.: «Книга, лтд.», 1993. 348 с.

Профессора Томского университета: Биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Том 2. 544 с.

Ратнер В., Корочкин Л. Генетика – 1968 г. на фоне Японии // За науку в Сибири. 1968. 3 дек.

Соколов В.Е., Скворцов А.К. Молчать, действительно, нельзя // Природа. 1988. № 6. С. 96–99.

Состояние и дальнейшее развитие генетики в СССР // Вестник АН СССР. 1970. № 9. С. 3–10.

Тимофеев-Ресовский Н.В. Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами. М.: Согласие, 2000. 880 с.

Шалимов С.В. «Спасение и возрождение»: Исторический очерк развития генетики в Новосибирском научном центре в годы «оттепели» (1957–1964). Новосибирск: Манускрипт, 2011. 239 с.

Josephson P. New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1997. 351 p.

The Development of Genetics at the Novosibirsk Scientific Center in the Second Half of 1960s: Its Social and Historical Aspects

Sergey V. Shalimov

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov,
St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia;
sshal85@mail.ru

The article discusses the development of genetics in the Novosibirsk scientific center during the controversial and poorly studied period of the late 1960s. On the basis of new archival material and other sources the paper considers the social aspects of genetics. The positive changes caused by the political and ideological transformation are elucidated. The amplification of international relationships, the progress in the training of personnel, the new possibility to publish research and science popularization are noted. The author also pays attention to the negative factors, such as the incomplete overthrow of Trofim Lysenko, the rigid ideological framework, as well as the failure of the material infrastructure. The inhibitory effect of the conservative turn, which occurred in the second half of 1960s, is emphasized. The article presents a conclusion about the confrontation of these double-sided positive and negative trends in the development of Russian genetics.

Keywords: genetics, Novosibirsk Scientific Center, the Institute of Cytology and Genetics, D.K. Belyaev

Поиски гармонии человека (Из истории отечественной евгеники)

В.С. Соболев

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия;
vlad_history@mail.ru

В первые годы Советской власти в Бюро евгеники при Российской Академии наук изучались закономерности и условия наследования таланта и одаренности. В связи с этим было предпринято несколько попыток проведения анкетирования в среде академических работников. Статья посвящена краткому описанию и анализу связанных с этим материалов, которые хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Ключевые слова: История евгеники, наследование таланта, Бюро евгеники, Филипченко Ю.А., анкетирование учёных, документы Архива РАН.

В начале XX в. активизировалась деятельность отечественных учёных по поиску решения вечных противоречий, выраженных в соотношениях таких категорий, как сознательное и бессознательное; психофизиологическое и биосоциальное; среда и наследственность. Условия царской России и, прежде всего, влияние идеологических норм официальной православной церкви не способствовали развитию научных исследований в этом направлении. Научное осмысление новых идей и обобщение накопленного фактического материала шло недостаточными темпами. Безусловно, сказывалась и переживаемая Россией переломная эпоха — время войн, революций и мощных социальных потрясений.

Именно поэтому, на наш взгляд, только в конце 1919 г. доктору зоологии Юрию Александровичу Филипченко удалось добиться создания в Петроградском университете кафедры экспериментальной зоологии и генетики. Следует отметить, что к началу 1920-х гг. в ряде европейских столиц, например в Берлине, Копенгагене, Праге уже были созданы достаточно крупные центры по исследованию проблем генетики (Колчинский, 2007).

Многие представители российской интеллигенции в это время еще связывали с Октябрьской революцией возможность реализации своих давних надежд и чаяний о совершенствовании России, о коренном улучшении культурного и образовательного уровня её населения. Причем, весьма злободневными тогда являлись идеи быстрого, революционного преобразования страны и «народов её населявших».

В первой четверти XX в., соответственно, активизировалась и деятельность представителей отечественной евгеники (подробнее см.: Бабков, 2008; Фельдер, 2012; Конашев, 1994 и др.). Они искренне верили и надеялись, что можно научным, экспериментальным путем добиться возможности активно влиять на эволюцию человечества, в целях совершенствования его природы. В этой связи евгеников весьма интересовало изучение законов и условий наследования таланта и одаренности.

В связи с этим руководитель Русского евгенического общества Н.К. Кольцов в своей статье с откровенным названием «Улучшение человеческой породы» в то время

писал: «Многие социологи наивно, с точки зрения биолога, полагают, что всякое улучшение благосостояния тех или иных групп населения, всякое повышение культурного уровня их, должно неизбежно отразиться соответствующим улучшением в их потомстве и что именно это воздействие на среду и повышение культуры и являются лучшим способом для облагораживания человеческого рода. Современная биология этот путь отвергает» (Кольцов, 1922, с. 6–7).

В 1921 г., при Российской Академии наук было создано Бюро евгеники. В справочнике «Наука в России» имеется следующая информация: «"Бюро евгеники КЕПС", заведующий — Ю.А. Филипченко, доктор зоологии. Адрес: ул. Зверинская 4 кв. 49» (Наука в России, 1923, с. 128, сведения на начало 1922 г.). В те годы часто в качестве почтового адреса той или иной небольшой академической структуры указывался домашний адрес её руководителя. Дело состояло в том, что подобные научные организации не имели ни своего специального помещения, ни бюджетных ассигнований, и вся работа велась на одном, правда неподдельном, энтузиазме учёных, их любви и преданности своему делу.

В литературе по истории нашей науки встречаются иногда неточные сведения о развитии евгеники в 1920-е гг., поэтому считаем возможным дать некоторые пояснения на этот счёт. Бюро евгеники было организовано в составе Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) при Российской Академии наук. К середине 1920-х гг. в состав КЕПС входило три института: Физико-химического анализа, Платиновый, Почвенный и десять отделов. На правах одного из этих отделов КЕПС и существовало Бюро евгеники. В 1925 г. организации было присвоено новое название — «Бюро по генетике и евгенике». В 1927 г. произошла реорганизация Бюро, из его названия было изъято слово «евгеника» и появилось новое звучание: «Бюро по генетике». Несколько опережая ход событий отметим, что еще ряд лет эта академическая структура будет существовать, претерпевая различные организационные изменения, но уже без всякого упоминания о принадлежности к евгенике (Конашев, 1994). Думаем, что данное положение было далеко не случайным и имело веские причины.

Известно, что в соответствии с первой Конституцией РСФСР, принятой V Всероссийским съездом Советов в июле 1918 г., целые сословия России были лишены ряда важнейших гражданских прав: дворяне, купцы, промышленники, священнослужители и др. Представители прорвавшейся к власти партии часто и не без гордости заявляли о том, что Советская Конституция имела «открыто классовый характер». Так В.И. Ленин давал следующие четкие объяснения введенным в стране новым «правовым нормам»: «Мы не обещаем свободу и равенство вообще <…> Это и сказано в Конституции: диктатура рабочих и беднейшего крестьянства для подавления буржуазии»[1]. Таким образом, был создан новый уже «советский» класс — «лишенцы» (от выражения «лишен избирательных прав»).

В процессе укрепления тоталитарного режима социально-правовое положение «лишенцев» продолжало ухудшаться. Не только им самим, но и их детям был закрыт путь на государственную службу, к высшему образованию, в науку и тому подобное. Эти жестокие обстоятельства заставляли многих людей отказываться от своего прошлого. В газетах тех лет мы часто находим объявления, в которых молодые люди публично отрекались от своих родителей, при этом полагалось публично заверять общественность в том, что «никаких связей» с ними уже не поддерживается.

То есть в СССР сложилась такая обстановка, при которой происхождение и наследственность, которыми бы надлежало гордиться, тщательно скрывались и, наоборот, энергично разыскивались, а иногда и фальсифицировались данные о

[1] См.: Ленин В.И. Полн. собр. Соч. Т. 39. С. 424.

принадлежности человека к идеологически верному и общественно-значимому происхождению «от станка» и «от сохи».

Получилось так, что господствовавшая идеология жестко и абсолютно однозначно определила лучшую «породу» советских людей — представители рабочих и беднейших крестьян. В подобных условиях крайне опасно было заниматься научной разработкой проблем совершенствования природы человека, изучать законы и условия наследования таланта и одаренности.

Некоторые историки науки связывают гонения на евгенику в СССР только с фактом распространения фашизма в Европе (см., например: Гайсинович, 1988, с. 166–167; Ермолаев, 2004, с. 58). Но, на наш взгляд, эта научная тематика пришлась «не ко двору» в СССР несколько раньше и не только в связи с данными обстоятельствами.

Тем не менее, идеи евгеники в СССР официальными кругами «увязывались» с идеологией фашизма. Так, в 23-м томе Большой Советской энциклопедии, вышедшем в 1931 г., евгенике была посвящена пространная статья. В ней, в частности, говорилось, что «в СССР Н.К. Кольцов пытался перенести в советскую практику выводы фашистской евгеники. <…> Кольцов, а отчасти Филипченко солидаризировались с фашистской программой Ленца». В заключение в статье подчеркивалось, что «“улучшение человеческого рода” в СССР идет иными путями», которые обеспечены условиями строящегося социализма[2].

В 1922 г. Ю.А. Филипченко предпринял, в числе других исследовательских работ, и попытки сбора анкетных данных. Была разработана специальная анкета по теме «Выдающиеся учёные», включавшая в себя 25 пунктов. Главное внимание в анкете было уделено описанию конкретных наследственных данных, сведений о родителях и ближайших родственниках. Бюро удалось собрать тогда шестьдесят одну заполненную самими учёным анкету. Все они сохранились в нашем Архиве РАН (объем их составляет 131 лист)[3].

Эта первая анкета, по существу, не затрагивала параметров, характеризующих влияние социальных факторов на анкетируемых учёных. Данное обстоятельство заставило некоторых учёных дать свои замечания уже по совершенствованию самой анкеты. Так, И.М. Гревс приложил к заполненной им анкете еще и свои замечания. Учёный, в частности, отметил, что «было бы важно рядом с этим собиранием материала по наследственности, возможности которой я, конечно, не имею права отрицать и исследование которой вполне уважаю, производить собирание фактов автобиографических (как сложилась личность влияниями пережитого)»[4]. При этом Иван Михайлович с твердостью заметил: «я безусловно отвергаю в своём философском понимании мира материалистическое учение о единстве физиологических и психических явлений, признаю факт самостоятельного существования “души” и лишь “временное слияние между душой и телом”».

Можно предположить, что для составителей анкеты большой интерес представляла оценка способностей самого анкетируемого и его близких родственников. Например, Н.И. Вавилов следующим образом ответил на этот вопрос анкеты: «вообще вся семья насколько знаю способная, с резко-выраженной наследственностью способностей»[5]. Президент РАН А.П. Карпинский, отвечая на тот же вопрос, написал: «Интерес к изучению природы был свойственен многим предкам: отцу и его двум братьям. По-видимому, также и предкам матери»[6].

---

[2] См.: Большая Советская энциклопедия. 1-е изд. М., 1931. Т. 23. С. 815, 818.

[3] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПФ АРАН). Р. IV. Оп. 9. Д. 3.

[4] Там же. Л. 7–8.

[5] Там же. Л. 5–5об.

[6] Там же. Л. 84–84об.

Следует отметить, что сбор анкет был делом нелегким. В письме Н.К. Кольцову от 28 февраля 1921 г. Ю.А. Филипченко писал:

> «Я встретил мало приятное отношение, одним не до того («Нашли время для таких анкет!», «Надоели с этими дурацкими анкетами!»), другие считают это грубым вмешательством в жизнь, третьи (и среди них ряд громких имен, которые, действительные, «sunt odiosa», больше всего-то они и вредят) называют это ненаучным. Впрочем, давно тут кто-то сказал, что про всякие такие дела сперва говорят, что из них ничего не выйдет, затем, что оно ненаучно, и, наконец, что всё это давно уже было известно. Чего я только не делал — и объявления всюду вешал и вешаю, и на заседаниях выступал и выступаю, и обращения писал в разные учреждения — и вот результат: за два месяца из 2000 учёных только 250 ответили! [...] Надеюсь, что Дом Учёных даст мне ещё ответов 150 (хотя я далеко не уверен в этом), кроме того, при поддержке Горького распространяю ту же анкету на Дом Искусств, а летом обследую сотрудников на Петербургской станции. Если бы мне удалось собрать 1000 ответов, вышла бы интересная работа, но не знаю, удастся ли»[7].

Любопытно, что несколько заполненных анкет самим Ю.А. Филипченко были отклонены и в дальнейшую обработку не пущены. Они хранятся в отдельной папке, на которой имеется карандашная запись: «Не поступившие в обработку, ибо признаны недостаточно выдающимися». «Недостаточно выдающимся» Юрий Александрович с истинно российской интеллигентностью признал и самого себя. К таким же «неудачникам» был отнесен и начальник Военно-Медицинской академии В.Н. Тонков (видимо, участие последнего вместе с В.А. Стекловым, С.Ф. Ольденбургом и М. Горьким в широко известной исторической встрече с В.И. Лениным в январе 1921 г. научного веса ему, в глазах организатора евгенических исследований, не прибавило).

Некоторые результаты первого анкетирования учёных были отражены в двух статьях Ю.А. Филипченко, опубликованных в «Известиях бюро по евгенике» (Филипченко, 1922а, б).

В 1924 г. Бюро евгеники предприняло вторую попытку анкетирования учёных, была разработана новая анкета под рубрикой «Академики». В нашем Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранилось 150 этих заполненных анкет, объемом 223 листа[8]. На этот раз были учтены отдельные замечания коллег, и в анкету наряду с традиционными вопросами о родственных связях были включены пункты об образовании анкетируемых, их трудовой деятельности.

Например, академик С.Ф. Ольденбург в самой лаконичной форме отметил главные вехи своего жизненного пути «до избрания в Академию» — «Отставлен при Университете 1885–86 гг.; читал частным образом курс санскритской грамматики 1887–89 гг.; заграничная командировка 1889 г. (26 л.); приват-доцент Петербургского Университета 1897 г. (34 г.); и.о. экстраординарного профессора Петербургского Университета 1899 г. (36 л.)»[9].

Сотрудниками Бюро евгеники была проведена большая и результативная работа по собиранию научного материала. В этот раз были применены различные методические приёмы заполнения анкет, так как делались попытки собрать сведения и об уже ушедших из жизни учёных, о находившихся в эмиграции и т. д. Например, об умершем

---

[7] Архив РАН. Ф. 450. Оп. 3. Д. 153. Л. 5. В Московском архиве автор статьи собственных изысканий не проводил, и благодарен за информацию Роману Алексеевичу Фандо.

[8] СПФ АРАН. Р. IV. Оп. 9. Д. 4.

[9] Там же. Л. 94.

академике-математике А.М. Ляпунове анкету прислал из Одессы его брат, тоже академик, филолог Б.М. Ляпунов[10]. О В.О. Ключевском сведения предоставил академик С.Ф. Платонов; он, в частности, писал в октябре 1924 г. Ю.А. Филипченко следующее: «Многоуважаемый Юрий Александрович! Винюсь: я дал Вам неточные сведения о Ключевском; его дед был дьячок, а отец — священник. <…> Об Иконникове еще ничего не нашёл. Если найду, сообщу. Искренне Ваш Платонов»[11]. Этот архивный документ свидетельствует, с какой серьезностью и ответственностью подходили известные учёные к проводимому Бюро евгеники исследованию.

Сотрудниками Бюро были заполнены так же анкеты на академиков Н.П. Кондакова, М.И. Ростовцева, П.Б. Струве, уже находившихся к этому времени в эмиграции. А профессор В.А. Францев в мае 1924 г. прислал свою анкету из Праги.

Об ушедших из жизни учёных сотрудники Бюро находили необходимые сведения в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Евфрона, в «Русском биографическом словаре профессоров и преподавателей Петербургского университета», в других справочниках. Активно использовались и научные периодические издания, в том числе и местные. Так, малоизвестные биографические данные об историке православной церкви, уроженце Костромского края академике Е.Е. Голубинском удалось выявить в «Известиях Костромского Научного общества по изучению местного края» за 1922 г.

Материал, полученный в результате проведённого в первой половине 1920-х гг. анкетирования, был подытожен в двух статьях сотрудников Бюро (Лепин и др., 1925; Филипченко, 1925)12 и частично использован Ю.А. Филипченко в его известных трудах, вышедших в свет в последующие годы (Филипченко, 1926, 1927–1928, 1929).

Литература

Бабков В.В. Заря генетики человека: Русское евгеническое движение и начало генетики человека. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 799 с.

Гайсинович А.Е. Зарождение и развитие генетики. М.: Наука, 1988. 424 с.

Ермолаев А.И. История генетических исследований в Казанском университете. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 176 с.

Захаров И.А. Демографическое и генеалогическое изучение российских академиков (результаты старого исследования Ю.А. Филипченко и сотрудников) // Генетика. 1999. Т. 35. № 10. С. 1317–1321.

Колчинский Э.И. Биология Германии и России-СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века: между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом. СПб.: Нестор-История, 2007. 637 с.

Кольцов Н.К. Улучшение человеческой породы (Речь на годичном заседании Русского евгенического общества 20 окт. 1921 г.) // Русский евгенический журнал. 1922. Т. 1. Вып. 1. С. 1–27.

Конашев М.Б. Бюро по евгенике // Исследования по генетике. 1994. Вып. 10. С. 22-28.

[10] Там же. Л. 4–4об.

[11] Там же. Л. 90–91об.

[12] Полученный в результате этих публикаций статистический материал был частично проанализирован Н.Н. Медведевым (2006), И.А.Захаровым (1999); Е.Б. Музруковой и Р.А. Фандо (2007). К этим статьям мы и отсылаем читателя за более подробными сведениями, ограничившись обзором архивных материалов.

Лепин Т.К., Лус Я.Я., Филипченко Ю.А. Действительные члены б. императорской, ныне Российской Академии за последние 80 лет (1846–1924) // Известия Бюро по евгенике. 1925. № 3. С. 3–82.

Медведев Н.Н. Юрий Александрович Филипченко: 1882–1930. М.: Наука, 2006. 230 с.

Музрукова Е.Б., Фандо Р.А. У истоков отечественной генетики человека: первые евгенические работы Ю.А. Филипченко и А.С. Серебровского // Вестник Российской Академии наук. 2007. Т. 77. № 3. С. 250–260.

Наука в России. Научные работники Петрограда. Вып. 3. М.-Пг., 1923.

Фельдер Б.М. Расовая гигиена в России: Е.А. Шепилевский (1857–1920) и зарождение евгеники в Российской империи // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 2. С. 39–60.

Филипченко Ю.А. Статистические результаты анкеты по наследственности среди учёных Петербурга // Известия Бюро по евгенике. 1922а. № 1. С. 8–21.

Филипченко Ю.А. Наши выдающиеся учёные // Известия бюро по евгенике. 1922б. № 1. С. 22–38.

Филипченко Ю.А. Интеллигенция и таланты // Известия Бюро по евгенике. 1925. № 3. С. 83–96.

Филипченко Ю.А. Наследственность. Изд. 3-е. М., Л., 1926. 280 с.

Филипченко Ю.А. Частная генетика. Ч. 1–2. Л., 1927–1928. 240 с., 279 с.

Филипченко Ю.А. Изменчивость и методы её изучения. Изд. 4-е. М.-Л., 1929. 275 с.

The search for the harmony of man (From the history of Russian eugenics)

Vladimir S. Sobolev

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov,
St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia;
vlad_history@mail.ru

In the first years of the Soviet authority in the Bureau of Eugenics at the Russian Academy of Sciences the laws and conditions of the inheritance of talent and endowments were studied. In this connection, the author investigated interviews of some of the academic workers in this environment. The article is devoted to the brief description and the analysis of materials connected to this research and kept in the St.-Petersburg branch of Archive of the Russian Academy of Science

Key words: history of eugenics, inheritance of talent, the Bureau of Eugenics at the Russian Academy of Science, Filipchenko Yu.A., questioning in the scientific environment, documents of Archive of the Russian Academy of Science.

ДОКУМЕНТЫ

«У нас в ВАСХНИЛ происходят бои за марксистскую методологию»: Партийная организация ВАСХНИЛ в 1930–1931 годах[1]

Э.И. Колчинский

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия, ekolchinsky@yandex.ru

«У нас в ВАСХНИЛ происходят бои за марксистскую методологию»[2] — так 9 февраля 1931 г. В. Соколов, участник заседания только что созданного Биологического сектора Секции естествознания Ленинградского отделения Коммунистической Академии, охарактеризовал ситуацию, сложившуюся в ВАСХНИЛ и, прежде всего, во Всесоюзном институте растениеводства (ВИР). На самом деле речь шла далеко не о методологии. К тому времени усилиями группы аспирантов и младших научных сотрудников ВИР, возглавляемых директором Ленинградского института аспирантуры ВАСХНИЛ, бывшим моряком Г.И. Быковым, а также членами партбюро А.И. Альбенским и Г.Н. Шлыковым, практически была парализована работа Института, от которого требовали быстрого решения острейших проблем, сложившихся в сельском хозяйстве. Большинство из них не имело специального образования и впервые столкнулось с научной практикой в ВИР. Но за их плечами была Гражданская война, многолетний партийный стаж и опыт советской работы. Эти люди были искренне убеждены в своем праве командовать «буржуазными специалистами», у них были связи в партийных и контрольных органах.

Недостатки в образовании партийцы компенсировали повышенной активностью, точнее, социальной демагогией. С конца 1929 г. они постоянно обвиняли (в том числе со страниц газет «Правда», «Ленинградская правда», «Комсомольская правда», «Экономическая жизнь») руководство ВАСХНИЛ и ВИР в нежелании заниматься насущными нуждами сельского хозяйства, в бесплодности фундаментальных исследований, а после отстранения от власти А.И. Рыкова и Н.П. Горбунова — в правом оппортунизме

[1] Исследование поддержано грантом РГНФ (проект № 12-03-00239а)

[2] СПФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 56.

и, наконец, во вредительстве и контрреволюции. По их сигналам и доносам в 1930–1931 гг. в учреждениях практически без перерыва работали бригады проверяющих, проходили собрания коллективов с критикой и обвинениями руководства в покровительстве старорежимной, реакционной профессуре, в защите «буржуазной науки», в «зажиме молодежи», в игнорировании запросов практики и т. д. Вавилову не раз приходилось выступать с увещеваниями критиков, он старался найти с ними компромисс, но все было бесполезно. После вмешательства руководства Ленинградского обкома ВКП(б), возглавляемого С.М. Кировым, и специального постановления секретариата обкома, в котором были признаны достижения ВИР и, как положено в те дни, отмечены его «упущения», ситуацию удалось на время стабилизировать и приступить к разработке реальных планов.

Вавилов остался во главе ВАСХНИЛ и ВИР, но его позиции были сильно поколеблены. Под давлением партийных органов и собственных подчиненных-партийцев он вынужден был назначать на руководящие должности людей, не имевших навыков серьезной научной работы, да зачастую и не желавших их приобретать. Потерпев неудачу на «биологическом фронте культурной революции» и в ленинградских партийных комитетах, они преуспели в привлечении к «научным дискуссиям» карательных органов. В сентябре 1932 г., во время зарубежной командировки Н.И. Вавилова были арестованы и сосланы более 20 ведущих сотрудников ВИР, в том числе и будущий академик Н.А. Максимов, но вовсе не из-за срыва обещаний в короткие сроки вывести высокоурожайные сорта зерновых, как уверяют современные апологеты лысенковщины. Система ВАСХНИЛ была уже дезорганизована, во главе многих ее учреждений оказались некомпетентные выдвиженцы.

В серии недавних публикаций на базе вновь открытых документов Центрального архива историко-политической аргументации Санкт-Петербурга (ЦГАИПД) был детально проанализирован этот чрезвычайно важный период в истории отечественной генетики и селекции[3]. Было показано, что культивируемый в последние годы миф о том, что конфликт между Н.И. Вавиловым и Т.Д. Лысенко — столкновение лидеров двух научных школ, конкурировавших за финансовые, материальные и людские ресурсы, не находит документального подтверждения. Уже в первых атаках на Вавилова, начавшихся до появления Т.Д. Лысенко в качестве сколь-нибудь значимой фигуры в сообществе агрономов и селекционеров, научная составляющая дискуссий была очень незначительна и в нормальных социально-политических условиях не имела бы столь трагические последствия для многих ее участников. С самого начала критика Вавилова инспирировалась и контролировалась партийными структурами, а его противники в основном руководствовались политико-идеологическими и карьеристскими соображениями. Тогда же были выдвинуты и главные обвинения в адрес Н.И. Вавилова, в конечном счете, приведшие его на костер сталинской инквизиции.

Часть найденных документов уже опубликована[4]. Ниже публикуются другие документы из этого архива, освещающие некоторые ключевые моменты событий 1930–

---

[3] *Колчинский Э.И.* Культурная революция в СССР (1929–1932) и первые атаки на школу Н.И. Вавилова // Вавиловский журнал по генетике и селекции. 2012. Т. 16. № 3. С. 502–538; *Колчинский Э.И.* Начало скорбного пути Н.И. Вавилова. (К 125-летию великого ученого) // Политическая концептология. Журнал междисциплинарных исследований. 2012. № 4. С. 72-122.

[4] *Колчинский Э.И., Шалимов С.В.* «Шестой континент» Н.И. Вавилова // Вопросы истории естествознания и техники. 2012. № 4. С. 16–50.

1931 гг., разыгравшихся на фоне «культурной революции», призванной заменить буржуазных специалистов в науке пролетарскими кадрами.

Первый из этих документов — «Резолюция» общего партийного собрания сотрудников ВАСХНИЛ, состоявшегося 11 августа 1930 г., — связан с тем временем, когда оппоненты Н.И. Вавилова в ВИРе, вдохновленные отставками А.И. Рыкова и Н.П. Горбунова, поддерживавших Н.И. Вавилова, и арестами экономистов-аграрников Н.И. Кондратьева и А.И. Чаянова, стали требовать от руководства ВАСХНИЛ и ВИР перестройки всей научно-исследовательской работы, ссылаясь при этом на решение XVI съезда ВКП(б).

Второй — выдержка из стенограммы открытого пленума ВКП(б) ВИР, состоявшегося 3 апреля 1931 г. и посвященного задачам современной агрономической науки, месту ВИР в их решении и его перспективам в свете постановлений XVI съезда партии. К тому времени в центральной и местной партийной прессе было опубликовано несколько статей с обвинениями руководства ВАСХНИЛ и ВИР в реакционности, вредительстве и даже контрреволюции. Поэтому с самого начала своего доклада Вавилов сказал, что доклад был одобрен Президиумом ВАСХНИЛ, Наркомземом, а нарком земледелия Я.А. Яковлев подтвердил поддержку деятельности Института при недавнем посещении ВИРа. На многих доклад, насыщенный конкретным материалом и цифрами, произвел большое впечатление, даже главные критики были сдержанны. Они по публикациям в прессе понимали, что основные положения доклада прошли апробацию в Москве и одобрены.

Публикуемая выдержка из стенограммы этого собрания показывает, что Вавилов понимал: нападки обусловлены не только некомпетентностью критиков, но и тем, что за их спиной стоят влиятельные в партийных кругах лица. Он в заключительном слове явно старался погасить конфликт, искал компромисса с лидерами недовольных, признавая часть претензий, ссылаясь на огромные перегрузки, не позволявшие проконтролировать каждую тему, и признавая необходимость поворачивать генетиков, физиологов и селекционеров к нуждам сегодняшнего дня. Вавилов был готов поделиться полномочиями с парторганизацией, но с тем условием, чтобы она приняла на себя и обязанности. При этом он обещал сотрудничество критикам при условии приобретения ими профессиональных знаний. Сложившаяся к тому времени обстановка заставила Вавилова в очередной раз поднять вопрос о своей отставке. В письме в Президиум ВАСХНИЛ он указывал на ненормальную обстановку, созданную в ВИР'е «благодаря легкомыслию ряда партийных товарищей, мало подготовленных и в то же время зараженных запалом критики и реформаторства»[5]. Одни требуют превратить ВИР в оперативный орган Наркомзема, другие, напротив, заняться методологией. Существует и «большая разноголосица» «среди партийных кругов», не позволяющая выбрать стратегию исследований. Указывал он и на огромные финансовые и материальные трудности Института.

Однако без Ленинградского обкома вопрос об отставке Вавилова в то время не мог быть решен. Вопрос «О работе Ленинградских Институтов Академии сельхоз. наук им. Ленина» дважды рассматривался его секретариатом во главе с С.М. Кировым при участии заместителя директора ВИР Н.В. Ковалёва. Принятая 9 июля 1931 г. резолюция в целом оказалась положительной для Н.И. Вавилова, так как в ней отмечалось

[5] Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия 1929–1940 гг. (Научное наследство. Т. 10.) М.: Наука, 1987. С. 114.

наличие «некоторого перелома в направлении практического участия в разрешении проблем социалистической реконструкции сельского хозяйства (сортоиспытания семян, поднятие урожайности, проблем животноводства, кормовых добавок, технических культур» и др.[6] Вместе с тем указывалось на отсутствие «большевистской настойчивости в выкорчевывании» правого оппортунизма, «слабую борьбу с вредителями», «засорение аппарата чуждыми элементами», «слабую связь с социалистическим производством» и т. д. Обком отмечал также ошибки в научно-организационной работе, слабую вовлеченность аспирантов в планы работ отделов, малое внимание философско-методологической стороне их образования, отсутствие тесной связи многих исследований с практикой. Это была, конечно, жесткая критика, но критика в духе того времени, когда в основном за обвинениями во вредительстве, реакционности и в срыве партийных решений следовали кадровые решения, а затем и репрессивные меры. Ни тех, ни других на сей раз не последовало.

Спустя неделю после принятия постановления Ленинградского обкома ВКП(б) состоялось общее собрание работников ВИР, на котором с докладом о мерах по перестройке работ ВИР выступил Н.В. Ковалёв. Его выступление и публикуется ниже.

И наконец, последний документ показывает, как крупному физиологу растений члену-корреспонденту Н.М. Максимову, принявшему на словах марксистскую методологию и даже использовавшему её для критики своих оппонентов, но продолжавшему в своих экспериментах и выводах придерживаться научных норм, давали понять, что от него требуют безусловной лояльности по отношению к партийным выдвиженцам, рвущимся к власти в сельскохозяйственной науке. Его многолетние опыты по яровизации не подтверждали их радужные планы её использования для резкого повышения урожайности зерновых и быстрого выведения новых сортов. И это заставляло тех, кто верил в чудотворную силу яровизации, предупреждать возможную критику в свой адрес теми обвинениями, которые прозвучали на заседании бюро коллектива ВКП(б) ВИР, на котором делал доклад беспартийный Н.А. Максимов.

В дальнейшем предполагается опубликовать документы из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПФ АРАН), связанные с травлей Н.И. Вавилова и других выдающихся отечественных биологов активистами «культурной революции», возглавляемыми И.И. Презентом, ставшим впоследствии правой рукой Т.Д. Лысенко и главным идеологом мичуринской биологии.

Документ № 1[7]
Резолюция
[общего партийного собрания сотрудников ВАСХНИЛ от 11 августа 1930 г.]

Заслушав доклад т. Быкова[8] о решении XVI-го партсъезда по сельскому хоз[яйст]ву, общее собрание сотрудников Всесоюзной Академии с.х наук им. ЛЕНИНА констатирует, что решение Съезда совершенно правильно наметило пути коренной реконструкции всего сельского хоз[яйст]ва на основе строительства крупных социалистических хозяйств (специали-

[6] ЦГАИПД. Ф. 24. Связка 28. Оп. 1. Д. 323. Л. 13.

[7] ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5. Л. 21. Все редакторские дополнения в сокращённых словах и пропущенные слова печатаются в квадратных скобках, изъятые куски повторов – в фигурных скобках, пропуски в документах обозначены многоточием в угловых скобках. Документы выявлены и подготовлены к печати Э. И. Колчинским.

[8] Г.И. Быков — директор Ленинградского института аспирантуры ВАСХНИЛ.

зированных совхозов и колхозов). Собрание целиком присоединяется к решению съезда, что разрешение мясной, овощной и технических культур проблемы возможно только тем же путем, каким партия решила и зерновую проблему.

Собрание считает, что размещение культур в географическом разрезе, являющееся задачей сегодняшнего дня, ставит перед научно-исследоват[ельскими] учреждениями громаднейшую задачу коренным образом перестроить всю свою работу на основе решения XVI-го съезда партии. В связи с этим партячейке необходимо обратить исключительное внимание на перестройку всей научно-исследовательской работы в нашем Ин[титу]те, добиваясь построения его работы по твёрдому плану в каждой области и размещения научно-исследовательских пунктов и культур в районах, открывающих новые перспективы распространения соответствующих культур.

Партячейке надлежит заострить исключительное внимание на исследовании Ин[ститу]том технических и кормовых культур и составлении планов работ Ин[ститу]та. Общее партсобрание предлагает партячейке мобилизовать всю общественность и особенно учёных специалистов и ассистентов на подготовку кадров, добиваясь, чтобы ни одни молодой научный работник не был бы не обеспечен соответствующими программами работ. Общее собрание считает необходимым просить фракцию Правления сделать доклад на общем собрании о плане работы Ин[ститу]та в связи с решениями XVI партсъезда.

Документ № 2[9]
[Из стенограммы открытого пленума ВКП(б) ВИР. 3 апреля 1931 г.]

Артемов. — Заключительное слово имеет т. Вавилов.

Вавилов. — По вопросам информационного порядка должен сказать, что 50% того, что говорилась здесь, основано на недостаточном знании Института.

Проблемы севера: нужно сказать, что эту задачу мы себе давно поставили. Первая работа «О пределах земледелия» Цинзерлинга была задачей, выдвинутой Институтом; Наше Северо-Двинское отделение — полярное отделение; большие прекрасные работы сугубо практического значения, на которых основана колонизация; не случайно мурманская работа так охотно шла навстречу. Институт гордится этой работой, сугубо практической, которая открыла нам горизонты, мы теперь знаем, что мы можем множество культур продвигать к северу. И в этом отношении, я думаю, что мы задачу широко поставили. Так что т. Альбенский не знает нашей работы, а результаты этой работы очень большие, мы имеем первоклассные ассортименты, которые бьют все остальные. И это формулировано достаточно и в публикации, и в материале сортовом, который имеется в сотнях и даже тысячах пуд. Но, если здесь Вы хотите нам районировать задачи, то так нам и говорите, мы не считаем себя всезнайками, может, мы ошибаемся, но, говоря, что мы не уделили внимания северу, Вы прежде всего учтите то, что мы сделали.

Если послушать всё, что тут говорилось, то можно заблудиться: т. Альбенский говорит: «методология», если бы его послушал Нарком земледелия, то он закрыл бы наше учреждение при такой постановке. Если Вы почитаете телеграммы, которые за день приходят, то Вы увидите, чего жизнь требует. Почему мы держимся за сортоиспытание, да потому что мы получаем совершенно конкретные вопросы, которые требуют конкретных знаний, а не методологии.

Переходим дальше: — нет заземления. Я думаю, товарищи, что вы плохо нас знаете; ошибок у нас много, если бы вы заставили нас критиковать, я бы нашёл достаточно аргументов, но я бы хотел, чтобы Коллектив авторитетной коммунистической фракции бил в цель, тогда вы поможете дирекции; я придаю настоящему заседанию большое значение, дирекция — это

[9] ЦГАИПД. Ф. 304. Оп. 1. Д. 19. Л. 107–114.

дело маленькое, но ещё такой директор, который неизвестно где живет: в Москве, в поезде или в Ленинграде, у которого сотни задач, понятно, что дирекция — это дело малое, помогайте нам, поворачивайте, действительно мы плохо сорганизованы. Нельзя за 2 дня ставить доклад, который должен осветить подробно всю деятельность, я же два дня готовить не могу, я только 20 минут имею времени, чтобы урывками подготовиться к докладу, учтите это обстоятельство, а повторить доклад, который делался в Москве, я сразу согласился, и для меня он интересен, это ревизия того, что мы сделали. Затем я вижу, что здесь Детское Село почти отсутствует, и не знают, что сегодня делается доклад по Институту, а ведь там органические части: физиологи, генетики, селекционеры. От сортоиспытания мало здесь. Надо их поворачивать. Есть части, которые нужно покруче поворачивать, так вот вы их подтягивайте, и дирекция будет вам признательна. Мы озабочены сейчас тем, чтобы на вас перегрузить возможно больше обязанностей, это знают товарищи по работе в Президиуме; мы охотно пойдем на передачу вам возможно больше функций и позвольте это пожелание зафиксировать.

Заземление <…> его нет <…> Товарищи, с большим трудом мотаюсь по всей стране: открыть 12 отделений — дело нешуточное при наших нищих бюджетах. Мы это дело все же проделали, и по некоторым частям весьма неплохо, некоторые из наших отделений работают не худо. Может быть, можно сделать что-либо лучше — помогите!

Относительно аспирантуры укажу на т. Быкова. Жаль, его нет. Он человек авторитетный в Ваших кругах, и его мнение очень для нас существенно, но из-за его малограмотности, с нашей точки зрения, его малого знания нас, его выстрелы в цель не попадают. Ему надо учиться. Когда вы будете нас знать, будете за чуб брать, и повернёте нас; но этих знаний у вас недостаточно.

Нет целевой установки. Как так — нет целевой установки? Целевая установка — это служба социалистической стране. Весь смысл нашего существования, чтобы быть полезными, как мы это представляем, и мы подводим базу под селекционную работу материалом, методологией, наконец, государственным сортоиспытанием. Это всё не нужно? Это не целевая установка? Это недоразумение.

Коль говорит: академизм, но мы сами пошли добровольно на переименование Отдела прикладной ботаники во Всесоюзный Институт прикладной ботаники и новых культур, а потом в Институт Растениеводства. Быть монополистами мы никогда не имели намерения и вообще, думаю, что в науке монополий быть не может.

Промышленная хозяйственная постановка — ну, об этом нам говорить не стоит. Конкретизируйте, общая словесность Коля надоела, а когда наступает конкретизация, то получается, что интродукционные участки засеяны крапивой.

Относительно специалистов — действительно, сейчас положение наше очень трудное. В нашем дифференциале со множеством культур все зависит не только от учёного специалиста, но и от лаборанта; возьмёте техника иногда даже и приходится культуры закрывать. Ничего не поделаешь, ибо, действительно, дело не только в том, что специалист партийный или беспартийный, но прежде всего в самом дифференциале нашем. Но, конечно, нам надо подумать о том, чтобы по всем разделам обеспечить смену. Мы пока ругаемся с аспирантами, но деловой постановки у нас нет. Я считаю, что специалисты должны сделать в настоящее время больше усилия, чтобы помочь подготовить кадр. Нужно здесь произвести крутой поворот. Мы знаем, что этой повышенной подготовки некоторые и не одобряют, но я думаю, что в этом отношении сделано очень мало, а этим фронтом стоит заниматься, он очень нам нужен, и я думаю, что дирекции очень легко будет с Вами договориться, не противодействовать вам будет, но всячески пойдет навстречу. Но, повторяю, подхода этого не было.

Универсальные книги <…> Но это же невежество. Что это за универсальная книжка: рис или клещевина, чай, картофель <…> Мы вот считаем большим достижением, что за последние 5 лет отошли от стадии энциклопедизма и перешли к дифференциации, ибо общего растениеводства нет, есть частное растениеводство, и мы так работу и дифференцируем.

Тов. Румянцеву. — С т. Румянцевым мы больше сходимся, и многое, что он говорит, я совершенно разделяю.

Я думаю, что вопрос об аполитичности нужно кончить. Во всяком случае, тут не с дирекцией надо спорить, а помочь дирекции поворачивать; вы можете сделать это лучше, чем дирекция, не сомневаюсь. Вот просьба к вам... когда в коллективе 900 человек, порознь с каждым говорить просто языка не хватает, поэтому придётся на коллектив воздействовать при помощи таких собраний и нужно уделить максимум внимания обязательной явке на такие собрания, и таким образом нам наконец и договориться.

О рационализации Института — думаю, что здесь мы о многом договоримся. Я считаю, что та реконструкция, которая сейчас происходит, даст нам очень много. В частности, я считаю, что проделал очень полезную работу тов. Касаткин: при новом распределении и экономия получилась, и рационализация расстановки сил.

Должен сказать, что многие из наших пунктов по сортоиспытанию находятся в совхозах, а в дальнейшем, вероятно с осени этого года, мы вообще переводим сортоиспытание по линии совхозов и отчасти даже колхозов.

Следующий вопрос о методах, о которых говорил Альбенский, — в этом отношении мы собрали людей довольно грамотных и, если наши физиологи оказались такими плохими методистами — может быть, — но, думаю, что мы достаточно были осторожными в подборе нашего персонала, и трудно допустить, чтобы они делали такие ошибки.

{Пропуск текста}

Мы быстро получаем людей, которые будут работать под нашим руководством.

Относительно статьи моей и Жукова — если Директор будет заниматься писанием только статей, то дело не сможет идти и ряд телеграмм останется без ответа. Та статья, которая была выпущена, она должна была быть на нескольких страницах, так как она была написана по заказу в одну ночь и цели своей она, во всяком случае, ответила.

Тов. Коль — на счет пораженческой теории нашей — мы, люди-растениеводы, достаточно хорошо и действительно видим, что в нашей стране через год на огромной площади проходит то или другое стихийное бедствие, тогда как другие страны этого не знают, а те, которые знакомы с этими бедствиями, — они имеют другой урожай.

Одна из главнейших ошибок прежней агрономии и полеводства — эти коренные задачи не ставились, они решались паллиативно. Эти проблемы чрезвычайно трудны, они определяют в значительной мере то, от чего наша действительность терпит большие трудности.

Относительно мёртвых вкладов в науке — может быть тов. Шлыков пояснит мне потом, но если сводку работы, которая используется для практической селекции, назвать можно мёртвым вкладом и если тов. Шлыков напишет аналогичную работу, то наверно не назовут эту работу мёртвым вкладом.

По бобовым и зерновым — есть аналогичная работа — это исключительная группа по организованности, которая довела ценнейший материал до 10 пудов.

Хорошо организована Степная станция, которая чрезвычайно быстро проводит работу и увязывает её с сортовым семеноводством, и эта сторона районирования достаточно учтена. Я считаю, что удар брошен вхолостую со стороны тов. Шлыкова.

Относительно отраслевых институтов — малое дело ругать, когда не знаешь. Возьмите конкретный пример — Чайный Институт. Мы до того дошли, что не пожалели расстаться с проф. Писаревым, отдали его туда на год, он был там директором Института, пока его не закончил организовать.

Возьмите Институт Кукурузы — мы сделали много, занимались этим институтом, проф. Кулишев ездил туда на конференцию, мы органически увязаны с Институтом.

Вся организация Института Льна проделана нами.

Я вам назвал ряд отраслевых институтов — везде видна наша работа, а их ведь не так и много организовалось, большею частью отраслевые институты ещё только намечены.

Тов. Ушаков здесь сказал, что мы не учли постановления XVI партсъезда, я не помню, что мы не учли, если темп перестройки слаб, то я и этого не нахожу. По эфирно-масличным — спросите всю группу работников, они лучше знают, как быстро был организован в Москве Институт лекарственных растений при их содействии.

Я думаю, что совершенно неправильно отношение к отраслевым институтам — по ряду отделов мы при всем желании ничего не могли сделать.

Бороться с реакционным направлением — беритесь, это ваша задача.

«Старый материал» — чтобы узнать озимая или яровая эта культура, мы проделывали это бешеным темпом, материал ведь берется с [19]27 г.

Товарищи, которые говорили общие вещи об отставании от практики, о необходимости поворачивать организацию, конкретизировать работу Института — всё то, что вы можете сделать, авторитетная коммунистическая фракция, имеющая влияние несколько сильнее, нежели Дирекция.

Ориентация на юг — 95 процентов земледелия всё-таки на юге, соответственная разверстка у нас.

В заключение высказываю просьбу — вы можете в этом деле сделать чрезвычайно много — Институт нуждается в повороте, в более крутом повороте лицом к социализму. Мы сейчас включаем с отраслевыми институтами около 7 тыс. работников, из них 4 тыс. находятся на нашем бюджете и 3 тыс. на бюджете отраслевых институтов. Здесь ваша помощь нужна, и она может быть чрезвычайно велика.

Затем ещё пожелание — входите сами в технику, становитесь, изучайте, тогда поворотите, как нужно, сумеете пустить корабль и он пойдет гораздо быстрее.

Тов. Калашников зачитывает резолюцию.

Проф. Вавилов возражает против того, что в резолюции указывается, что мало организовано отраслевых институтов и против реакционного направления в научной работе.

После обмена мнениями собрание ПОСТАНОВИЛО: Принять резолюцию за основу. Создать комиссию в количестве 3-х человек — т.т. Шлыкова, Касаткина и Калашникова — для уточнения и конкретизации вопросов.

Документ № 3[10]

ПРОТОКОЛ № 3

От 17/ VII

Доклад Н.В. Ковалёва

ДОКЛАД ОБЩЕМУ СОБРАНИЮ РАБОТНИКОВ ВИР

В течение зимы Институт был обследован рядом бригад, которые, на основании непосредственных наблюдений, а также замечаний и указаний отдельных работников Института и совещаний, сделали выводы, утверждённые в основном Областным Комитетом Партии.

Эти выводы дают характеристику ряда недостатков в нашей работе, недостатков чрезвычайно больших, в особенности в свете поставленных перед нами задач и темпов, необходимых для их разрешения. Указания на недостатки, ни в каком случае, не смазывают той большой работы, которая проведена Институтом, и заслуг Института и его работников. За период существования с 1924 г. Институт, конечно, проделал большую и весьма ценную работу не только по собиранию мировых растительных ресурсов, но и по их рационализации, большую работу в части селекции, технических испытаний, в физиологической и других отраслях. Но в данном случае мы будем все-таки говорить главным образом о недостатках,

[10] ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 20. Л. 4–11.

отмеченных бригадой, и о тех практических выводах и мероприятиях, которые нам необходимо провести для устранения этих недостатков.

1) Та основная работа, которая возложена на Институт, ни в какой мере не может быть проведена непосредственно самим Институтом и его отделениями. Необходимо включить в работу — и чем скорее и жестче, тем лучше — все специализированные Институты с их сетью. Только включая всю мощную сеть растениеводственных институтов и организуя их работу в возможных частях по общей методике, мы можем рассчитывать на скорейшее получение результатов. Это, впрочем, относится к основному разделу наших работ по селекции и сортоиспытанию, а затем и по отдельным частям работы. Поэтому первым нашим выводом в данное время, и в особенности на следующий год, должно явиться уяснение наших взаимоотношений с Институтами, составление общесоюзного плана по всем работам, которые ведет ВИР, и синтез работ отраслевых Институтов. Каждый отдел ВИРа должен поставить себе задачей по своей специальности включить соответствующую часть отраслевых Институтов в его работу, там, где необходимо, организуя её по единому плану (работа по селекции, по физиологии, по агротехнике, и т. д.). Академия сельскохозяйственных наук дает нам большие права в этом отношении. И Институты должны будут подчиняться указаниям Академии. Мы полагаем, таким образом, что в ближайшее время должны быть набросаны нами установки и для будущего единого плана, освещены на собраниях и производственных совещаниях Института и затем даны отраслевым Институтам для написания сводного плана. При этом мы должны исключить всякого рода механический, бюрократический подход к этому делу, втискивание живой работы в бюрократические рамки. Каждый отдел должен знать работу соответственной части специализированного Института и в известной мере отвечать и руководить ею, нисколько, конечно, не умаляя роли специализированного Института и его непосредственного руководства (дирекции). Мы должны повторить еще раз, что выполнение наших задач связано с обязательным включением в работу всех отраслевых институтов.

2) В связи с изложенным выше, мы должны создать себе сами совершенно ясное представление о работе нашего Института и всех его частей не только тем, что мы будем иметь Положение об Институте, но и тем, что должны иметь Положение о каждой самостоятельной его части, отделе и секции. Сущность и направление в нашей работе должны быть совершенно ясны для нас, а также совершенно ясна необходимость и направление работы каждого из наших Отделений. Без этого мы не сможем наладить чётких отношений со специализированными Институтами, а равным образом не сможем развивать своей же собственной перспективы.

Мы определяем основное направление следующим образом: мировые растительные ресурсы, генетика и селекция, сортоводство, семеноведение, агротехника — это одно направление; специальные же дисциплины: физиология с биохимией и биофизикой — это второе направление; третье — качественное изучение растений и четвёртое — синтез всех достижений для целей районирования и размещения культур. При всех условиях основным направлением остаётся первое. Оно является центральным, вокруг которого проходит разрешение всех остальных задач. Институт должен являться хранителем всех фондов растительных ресурсов, но с тем, что порядок, для этой цели принимаемый, должен добиться скорейшего обеспечения этих фондов, а это может быть сделано только при наличии тесной связи и включения в работу всех отраслевых Институтов, при этом по строгому и ответственному плану.

По вопросам генетики и селекции, семеноведению и сортоводству мы центрируем работу у себя не только методологически, но и организационно (синтез выводов и организация по общей методике). По всем другим дисциплинам мы отвечаем за работу методологическую и должны озаботиться развитием работы и обеспечением ее живым руководством. Организационно вся работа центрируется в соответственных отраслевых институтах.

Специальным вопросом стоит вопрос районирования. Здесь за нами и методика, и центрирование всей работы, которая может быть выполнена только ВИРом, а не отдельными частями Академии, имеющими связи только с одним типом хозяйства.

3) Районирование культур мыслится нами как важнейшая задача, причем районирование понимается широко. Эта работа хотя и носит длительный характер, но в разных приближениях должна быть выполнена в ближайшее время и постепенно совершенствоваться и изменяться на основе добываемых данных. Мы должны путём экспериментальной работы и учёта хозяйственного опыта в полной мере выяснить зависимость между количеством и качеством продукции, с одной стороны, и естественно-историческими условиями районов — с другой, как для целых видов культур, так и для отдельных сортов данной культуры. Поэтому нашим частям, работающим в этом направлении (Биохимия, Техническое испытание и др.), предстоит развертывание широкой работы, также опираясь на специализированные институты во всевозможных основаниях (направлениях), с тем чтобы синтез всей работы и сводка её была сделана ВИРом, а предварительная работа должна строиться по единой методике по всему Союзу. Равным образом большая задача в этой работе — экспериментальная и исследовательская вообще — ложится на Отдел Агрометеорологии.

4) Вся наша работа должна быть подвергнута самой строгой критике для целей её наибольшей рационализации как внутри самого института, так и на периферии. Уже сейчас при известной рационализации мы можем получить гораздо скорее необходимые результаты в целом ряде вещей (порядок использования мировых ресурсов, организация селекции и т. д.), и не только путём их индустриализации, о чём отдельный вопрос, но и путём простой рационализации работ, используя все плановые возможности, даваемые социалистическим хозяйством.

В нашей работе, в особенности по сортоиспытанию, мы должны обязательно заставить Институты с общей методологической нашей установкой учесть и учитывать хозяйственный опыт совхозов и таким путём ускорить получение результатов и их достоверность. Мы должны параллельно с лабораторным опытом по физиологии выйти с проверкой ряда положений в полевой опыт.

Одновременно мы должны категорическим образом поставить перед Академией и Наркоматом вопрос об индустриализации нашей исследовательской работы во всех её основных частях (политермостаты, холодильные и засухоустойчивые установки, методы регулирования интенсивности освещения, оранжерейные установки для использования всего годового периода и проч.). Без этого мы не можем идти в ногу, параллельно с индустриализацией сельского хозяйства.

5) Мы должны также поставить вопрос о новых проблемах и новых методах, используя достижения во всех областях науки. Уже сейчас наметились в этом отношении возможности в части действия токов высокой частоты, действия на семена и на начальную стадию вегетации различными химическими реагентами, регулированием освещения и т. д. на степень ускорения вегетации, а равным образом и общее стимулирование всех процессов роста. Мы должны теперь же организовать и поставить ряд работ с использованием рентгеновских установок, ультрафиолетовых лучей, токов высокой частоты, атмосферного электричества, радиоактивных вод, регуляторов освещения, новых приемов мульчирования и т. д., как непосредственно в Институте, так и постепенно включая отраслевые Институты Академии.

6) Большим недостатком в нашей работе является то, что мы чрезвычайно медленно доводим наши достижения до производства, недопустимо медленно. Отчасти это происходит потому, что мы не имеем в составе Института соответствующего органа, а главное потому, что научный состав не ставил до сего времени этого задания непосредственно своей частью работы. Мы должны создать у себя организацию, называемую как угодно, но которая могла бы получаемые нами достижения регулярно и постоянно переключать в производство всякого рода путями, начиная от печати и кончая консультацией непосредственного хозяйства с участием в совещаниях в центральных и других хозяйственных организациях. Сейчас это делается так таким образом, что отдельные работники участвуют, и все это их участие не суммируется и — распылённое — иногда пропадает. Участие всех в работе и в дальнейшем будет обязательным, но наличие органа

позволит проводить всё это планомерно. Это с одной стороны. С другой — работу по переключению в производства наших достижений мы должны считать прямой обязанностью каждого из наших работников и в плане его работ обязательно обеспечить предоставление необходимого времени, строго его фиксируя (время для написания, такой-то работы, ряда таких-то статей в журналы и газеты, участие в таком-то и таком-то совещании и проч.), а не только производство непосредственной исследовательской работы. К сожалению, до сего времени наше участие в доведении достижений до производства даже руководящими организациями считалось чем-то незаконным, своего рода «побочным продуктом» нашей работы и в планах не фиксировалось; во всяком случае, времени для этой цели не предоставлялось.

Наши толстые журналы мы должны сделать более тонкими, во всяком случае, печатать по каждой работе и небольшую группу однородных работ в достаточном тираже. Затем наши статьи газетные и журнальные для производственных журналов мы должны ввести в наш план с таким расчетом, чтобы буквально все наши достижения были мобилизованы и неоднократно освещены в печати в ряде статей по определённому, рассчитанному на целый год плану (желательно применительно к сезонам). Эти статьи должны учитываться нашим издательством и библиотекой и иметься в библиотеках также в достаточном количестве для непосредственной работы.

В течение зимы мы должны наметить и провести ряд чисто рабочих совещаний по различным отраслям нашей работы не только в целях планирования, но и непосредственной постановки ряда широких опытов, лабораторных и полевых, и — это главное — извлечь из нашего опыта возможные достижения для переключения в хозяйство. Мы думаем созвать такое совещание по селекции (может быть, по селекции отдельных культур), по районированию и по физиологии.

7) Наше Бюро по районированию должно быть развернуто в специальный Плановый Отдел, с укреплением его кадрами. Без этого синтез работы для целей районирования не может быть дан. Мы наметили укрепить его тремя или четырьмя специалистами союзного порядка, сведущими в вопросах районирования, а также рядом работников политических. Мы считаем, что этот отдел должен большее участие принять и в планировании их исследовательской работы, и в том числе и самого Института. Именно этим отделом должен быть поставлен ряд проблем перед другими частями Института. На этот отдел мы будем также возлагать обязанность подвергать решению план посевных кампаний — в частности, размещение культур и сортов — и планы крупнейших хозяйственных объединений союза, как то: Зернотрест, Союзсахар и т. д., также в части размещения семенных хозяйств, культур и сортов по территории Союза.

Поставленные перед Институтом задачи могут быть выполнены при самой полной активности всех работников Института (в буквальном смысле) и включении в более ответственную работу нашей Аспирантуры и молодых кадров. На плечи части более активной и выдвигающейся молодежи мы должны перекладывать и тяжесть организационной работы Института, притом в большей мере, чем это было до сих пор. Всем старым, специалистам, идущим с нами в разрешении вопросов строительства социализма, также должна быть обеспечена соответствующая товарищеская обстановка. Мы наметили ряд наших подсобных комиссий и организаций — Редакционный Комитет, Бюро Изобретательства и Рационализации, Комиссия Исполнения, Комиссия по изучению заграничного опыта и т. д.

8) Отдельным вопросом стоят наши Отделения, в отношении которых нам необходимо также добиться полной ясности направления в их работах, а затем и улучшения руководства ими, подбора руководящего кадра и живого непосредственного руководства в течение года. Мы должны самым категорическим образом вытравить из наших отделений «географическую самостийность», то есть то явление, когда они сами или под давлением местных органов направляют свою работу чисто для местных целей, и притом замкнуто и оторванно от других исследовательских учреждений и хозяйства данного района.

Отделения наши в тех частях, где им надо существовать, должны быть исключительно тесно связаны с Центральным аппаратом ВИРа и являться непосредственной частью этого аппарата

и его работ. Как правило, на отделениях должны быть организованы те же отделы, что и в ВИРе (хотя и не во всех частях одинаково). Обязательным отделом является отдел генетики и селекции, для некоторых же частей отдел биохимии и физиологии, для большинства отделений отдел растительных ресурсов (по отдельным культурам). Все эти отделы на всех отделениях должны находиться под живым и непосредственным руководством соответствующего отдела ВИРа и не должны нести никакой другой автономной помимо них работы; в противном случае они должны быть переданы местным организациям на правах их зональной станции.

Это не исключает того, что ряд работников на этих отделениях будет постоянно работать на месте, только зимою переключаясь на работы ВИРа, а другая часть работников будет приезжать на несколько месяцев в году для работы на отделении.

Вероятно два отделения из расположенных на севере и на юге (Мурман — Сухум) получат несколько иной тип (акклиматизационных учреждений), главным образом, для разработки вопросов, связанных с новыми культурами, и поэтому их организация может идти по другому типу — отделы по культурам.

9) Мы должны поднять дисциплину в нашей работе путем конкретизации плана, ответственности за определённые части работы путём поощрения и известных в необходимых случаях взысканий за упущения, а также установлением более четкого порядка явки и ухода с работы.

В вопросах социалистического соревнования мы чрезвычайно отстали, и здесь работу необходимо и можно поставить много шире. Я считаю, что Институт вправе сейчас выдвинуть и отметить премиями ряд работников, отдающих всё своё время работе и добившихся в ней значительных результатов, хотя бы формально и не объявленных ударниками. Мы не должны в соревновании гоняться за разрешением больших заданий, но соревноваться в повседневной работе, как бы она мелка ни казалась.

Конечно, в тех случаях, когда соревнуются отдельные части, нужно выдвигать более конкретные и важные проблемы, по которым необходима разработка предварительно ряда условий соревнования.

Здесь же необходимо сказать и о самокритике, которая в Институте развита явно недостаточно. Многие работники, старые специалисты, чрезвычайно обижаются на критику, а это отчасти влияет на то, что когда критика эта бывает, то она не всегда носит товарищеский характер. Критика должна быть методом в нашей повседневной работе. От руководителей отделов и секций мы должны будем требовать обеспечения критики, развертывания помощи и её организации, как это ни кажется странным — «организовать критику».

Организацию критики мы мыслим таким образом, что наши планы и наша методика подвергаются критическому разбору на отдельных совещаниях, независимо от авторитета. Наши отчёты и наши работы для издания подвергаются обязательней критике на совещаниях отдельными группами работников и проч. Мы должны считать дурным тоном всякую обиду на критику, а когда это происходит со стороны старших товарищей, пресекать такую обидчивость, которая является ничем иным, как уже зажимом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Я затронул в своем докладе только основные вопросы. Необходимо в каждом из отделов поставить на обсуждение затронутые вопросы и выработать конкретные меры по улучшению работы.

Смотр, который произвела нам бригада, должен послужить новым толчком и стимулом к максимальному развитию нашей работы и темпов в ней. Каждый работник Института должен быть кровно заинтересован в том, чтобы стоящие перед Институтом задачи по организации социалистического строительства были разрешены нами наилучше и в наикратчайший срок.

Зам. директора ВИРа (Н. Ковалёв)
1931 г.

Документ № 4[11]
ПРОТОКОЛ № 6
ЗАСЕДАНИЯ БЮРО КОЛЛЕКТИВА ВКП (б) ИНСТИТУТА РАСТЕНИЕВОДСТВА
от 22-го нояб. 1931 г.

Присутствовали: Соколов, Альбенский, Бобков, Щербина, Кравченко, Митин, Ковалёв, Барышев, Шлыков.

Игнатьева, Куклин, Прокошев, Тимофеева М., Козак, Иванов С. М. б/п., Максимов б/п.

СЛУШАЛИ:

1. Доклад Отдела физиологии — проф. Максимов Н.А. Наши достижения идут через селекцию и агротехнику; от них мы мало получили заданий. Мы сейчас переходим к частной физиологии, но надо произвести много экспериментальных работ. В этом вопросе мы стоим наряду и впереди западного опыта. Нам приходится самим работать. Нет конкретных приёмов, как строить методологически правильно дальше работу; мы механист[ические] навыки имеем, а молодняк не овладел материалом для перестройки. Мы имеем секцию вегетационного периода, зимостойкости и засухоустойчивости. Наш план в переделке, но намечено испытание сортов на зимостойкость, разработка ускоренных методов определения зимостойкости и подход к выпреванию и вымоканию и т. д. Мы стремимся избавиться от ошибок в поисках методов. Мы обращаем внимание на косвенные методы, но результаты неутешительные получились. Сейчас мы придаем им значение подсобное, косвенное.

ВЫСТУПЛЕНИЯ:

Тов. Ковалёв. — По разработке планов ведётся очень слабая работа, необходимо в этом помочь специалистам. Не реализованы и популяризованы методы по яровизации. Нельзя допускать, чтобы аспиранты бросали свои темы, об этом никому не сообщалось, нет ответственности за их работу зав. секциями.

Тов. Иванов С. — В руководстве лаборатории физиологии замечается поворот, но достижений в работе не имеется. Во многих случаях работа ведётся по-старому, работа по перестройке ведется стихийно. Максимов сам конкретно в перестройке не участвует, и не принимает соответствующих мероприятий. Секция морозоустойчивости изложила не только методику, но и характерные работы, проблемы разрешения вопросов другие, чем были раньше. Полной и быстрой перестройки работы добиться трудно, в связи (со старой закваской) с консервативностью старых работников. Не изжиты старые методы в работе. Необходимо подковать марксистской методологией старых работников, могущих легко отказаться от старых методов. Приглашённый т. Скворцов не сможет выполнить задач, поставленных перед ним в деле подготовки кадров.

В своей работе Иванов чувствует затруднение в том, что не имеет времени уделять внимания экспериментальной работе.

Тов. Басова. — Отдел селекции ставит опыты по исследовательской работе в оранжереях, и Отдел Физиологии не дает конкретного руководства. Нет сводки заграничных достижений в области физиологии. Нет инструкции по методике «яровизации». Необходимо ликвидировать прорывы, привлекая к этой работе аспирантов.

Тов. Соколов. — Нет достаточного руководства в работе аспирантов, замечается отказ дальнейшей подготовки аспирантов. Программы составляются очень слабо. В делах Максимова нет разграничений с его темой. На конференцию послана была Т. Максимова, а не Красовская. Используют Иванова как завхоза, а не заместителя по научной части, и говорят, что по научной части заместителем является Сказкин. Отдел Физиологии качеством и количеством своей работы не удовлетворяет.

[11] ЦГАИПД. Ф. 304. Д. 22. Л. 71–72.

Тов. Скворцов. — Даёт неудачные установки в понятии постановки работы физиологии.

Тов. Тимофеева. — Методологически работа поставлена неправильно. Трудность в работе заключается в отсутствии планов, отрыве теории от практики, в постановке некоторых тем (зимостойкость, выбор места). Необходимо немедленно в работе увязаться с другими институтами. Неправильно расставлены силы.

Тов. Прокошев. — Нет связи с Отделом Биохимии. Увязка с биохимией имела частный характер.

Тов. Куклин. — Не ведется подготовка научных сотрудников в повышении квалификации. При подборе работников необходимо учитывать, насколько эти работники могут быстро перестраиваться со стороны методологии и в перестройке работы Отдела. Не в достаточной мере отвечают требованию программы в подготовке аспирантов.

Тов. Куклин. — Аспиранты не связаны вплотную с производством. Несерьезного отношения аспирантов к производственной работе не имеется, об этом никогда не говорилось и на производственном совещании. Планов в Отделе до прибытия аспирантов не было, а отсюда и говорить, что аспиранты ничего не делают, нельзя. В Детском Селе занимаются суховеем — вряд ли целесообразно.

Тов. Шлыков. — Нужно обратить внимание на методику полевых исследований. Подбор кадров (аспирантов) не настолько плохой, как Максимову кажется. Замечается отрыв от кадров. До сегодняшнего дня лаборатория имеет физическое направление в работе.

Тов. Альбенский. — Руководство лабораторией необходимо осуществлять по главным вопросам. Необходимы более жестокие требования к выполнению заданий. Осуществлять общественное внимание через парторга и профорга (уполномоченного). Нет тупика в физиологии, есть нерешительность. Нужно изжить семейственность и разрешать те или иные вопросы через соответствующих лиц или производственные совещания. В ближайшее время издать инструкцию по методике. Необходимо перестроить планы занятий. Вести пропаганду по физиологии. Давать оценку тем или другим выдающимся работам.

Тов. Иванов С. — с Н.А. Максимовым недоговоренности в работе не было, но была тенденция Т. Максимовой смазывать функции Иванова.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО Максимова. — С замечаниями, которые были высказаны, — согласен, так как принципиальных расхождений не имеется. Правильно то, что нет увязки со специализированными институтами. Тов. Скворцов практически много работал на опытных станциях, много занимался диаматом и думаю, что разберется в работе, в дальнейшем товарищи сами убедятся. Учебу с аспирантами 2-года взял на себя. Не прав Кравченко, что много уделяем внимания истории физиологии в занятиях с аспирантами. Тов. Басова не права, что нас мало можно использовать, на нас надо поднажать, хотя по некоторым вопросам ответить не можем, так как сами ещё не изучили. Заграничный опыт используется. Работы по яровизации в Отделе ведутся. Работать аспирантам не позволяет необорудованность лаборатории, нет места и т. д. Участие наших аспирантов, нужно пересмотреть программу подготовки их. Тов. Максимова Т. разрешала ряд вопросов как заместитель Максимова в его отсутствие. Красовская не поехала на конференцию по засухе. Не умышленно Сказкин заместил Васильева и назначен учёным секретарем, в административные дела не вмешивается также. Замещает Красовскую по Отделу засухоустойчивости. Связь с другими институтами устанавливается, возможно, недостаточная по вине отдельных сотрудников. Физиология — это отдел с несколькими лабораториями, нужно это оформить. У нас отсутствует химико-физиологическое направление. Необходимо установить более тесную связь с биохимической лабораторией. Главные вопросы (за исключением) проводятся через производственные совещания.

ПОСТАНОВИЛИ: Отметить, что Отдел Физиологии в основном пересмотрел свои прежние позиции и занял относительно правильную линию работы — изучать растение в целом, и в то же время стремиться поставить развертывание частной физиологии.

Но, несмотря на имеющийся принципиальный поворот, сама перестройка работы производится нерешительно и самотеком, поэтому бюро коллектива ВКП(б) считает необходимым проведение следующих мероприятий:

1. Необходимо более решительно со стороны руководства Отдела (проф. Максимова и Иванова С. М.) руководить перестройкой и требовать со стороны сотрудников выполнения тех или иных положений, таким путем изжить нерешительность в руководстве и самотек в работе.

Предложить парторгу и фр. МК и СНР обеспечить перестройку общественной работы в Отделе и особенно работы производственных совещаний в этом направлении.

2. Поручить тов. Ковалёву в ближайшее же время произвести пересмотр плана работ отдела в смысле изучения растения в целом, развернув достаточно быстро лабораторию питания. Предложить партгруппе обеспечить комплексирование работы отдела физиологии с отделом биохимии и селекции.

Организовать работы в Отделе для выполнения спецзаказов селекции.

3. Предложить тов. Ковалёву провести мероприятия по усилению руководства и ответственности отделов за подготовку аспирантов, в том числе и по отделу физиологии.

"In VASKHNIL We Have Fights for Marxist Methodology": Communist Party Bureau of VASKHNIL in 1930–1931

Eduard I. Kolchinsky

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov,
St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia;
ekolchinsky@yandex.ru

Four documents are published for the first time: "Minutes of the party meeting of VASKHNIL (National Agricultural Academy of Russia) 11/08/1930", "Vavilov's concluding speech of the meeting in VIR (All-Union Institute or Plant Industry) 3/04/1931", "Report of VIR deputy director N.W. Kovalev, 17/07/1931"; "Protocol of the communist party bureau meeting of VIR, 22/11/1931".

The Destroying of an Eminent Geneticist: Dontcho Kostoff and the Biological Conference in Bulgaria, 1949

Aglika Edreva

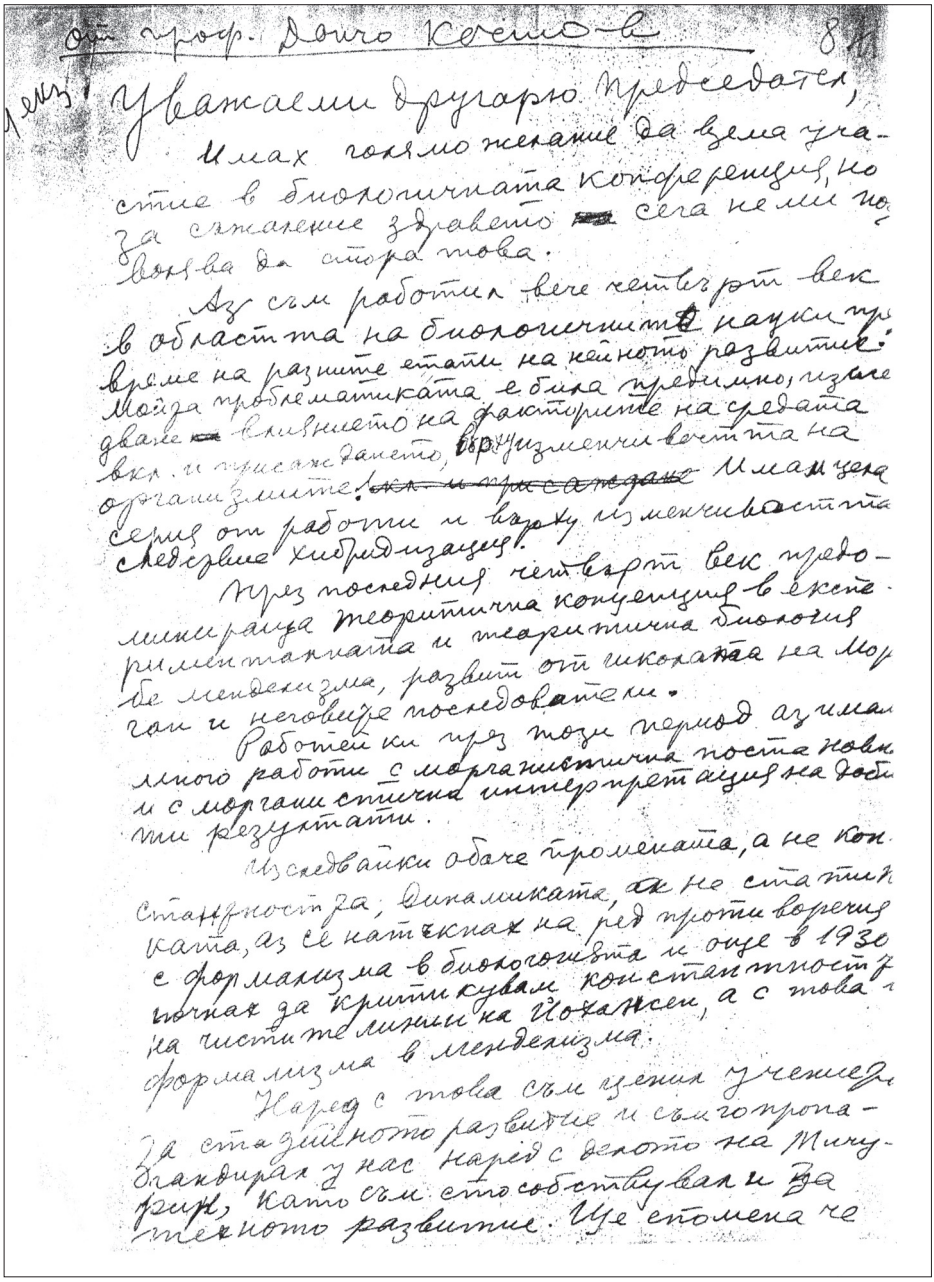
Institute of Plant Physiology and Genetics, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria;
edreva5@yahoo.com

Dontcho Kostoff (1897–1949) is the most outstanding Bulgarian geneticist, recognized world-wide for his large scope-research on cytogenetics, cytology, immunology, plant mutagenesis, phylogenesis, evolution, interspecific hybridization and polyploidy, published in the most prestigious international journals. The Biological Conference in Bulgaria (4-8 April 1949, Sofia), a dark echo of the "historical" August Session of the Agrarian Academy of USSR (VASKhNIL) (Moscow, 1948), was organized by the Bulgarian Academy of Sciences (BAS) while inspired, prepared and dominated by the Bulgarian Communist Party (BCP). Researchers from all branches of biology and from all scientific institutions (about five hundred) were obliged to attend the Biological Conference named "The situation of the biological science in Bulgaria in the light of Michurin's teaching". Professor Kostoff was slandered at the conference and did not withstand this dramatic moral collapse, and soon died (9 August 1949).

Keywords: Dontcho Kostoff, cytogenetics, Biological Conference, Bulgarian Communist Party.

Dontcho Kostoff (1897–1949) is the most outstanding Bulgarian geneticist, recognized world-wide for his large scope-researches on cytogenetics, cytology, immunology, plant mutagenesis, phylogenesis, evolution, interspecific hybridization and polyploidy, published in the most prestigious international journals. After graduating from Halle University, Germany (1924) he specialized at Harvard University (1926–1929) as a Rockefeller grant winner. The work in the Laboratory (later Institute) of Genetics at the Academy of Sciences of USSR (1932–1939) in close cooperation with the eminent biologist N. I. Vavilov was the most fruitful period in his scientific career yielding over one hundred publications. D. Kostoff's stay in USSR coincided with the upsurge of the biological and agricultural sciences, irreversibly broken up unfortunately by the appearance and domination of Lysenkoist pseudo-scientific teaching imposed by political means (Tsikov, 1997; Edreva, 2009). In these heavy times, Kostoff was on the side of classical genetics. Moreover, he co-authored of one of the first papers (Konstantinov, Lysitsin, Kostov, 1936) criticizing Lysenko from strictly scientific positions. In 1939 Kostoff returned to Bulgaria forced by the dangerous situation in USSR which could no longer provide conditions for normal research work. In his country he headed the Central Agricultural Research Institute in Sofia (1939–1949) and deployed his remarkable scientific and organizational potential (Tsikov, 1997; Edreva, 2009). The fundamental work "Cytogenetics of the genus Nicotiana" (Kostoff, 1941–1943) published in this period (1941–1943) is an irreplaceable guide in tobacco research until now.

The Biological Conference in Bulgaria (4–8 April 1949, Sofia), a dark echo of the "historical" August Session of the Agrarian Academy of USSR (VASKhNIL) (Moscow, 1948), was organized by the Bulgarian Academy of Sciences (BAS) while inspired, prepared and dominated by the Bulgarian Communist Party (BCP) (Edreva, 2010; Mintchev, 2004). Before the Conference a series of articles (Emanuilov, 1948) was published in the BCP daily newspaper "Rabotnichesko delo" (November 1948) launching accusations at the adherents to the classical genetics for "reactionary" views, "useless" research detached from the practice, and not adopt-



от проф. Дончо Костов

Уважаеми другарю Председател,

Имах голямо желание да вземе участие в биологическата конференция, но за съжаление здравето сега не ми позволява да стоя това.

Аз съм работил вече четвърт век в областта на биологическите науки при време на разните етапи на нейното развитие. Майда проблематиката е била предимно, изхождане вниманието на факторите на средата вкл. и присаждането, върху изменчивостта на организмите. Имам цяла серия от работи и върху изменчивостта следствие хибридизацията.

През последния четвърт век предоминираха теоретична концепция в експериментатиката и теоретична биология, развити от школата на Морган и неговите последователи.

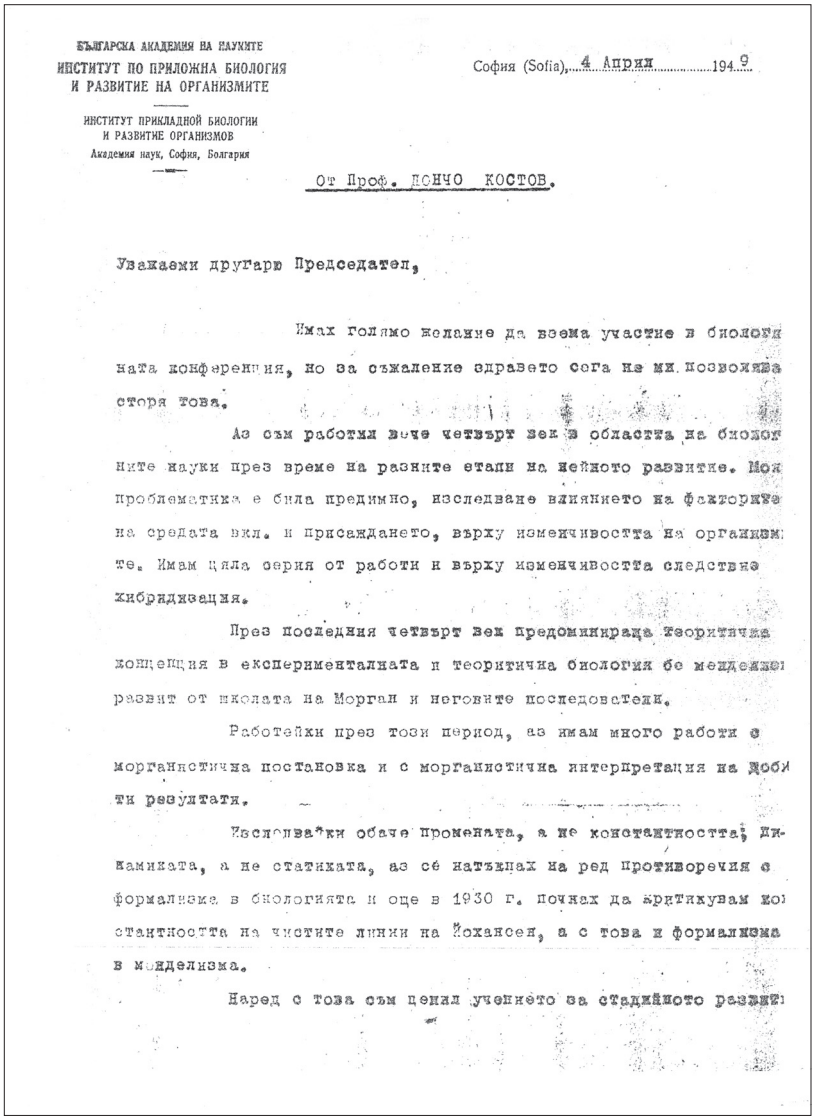
Работейки през този период аз имам много работи с морганистична постановка и с морганистична интерпретация на добитите резултати.

Изследвайки обаче промяната, а не константността; динамиката, а не статиката, аз се натъкнах на ред противоречия с формализма в биологията и още в 1930 г. бях да критикувам константността на чистите линии на Йохансен, а с това и формализма в менделизма.

Наред с това съм изнесъл учения за стадийното развитие и съм го пропагандирал у нас наред с делото на Мичурин, като съм способствувал и за техното развитие. Ще спомена че

Fig. 1. Original manuscript of the address of D. Kostoff to the Biological Conference

ing Michurin-Lysenko's teaching. Later, in December 1948, strong criticisms were addressed from the supreme tribune of BCP, the Fifth Congress, the speeches of the Party leaders and ministers V. Chervenkov and T. Chernokolev being particularly offensive. The main targets of all attacks were the eminent biologists Dontcho Kostoff and Metodii Popov, members of BAS.



БЪЛГАРСКА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ
ИНСТИТУТ ПО ПРИЛОЖНА БИОЛОГИЯ
И РАЗВИТИЕ НА ОРГАНИЗМИТЕ

ИНСТИТУТ ПРИКЛАДНОЙ БИОЛОГИИ
И РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗМОВ
Академия наук, София, Болгария

София (Sofia), 4 Април 1949

От Проф. ДОНЧО КОСТОВ.

Уважаеми другарю Председател,

Имах голямо желание да взема участие в биологи
ната конференция, но за съжаление здравето сега не ми позволява
сторя това.

Аз съм работил вече четвърт век в областта на биолог
ните науки през време на разните етапи на нейното развитие. Моя
проблематика е била предимно, изследване влиянието на факторите
на средата вкл. и присаждането, върху изменчивостта на организм
те. Имам цяла серия от работи и върху изменчивостта следствие
хибридизация.

През последния четвърт век предоминираща теоритична
концепция в експерименталната и теоритична биология бе менделизъ
развит от школата на Морган и неговите последователи.

Работейки през този период, аз имам много работи с
морганистична постановка и с морганистична интерпретация на доби
ти резултати.

Изследвайки обаче промената, а не константността, ди-
намиката, а не статиката, аз се натъкнах на ред противоречия с
формализма в биологията и още в 1930 г. почнах да критикувам кон
стантността на чистите линии на Йохансен, а с това и формализма
в менделизма.

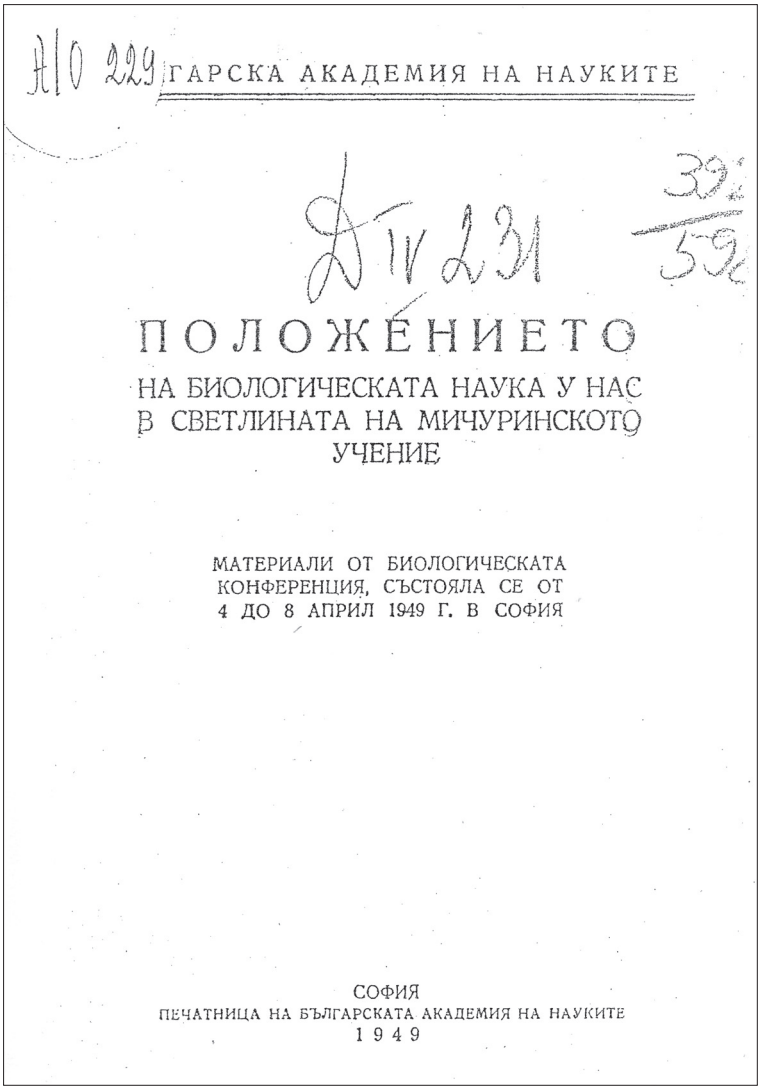
Наред с това съм ценил ученето за стадийното разви

Fig. 2. Typed copy of the original manuscript of the address of D. Kostoff to the Biological Conference

The archives of BAS still keep documents about the incredible efforts of D. Kostoff to convince the BCP and State leaders — G. Dimitrov, V. Kolarov, V. Chervenkov[1] — in the absurdity of the accusations against him. He felt however that the reasonable arguments were futile, and referred to himself as a “scape goat”, a doomed man.

Researchers from all branches of biology and from all scientific institutions (about five hundred) were obliged to attend the Biological Conference named “The situation of the bio-

[1] Scientific Archives of the Bulgarian Academy of Sciences, 198k, op. 1: Archives of D. Kostoff. № 555, 560, 638.



ГАРСКА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ

ПОЛОЖЕНИЕТО
НА БИОЛОГИЧЕСКАТА НАУКА У НАС
В СВЕТЛИНАТА НА МИЧУРИНСКОТО
УЧЕНИЕ

МАТЕРИАЛИ ОТ БИОЛОГИЧЕСКАТА
КОНФЕРЕНЦИЯ, СЪСТОЯЛА СЕ ОТ
4 ДО 8 АПРИЛ 1949 Г. В СОФИЯ

СОФИЯ
ПЕЧАТНИЦА НА БЪЛГАРСКАТА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ
1 9 4 9

Fig. 3. Address of D. Kostoff to the Biological Conference announced at the Conference and published in the Proceedings of the Conference (Polozhenieto na biologicheskata nauka... 1949)

logical science in Bulgaria in the light of Michurin's teaching" (Polozhenieto na biologicheskata nauka... 1949). The dominating personalities were T. Pavlov, President of BAS, and Prof. Ch. Daskaloff who delivered the basic report. The Bulgarian biologists were feeling themselves as defendants who were constrained to disclaim their former "erroneous" views and works based on classical genetics, i.e. on Mendel — Weisman — Morgan concepts, and to swear in the new Lysenkoist credo. The main subject of criticisms and accusations in both the basic report and the speeches of the leaders and some participants was Kostoff (Polozhenieto na biologicheskata nauka... 1949). Deadly ill, he was not present at the Conference; however he was forced to send an address to the Conference recognizing the "mistakes" in his work and

promising full reorientation to Lysenkoist positions. Actually, Kostoff sent such a letter to the Conference. The original manuscript and its typed copy (which are fully identical) (Fig. 1, 2)[2] presented here as an English version (Suppl. 1) revealed Kostoff 's efforts to explain his former and present scientific positions in a civilized way. However a completely different version of the address was announced at the auditorium and later published in the Proceedings of the Conference: Fig. 3 (Polozhenieto na biologicheskata nauka... 1949); Suppl. 2, English version of it. It was an obvious falsification that humiliated the personality of the scientist having nothing to do with the original. Strikingly, neither the content of the text nor the style and the language corresponded to Kostoff's writing. Despite some guesswork the authorship of the falsification remained obscure.Kostoff could not withstand this dramatic moral collapse, and soon died (9 August 1949) struck by heart infarction. For long years in the country his name was suppressed, and his work denied and neglected. In contrast, in the scientific world the importance of the great geneticist was continuously growing, his work being highly recognized until now.

References

Edreva A. Acad. Dontcho Kostoff and his time // Genetics and Breeding. 2009. 38. P. 113–116.

Edreva A. Dark echo: The 1949 Bulgarian Biological Conference (4–8 April 1949, Sofia) // History of Science in South-East Europe Newsletter. 2010. № 13. P. 10–12.

Emanuilov I. Biologicheskata nauka u nas v svetlinata na michurinskoto uchenie (Our biological science in the light of Michurin's teaching) // Rabotnochesko Delo. 1948. № 276. 23 November; № 277. 24 November; № 278. 25 November (in Bulgarian).

Konstantinov P.N., Lysitsin P.I., Kostov D. Neskol'ko slov o rabotah Odesskogo Instituta Selektsii i Genetiki (Some words on the works of Odessa Institute of Breeding and Genetics) // Yarovizatsia. 1936. № 5 (8). P. 15–29 (In Russian).

Kostoff D. Cytogenetics of the genus Nicotiana. Sofia: State Publishing House, 1941—1943. 1072 p.

Mintchev D. Antimendelism in Bulgaria. Ideas, confrontations and discussions // Folia Mendeliana. 2004. Vol. 39. Scientiae naturals LXXXIX, Supplementum ad Acta Musei Moraviae. P. 5–37.

Polozhenieto na biologicheskata nauka u nas v svetlinata na Michurinskoto uchenie. Materiali ot Biologicheskata konferentsia, 4–8 April 1949, Sofia. (The situation of the biological science in Bulgaria in the light of Michurin's teaching. Proceedings of the Biological Conference, 4–8 April 1949, Sofia). Publishing House of the Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, 1949 (in Bulgarian).

Tsikov D. Dontcho Kostoff. Scientific work and heritage. Sofia: Diagnosis Press, 1997. (in Bulgarian).

Supplement 1. English version of manuscript of the address of D. Kostoff to the Biological Conference

Sofia, 4th of April 1949

Bulgarian Academy of Sciences
Institute of Applied Biology and
Development of Organisms

By Prof. Dontcho Kostoff

Respected comrade President,

I was feeling a great wish to participate in the biological conference but unfortunately health problems don't allow me to do it.

[2] Scientific Archives of the Bulgarian Academy of Sciences, 198k, op. 1: Archives of D. Kostoff. № 667.

For a quarter of a century I have been working in the field of the biological sciences during the different stages of their development. My problems have predominantly been the research of the influence of environmental factors, including grafting, on the variability of organisms. I have a whole series of works on the variability as a result of hybridization.

In the last quarter of the century the dominating theoretical concept in the experimental and theoretical biology was the mendelism developed by the school of Morgan and his followers.

During this period I have many works with morganistic set-up and with morganistic interpretation of the results obtained.

However while studying the variation but not the constancy; the dynamics but not the statics, I found a number of contradictions with the formalism in biology, and still in 1930 I started criticizing the constancy of the pure (inbred) lines of Johansen, and together with it the formalism in the mendelism.

Along with it I have always been appreciating the teaching of the stage development, and was propagandizing it in our country along with the work of Michurin, thus promoting their development. I will note that the only works on vegetative hybridization in our country belonged to the led by me (until three months ago) institute; their author is the associate professor Rayna Georgieva.

Having in mind, however, that the adoption of every new teaching is a process and not a moment, I have to say that many years have passed before I start to criticize the idealistic concepts in biology, such as the teaching of Weisman, De Vries, Betson, Lotzi et al., the latter being based on the Mendelism and Morganism. It was of course before 1948.

Lately in the Soviet Union a number of discussions in the field of literature, art, and some branches of the science took place. They were directed against the formalism, for complete dialectical – materialistic reorientation, aiming to support the building in a socialist country such as USSR. These discussions were reflected in our country, as it is also building socialism.

In our country, when Bulgarian Communist Party has already taken the leading role in the government and the building, a fight with the formalism, for the dialectical materialism, has started. This was clearly underlined both in the report of comrade minister Vulko Chervenkov at the Vth Congress of the Bulgarian Communist Party and in the resolution of the congress.

The Scientific Board of the Institute of Applied Biology and Development of Organisms, led by me, being entirely on the positions of Michurin's teaching as a right materialistic dialectical teaching, in a number of sessions has revised the program of the Institute and has elaborated a new working plan in which themes about the stage development were envisaged, as well as themes about the grafting components, although such topics have also been studied during 1948.

Our plan as every plan is not a dogma, and undergoes changes and additions, and we are apt to revise it once more. It has to be taken into account however that the plan is elaborated not only with a view to which has to be studied but also with a view to which is possible to be done in the available conditions today and tomorrow, otherwise we should have been far from the reality. And the concrete situation is: the Institute is under construction, there are not yet greenhouses, there are not organized experimental fields, there are not laboratories, there are not necessary installations, and the scientific staff consists only of three assistants.

I feel particularly flattered at the interest demonstrated to my Institute, moreover, only to it, given that in the Academy there are many biological institutes, such as the Institute of Microbiology, Institute of General Biology and Anthropology, Institute of Biology of Domestic Animals, Institute of Zoology, Institute of Botany, Institute of Experimental Medicine, Institute of Experimental Veterinary Medicine, etc. Moreover in the country there are about 100, may be even more institutes belonging to the Higher Educational Institutions and to the different Ministries. Some of them are central ones, others are peripheral, being consolidated, and disposing of well-trained cadres. Thus it would be good to pay some attention to them, it would be useful for the country.

Given the availability of dozens of agrobiological institutes, the agronomists want the Institute of Applied Biology and Development of the Organisms to be necessarily agrobiological, being limited in agrobiological topics (such as they do not want to deal with), although the Institute is not purely agrobiological. In the same way the foresters will want us to solve forestry problems, the stock-breeder will recommend us to solve problems related to animal husbandry, the chemists and technologists will want us to work on biochemical problems related either directly with the practice or with the developments of the organisms, the botanists and zoologists will want us to work on ecological and physiological problems, the physicians – on problems of interest for them – either in the field of serology, respectively immunity, or on the problems of cancer, the pathogenicity of parasites, the effect of antiparasitic substances on the cell, etc.

Now we are engaged with themes which we can actually accomplish with the available means and cadres. Other themes will be undertaken when conditions will be created. In 1948 we got into contact with 12 institutes in the country and are apt to enlarge the scope. However the wish for collaboration should be bilateral because there are institutes not disposed to collaboration.

At the end I will say: let the adoption of the dialectical materialism be virtually and not in word; let us concretely solve the problems with a view to the actual situation and possibilities, but not out of touch with reality, partially, personally, narrow-mindedly.

Dontcho Kostoff

Supplement 2. English version of Address of D. Kostoff to the Biological Conference announced at the Conference and published in the Proceedings of the Conference (Polozhenieto na biologicheskata nauka... 1949).

Letters to the Conference

Letter of Prof. Dontcho Kostoff, member of the Bulgarian Academy of Sciences

Sofia, 4th of April, 1949
To the comrade President of the Biological Conference —
Todor Pavlov,
member of the Bulgarian Academy of Sciences

Respected comrade President,

I was feeling a great and ardent wish to most actively participate in the biological conference organized by our Academy of Sciences which has no equivalent in the development of the natural sciences and particularly in the development of the biological science in our country. The conference has to play an enormous historical role but unfortunately health problems don't allow me to take part in it.

It is well known to you as well as to a great part of the participants in our biological conference that for a quarter of a century I have been actively working in the field of the biological sciences and particularly in the field of genetics and breeding. Both my higher education and my further scientific work were under the influence of the mendelism-morganism. In fact, after my departure to the Soviet Union I made efforts to stand on the positions of the dialectical materialism, which helped me to direct my research to the variation and dynamics and not to the constancy and statics in plant organisms, this allowing me to admit that I was standing on progressive positions in biology. However in my research I was often coming upon difficulties and contradictions which I was unable to explain by the aid of mendelism-morganism, but I could neither break up with it nor consistently apply dialectical materialism for explanation of

these contradictions. In the discussion between the weismanist-morganist and the michurin-lysenkoist concept of Darwinism which has started in the Soviet Union I was in the ranks of the former. My further scientific work however more strongly pointed out the incapability of the mendelism-morganism to solve many basic problems of biology, and I was becoming more and more convinced that the mendelism- morganism is a metaphysical and idealistical teaching in biology. My breeding practice strongly contributed to this conviction and on the other side suggested me that the michurin-lysenkoist concept of Darwinism more correctly solves these problems, and that is why for long years, until the end of the biological discussion in the Soviet Union, I started popularizing Lysenko's concept about the stage development of plants and yarovization. However it didn't mean at all that in my theoretical and practical work I am standing on Michurin — Lysenkoist positions. Today however when the discussion on the biological front has finished with the full victory of the creative concept of Darwinism by Michurin-Lysenko (which in fact is a victory of the Soviet science over the bourgeois influences in biology, and is a novel, higher stage in the development of the biological science) I finally realized the full inconsistency of the weismanism-morganism, and definitely stood up on the positions of the creative Soviet Darwinism represented by Michurin-Lysenko.

I have to recognize that I expect the biological conference to help for the reorganization of our biological front on the positions of the creative Darwinism and to help personally me in this reorganization. You know that the reorganization is not a one-act moment but a long process. However I dare to assure our biological conference that — provided I consolidate my health — I will do my best this process to be sooner completed, to be completed the process of both my personal reorganization and the reorganization of the whole biological front.

Today it is more than clear that in the conditions of planned economy and socialist building, where the unity of theory and practice is absolutely necessary, it is not possible to reorganize our agriculture, to build our socialist husbandry on the bases of weismanism-morganism. It is possible only on the positions of the creative Darwinism, of the michurin-lysenkoist stage of biology. Only from the positions of that stage of biology, which is based on the creative method of marxism-leninism, we will be able to purge all remainders of the bourgeois and reactionary science in the field of biology and generally in the natural sciences.

Comrades! It has to be clear to all of us that to be today against the Soviet creative Darwinism, against the achievements and the victory of the Soviet biological science, that means to be against the Soviet Union, against its science, against the progress. No honest, conscientious, and progressive scientist can ever do it. I can not but noting here that after my return from the Soviet Union I was doing my best for the familiarization of the Soviet science, of the great Soviet Union, for the rapprochement with it, even more, in the frames of my possibilities, I was fighting to defend the Soviet science.

To finish, from all my heart I once more wish a successful work to our biological conference, being convinced that it will complete its tasks, will unite all our cadres around the right scientific biological positions of the creative Soviet Darwinism, will make our biological science to face our socialist building, will uncover the mistakes and the defects in our biological front, will fertilize our agrobiological practice and will raise the rich experience of this practice to right theoretical generalizations, so that the agrobiological practice and the theory become inseparably united.

I am also deeply convinced that the conference will accomplish its appropriate task — put by the Fifth historical Congress of our glorious Communist Party headed by our leader and teacher, the great defender and protector of the science, comrade Georgi Dimitrov — our biological science, our biological cadres, young and adults, to take most active and conscious part in the building of socialism in our country.

With comradely greetings:

D. Kostoff

Уничтожение выдающегося генетика: Дончо Костов и биологическая конференция в Болгарии в 1949 г.

Публикация и комментарии А. Едревой

Institute of Plant Physiology and Genetics, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria;
edreva5@yahoo.com

Дончо Костов (1897-1949) – наиболее выдающийся болгарский генетик, всемирно признанный благодаря его масштабным исследованиям в цитогенетике, цитологии, иммунологии, мутагенезе растений, филогенезу, эволюции, межвидовой гибридизации и полиплоидии, опубликованным в наиболее престижных международных журналах. Биологическая конференция 1949 г. в Болгарии – темное эхо августовской сессии ВАСХНИЛ – была организована Болгарской Академией наук, но готовилась и вдохновлялась Болгарской коммунистической партией. Исследователи из всех областей биологии и всех научных учреждений (около пятисот) обязаны были участвовать. Профессор Костов не смог присутствовать, но написал письмо. В его отсутствие он был оклеветан, не вынес удара и вскоре скончался (9 августа 194 г.).

Ключевые слова: Дончо Костов, цитогенетика, Биологическая конференция 1949 г., Болгарская коммунистическая партия.

ВОСПОМИНАНИЯ И ИНТЕРВЬЮ

Осуждение и его последствия
Материалы «суда чести» над академиком А.Р. Жебраком (1947 г.)

Э.А. Жебрак, М.П. Солнцева

Нюрнберг, Германия; m.solntseva@helpedv.de

Продолжение статьи «Судилище. Материалы и воспоминания о подготовке “суда чести” над академиком А.Р. Жебраком (1947)» опубликованной в предыдущем номере журнала, где говорилось о полемике в журнале “Science” (Dunn, 1944, 1945; Sax, 1944, 1945; Zhebrak, 1945). Хотя свою статью Жебрак согласовал с вышестоящими органами, и она была пропущена цензурой, через несколько лет, когда началась борьба с «низкопоклонством перед Западом», ему припомнили эту публикацию и решили подвергнуть его так называемому суду чести. В данной статье разбирается собственно этот процесс. Текст и справочный аппарат представлены в авторской редакции. Фотографии публикуются впервые.

> Безумству храбрых поем мы славу! Безумство храбрых - вот мудрость жизни! О, смелый сокол! В бою с врагами истек ты кровью. Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни».
>
> *М. Горький. Песня о буревестнике.*

22 сентября 1947 г. на имя министра высшего образования СССР С.В. Кафтанова парткомом Сельскохозяйственной Академии им. К.А. Тимирязева (ТСХА) было направлено заключение, в котором говорилось: «Партийный комитет считает, что поступок профессора А.Р. Жебрака подпадает под действие Суда чести в связи с чем просит привлечь профессора А.Р. Жебрака к Суду чести Министерства высшего образования СССР» [1].

Заключение парткома Тимирязевки С.В. Кафтанов направил на рассмотрение в партком Министерства высшего образования. Последний, скопировав все обвинения, высказанные в адрес профессора тимирязевцами, также просил привлечь А.Р. Жебрака к Суду чести при Министерстве высшего образования СССР (МВО). Заключение подписали секретарь парткома МВО и его члены[2].

---

[1] См.: Жебрак, Солнцева, 2012.

[2] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 548. Л. 61–69. Постановление парткома МВО СССР также опубликовано: Сонин, 2000, с. 45.

После этого С.В. Кафтанов сообщает А.А. Жданову.

Антон Жебрак, 16 лет.
Фото сделано при окончании реального училища.
Из архива авторов

Секретарю ЦК ВКП(б) товарищу А.А.Жданову
Об организации суда чести над профессором А.Жебраком

4 октября 1947 года

Партийный комитет МВО СССР квалифицирует выступление профессора А.Р. Жебрака со статьей «Советская биология» на страницах американского журнала «Наука» как антипатриотическое и антигосударственное и вносит предложение привлечь профессора А. Жебрака к суду чести. Я согласен с предложением партийного комитета и со своей стороны считаю необходимым провести суд чести над профессором А.Р. Жебраком 20–21 октября 1947 года в аудитории политехнического музея. В качестве общественного обвинителя намечается проф. С.А. Новиков (биолог) и, кроме того, предполагается привлечь для выступления на Суде чести профессоров А.И. Опарина и С.Д. Юдинцева. Проф. Жебрак А.Р. находится в настоящее время в санатории в г. Сочи. Для проведения Суда чести в октябре месяце, считаю необходимым проф. Жебрака из отпуска вызвать.

Прошу Вашего согласия на проведение указанных мероприятий. Прилагается представление партийной комиссии о рассмотрении поступка профессора Жебрака в суде чести.

Министр Высшего образования СССР С. Кафтанов[3].

Как руководство к действию министр высшего образования С. Кафтанов направил заключение парткома председателю суда чести МВО И.Г. Кочергину:

«Направляю Вам предложение партийного комитета министерства Высшего образования о привлечении к суду чести профессора Тимирязевской сельскохозяйственной академии А.Р. .Жебрака за антипатриотический поступок. С заключением изложенного в записке согласен. С. Кафтанов. 10.10.47 г.».

В сентябре Жебрак продолжал бороться. Собрав по своему «делу» материалы и документы, профессор был на приеме у главного редактора газеты «Правда» П.Н. Поспелова. Они были знакомы с конца 1920-х гг., когда находились на одном учебном потоке в Институте красной профессуры (ИКП). Поспелов после окончания ИКП занимался фундаментальными исследованиями по истории ВКП(б), где преуспел, получив Сталинскую премию за работу в этой области, в то время он уже был членом ЦК ВКП(б). Узнав о цели визита профессора в редакцию «Правды», Поспелов встретил Жебрака прохладно. На вопрос о возможности публикации на страницах газеты разъяснений по поводу клеветнической статьи Лаптева, редактор прочитал Жеюраку лекцию о норме поведения рядового члена партии по отношению к статьям, публикуемым в центральном печатном органе страны.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 548. Л. 54.

Он строго разъяснил своему однокашнику, что статьи в центральном печатном органе партии надо не обсуждать, а изучать. Подобно действию юридических законов советского общества они не имеют обратного действия. Никаких разъяснений, дополнений, а тем более опровержений газета «Правда» никогда не делала и не сделает.

Любая статья, помещённая на страницах этой газеты, является непреклонной истиной в последней инстанции, не требует никаких доказательств и должна рассматриваться советской общественностью как руководство к действию. Покидая редакцию, Жебрак к своему удивлению узнал, что «профессор» Лаптев — автор оклеветавшей его статьи — является штатным сотрудником сельскохозяйственного отдела газеты, и он никогда не имел звания профессора. Это был свой человек в редакции, который даже в случае допущения им ошибок в работе, всегда находился под её покровительством.

На закрытом партсобрании ТСХА (09.10.47), где обсуждалось письмо ЦК ВКП(б) по делу Клюевой и Роскина и задачи парторганизации академии, некоторые выступающие коммунисты пытались приписать аналогию «дела» этих учёных Жебраку в связи с публикацией его статьи в американском журнале и поставить его на одну «доску» с ними.

А. Жебрак (в центре) с друзьями при изгнании Врангеля из Крыма.
Под фотографией подпись «Покончили с Крымом — теперь на Москву» (домой).
1921 г. Из архива авторов

Студенты ТСХА на ферме 1924 г. Третий справа – Антон Жебрак Из архива авторов

Выступивший с 40-минутным сообщением Жебрак подробно информировал об истории написания им статьи. Для большинства коммунистов это было неожиданностью, поскольку они были неправильно информированы статьями Г.С. Фиша с соавторами и Лаптева, а статью Жебрака в оригинале никогда не читали. В выступлении Жебрак сделал акцент на том, что его критику Лысенко нельзя связывать с низкопоклонством перед буржуазной наукой.

Этим выступлением Жебраку удалось в какой-то степени нейтрализовать обстановку и изменить отношение к нему присутствующих. Заключая своё выступление Жебрак сказал:

> Я заявляю совершенно ответственно, что мне не следовало бы касаться Лысенко в этой статье. В этой части я признаю мою принципиальную политическую и тактическую ошибку. Однако, <…> это признание не является отказом от моих принципиальных разногласий с Лысенко. Я и сейчас понимаю свою роль в этом отношении. <…> Я утверждаю, что правительство не награждало академика Лысенко за его взгляды и опыты в области генетики, это и мною написано и никто мне не укажет, что это не так. <…> Мои личные позиции в тех вопросах, по которым идут разногласия, изложены в статье «Об основных генетических концепциях Лысенко». Она дважды набиралась и [статья] была доведена до гранок, и я надеюсь, что она будет когда-нибудь опубликована[4].

В период подготовки материалов к Суду чести над Жебраком в МВО, он апеллировал к работникам ЦК партии, с которыми непродолжительное время до этого

[4] Центральный архив общественных движений Москвы (ЦАОДМ). Ф. 379. Оп. 4. Д. 4. Л. 82. Упоминаемая статья так и осталась неопубликованной.

Группа студентов с заведующим кафедрой С.Г. Жегаловым (в центре),
А. Жебрак первый справа. 1927 г.. Из архива авторов

работал вместе. Он нашёл поддержку у Балезина (Управление кадров) и Суворова (Отдел науки). Они высказывались против обсуждения «дела» Жебрака в Суде чести МВО СССР. Суворов приходил в Министерство высшего образования и доказывал нецелесообразность организации Суда чести над Жебраком. Только после того, как А.А. Жданов дал прямое указание по этому вопросу, противодействие указанных работников центрального аппарата прекратилось[5].

События в Белоруссии

В то же самое время развивалось дело Жебрака и в Белоруссии. 16 и 17 октября было проведено заседание Бюро ЦК КП(б) Белоруссии в присутствии М.В. Зимянина, секретаря ЦК Белоруссии, и М.Т. Иовчука, члена Бюро ЦК КП(б) Белоруссии.

Жебрак давал свои пояснения:

> В отношении ошибок. Я должен откровенно сказать, что те ошибки, которые отметил Зимянин, недостаточно резкий тон против Сакса, потом резкий тон против Лысенко, — это правильно, это ошибки. Я их глубоко осознал и приму все меры к тому, чтобы их исправить. Я обращаю внимание на следующий вопрос, что общеполитическая защита свободного развития нашей науки в моей статье проведена (Академик А.Р. Жебрак, 2007, с. 158).

[5] Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 118. Д. 368; об этом см. также: Сойфер, 2002, с. 606.

Выступал и секретарь партийной организации (хотя А.Р. не состоял на партийном учете в АН Белоруссии). Он сообщил, что предпринял все меры, чтобы разоблачить Жебрака, перепечатав пасквильную статью в газете «Советская Белоруссия». Но в институте оказались «либералы», которые «побоялись» (В.Н. Перцев, А.Я. Прокопчук) и даже «отказались» (Т.Н. Годнев)[6] выступить или подписать что-либо против Жебрака. Честь и хвала этим людям — они не посрамили своей чести.

М. Иовчук заключил:

> «Я не сомневаюсь в том, что Жебрак и впредь может работать как ученый, надо пожелать ему в этом успеха, я думаю, что в Белоруссии он тоже **может** и **будет работать**, но в этой обстановке руководить Академией наук он не может, он потерял авторитет» (Академик Жебрак, 2007, с. 164).

На следующий день, 17 октября 1947 г., был назначен разбор «дела» Жебрака на Президиуме АН БССР. Была поставлена задача осудить его за «антипатриотический поступок, раболепие и низкопоклонство перед буржуазной наукой». Обвинения предъявлялись в резкой и грубой форме, как было положено в то время в высоких партийных инстанциях. Обсуждение шло 5 часов. Один из свидетелей этого обсуждения, врач по специальности, член-корреспондент АН БССР С.М. Мелких, заслуженный деятель науки, Депутат Верховного Совета БССР, не смог выдержать этого зрелища. Движимый «долгом врачебной этики» он написал письмо заместителю председателя Совета министров СССР К.Е. Ворошилову, в котором говорилось: «Проф. Жебрак мужественно выслушал обвинения; признал, что совершил ряд политических ошибок, но никак не мог признать, что он, член партии с 30-летним стажем, сын белорусского народа, обязанный своими научными достижениями и ученым званием советскому народу и большевистской партии, совершил проступок против своей Родины. <…> под конец этот мужественный человек не выдержал, разрыдался <…> и долго не мог прийти в себя. После этого начались сжимающие боли в сердце <…> Обращаюсь к Вам <…> как свидетель происшедшего и как врач и прошу Вас оградить в дальнейшем проф. Жебрака от душевных травм, подобных только что им перенесенной. Для советского народа, для нашей науки чрезвычайно важно сохранить здоровье и работоспособность таких крупных ученых, как профессор А.Р. Жебрак»[7]. Письмо сопровождало медицинское заключение на личном бланке Мелких, где указывалось, что по состоянию своего здоровья Жебрак нуждается в покое и, преимущественно, в постельном режиме в течение двух недель.

Заступничества от Ворошилова не последовало, и ответа автор письма не получил.

Такое обсуждение, конечно, привело к инфаркту, который Жебрак вынужден был перенести на ногах. Надо же было так довести этого человека! Антон Романович вообще никогда не плакал. Он был очень сдержанным, корректным человеком и на работе, и дома. Он никогда не повышал голоса. Был точен и немногословен, хотел, чтобы человек сам понял, что надо делать. А когда говорил, — говорил мягко, ровно, всё доступно объяснял. Лишь единственный раз его видели в семье плачущим, когда во время войны он получил похоронку на сына. Это был очень сильный и мужественный человек.

---

[6] В.Н. Перцев — историк, академик АН БССР, академик-секретарь Отделения общественных наук АН БССР в это время. А.Я. Прокопчук — академик АН БССР, директор Кожно-венерологического института ИИ Министерства здравоохранения БССР. Т.Н. Годнев — физиолог растений, академик АН БССР, академик-секретарь Отделения биологических наук АН БССР.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 548. Л. 63–64.

А. Жебрак в студенческие годы. Из архива авторов

Осведомлённые люди посоветовали Жебраку после заседания не идти домой. Антона Романовича увёл к себе, в свой барак в Минске его верный ученик, аспирант Евгений Иванович Багреев. Он достал сердечные лекарства и уложил спать. Не многие бы на такое участие в то время отважились. Минскую же квартиру Антона Романовича посетили сотрудники соответствующего учреждения с намерением узнать, там ли он (а может, и увезти его в места не столь отдалённые). Не застав хозяина, они удалились, а повторного визита не было. Спустя три дня Антон Романович уехал в Москву, но министр государственной безопасности Белоруссии Л.Ф. Цанава усиленно приглашал его возвратиться хоть на несколько дней в Минск. Делегации от него Антон Романович показал удостоверение депутата Верховного Совета БССР и пришедшие удалились «ни с чем».

По возвращении в Москву Жебрак продолжает борьбу, он пишет письмо на имя секретарей ЦК ВКП(б) Жданова, Кузнецова, Суслова. Он информирует их об истории публикации статьи в американском журнале, его назначении на пост Президента АН БССР, когда уже было опубликовано это письмо в журнале “Science” , и его опасения в то время, что со стороны его теоретических противников против него будут предприниматься дискредитирующие акции. А. Жебрак признаёт, что в свете современной обстановки статья содержит ряд существенных ошибок. Он просит дать ему возможность выступить в центральной печати, где он мог бы разобрать свою статью, применительно к современной международной обстановке в порядке самокритики.

На этом письме резолюция Кузнецова т. Бараненкову: «Срочно дать заключение. А. Кузнецов. 22.10.47 г.»[8]. Больше никакой реакции на письмо А. Жебрака не последовало, как и разрешения на публикацию ответной статьи.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 955.

А.Р. Жебрак награжден Большой серебряной медалью Сельскохозяйственной выставки. 1940 г.
Из архива авторов

В Белоруссии он пока продолжал числиться научным сотрудником. В качестве его помощников работали два сотрудника и лаборант. В лаборатории был и один аспирант, но позднее его отчислили.

А тем временем маховик «судилища» последовательно набирал обороты. Председатель суда чести МВО СССР Г.И. Кочергин сообщал в управление отдела кадров ЦК ВКП(б) С.А. Балезину:

> …профессор Жебрак А.Р. вместо разоблачения клеветы Сакса встал на позиции реакционных зарубежных ученых и раболепствуя перед буржуазной наукой пытался унизить передовую биологическую науку и опорочить соотечественника — ученого академика Лысенко. Профессор Жебрак дал тенденциозное и совершенно необъективное освещение состояния биологической науки в СССР, так и в области широкого использования в практике сельского хозяйства результатов теоретических исследований <…>
>
> На основании изложенного, суд чести считает установленным, что статья профессора Жебрака, опубликованная в американском журнале «Наука» порочна по своему содержанию, а его поступок антипатриотичен.
>
> В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О судах чести» поступок профессора подлежит рассмотрению в открытом заседании суда чести Министерства Высшего образования СССР.
>
> 20.10.47 г.
>
> Председатель суда чести МВО СССР Кочергин[9].

[9] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 955. Л. 193; также опубл.: Академик Жебрак, 2007, с.174.

Спустя восемь дней зам. зав. отделом кадров ЦК ВКП(б)Б сообщает секретарю ЦК ВКП(б) Кузнецову А.А.:

Секретарь ЦК КП(б) Белоруссии т. Игнатьев просит утвердить решение ЦК КП(б) Белоруссии от 16-го октября 1947 года об освобождении т. Жебрака А.Р. от должности президента АН БССР.

А.Р. Жебрак в своем выступлении на страницах американского журнала «Наука» допустил антипатриотический поступок, проявил низкопоклонство перед американскими учеными и опорочил достижения ряда советских ученых в области генетики.

В связи с этим выступлением А.Р. Жебрак потерял авторитет среди научных работников и советской общественности.

Отдел кадров высших учебных заведений и научных учреждений управления кадров ЦК ВКП(б) считает необходимым утвердить решение ЦК КП(б) Белоруссии от 16.10.47 г. об освобождении т. Жебрака А.Р. от обязанностей президента академии наук Белорусской ССР.

Зам. зав. отделом управления кадров Балезин. 28 октября 1947 г.[10]

Решение секретариата ЦК ВКП(б) 327/93-ГС от 06.11.47 г. о т. Жебраке А.Р.

Утвердить решение ЦК КП(б) Белоруссии от 16-го октября 1947 г. об освобождении т. Жебрака А.Р. от обязанностей Президента Академии наук БССР.

Секретарь ЦК А.А. Кузнецов.

Послано тт. Андрееву Е., Ревскому, ЦК КП(б) Белоруссии[11].

Предварительное следствие

Подготовка к суду чести была начата его устроителями заблаговременно. Во избежание непредсказуемых ситуаций, которые могли возникнуть во время его прохождения, состоялись предварительные следствия, которые явились репетициями предстоящего судилища. Они способствовали расширению кругозора членов суда в области генетики (большинство членов были чиновниками МВО, далекими от этой науки), ознакомлению их с историей вопроса и т. п. На них была возложена миссия произвести отбор свидетелей обвинения, которые поддержали бы основную линию обвинения.

13.10.47 г. состоялось предварительное следствие[12]. На вопрос «считаете ли Вы свое выступление антипатриотическим и антигосударственным?» Жебрак ответил отрицательно. Вопросы, которые задавал Самарин, были расплывчаты, и председателю приходилось их разъяснять, «переформулировать».

Самарин: Признаете ли Вы Лысенко ученым, научная эрудиция которого позволяет ему руководить крупным научным учреждением, или, что Лысенко по стечению случайных обстоятельств оказался во главе такого учреждения?

Жебрак: Лысенко является ученым в области с.-х. наук; он чрезвычайно быстро схватывает различные с.-х. проблемы и ряд вопросов, которые выдвигаются производством. Он умеет быстро поднимать их на уровень науки и вот это преимущество дало ему право на занятие этого поста. Хотя ряд его личных качеств привели к тому, что академия с.-х. наук мало что сделала. <…>

[10] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 548. Л. 95; также опубл.: Академик Жебрак, 2007, с. 181.

[11] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 955. Л. 189; также опубл.: Академик Жебрак 2007, с. 182.

[12] См.: Жебрак, Солнцева, 2012.

Самарин: Признаете ли Вы свою вину, что на страницах буржуазного журнала выступили против Лысенко?

Жебрак: Я действительно отнесся субъективно и вынес на суд мирового общественного мнения научные разногласия, которые у меня были с академиком Лысенко.

На этом предварительном следствии А.Жебрак не признал антипатриотичность своей статьи, а также научных взглядов Лысенко по вопросам генетики. Однако он согласился с членами суда, что совершил ряд политических ошибок, публикуя свое мнение в зарубежном журнале.

15 и 16 октября продолжался допрос свидетелей. Выступивший член-корреспондент АН СССР Н.П. Дубинин заявил, что «Я лично не нахожу в ней антипатриотических мотивов. Считаю, что она была продиктована желанием ответить реакционному выпаду против нашего государства и в этом отношении она достигла определенных результатов».

Сотрудник ВАСХНИЛ Варунцян на вопрос председателя «Как Вы оцениваете выступление профессора Жебрака в американском журнале?» ответил: «Это выступление я бы назвал антипатриотичным. Лысенко является крупным ученым, к его работам прислушиваются все с.-х. науки. Профессор Жебрак выставил Лысенко как простого агронома. Профессор Жебрак как бы ищет сочувствия своей статьей у Сакса. Мне кажется, что он неправильно выразился по отношению к Лысенко, но также неправильно и по отношению к Мичурину, выставив его как простого садовода. Мне кажется, что Жебрак сознательно принизил роль этих ученых»[13]. Аналогичный вопрос был задан свидетелю И.Е. Глущенко, сотруднику лысенковского института генетики, который безаппеляционно заявил, что «основной вывод этой статьи — категорическое отрицание идей Мичурина».

На вопрос председателя «Разве решение крупных вопросов осуществляется только в тех лабораториях, которые Жебрак перечислил в статье?» пособник мичуринской биологии ответил, что «это было сделано в угоду реакционной науке».

Свидетель профессор Е.А. Борисенко (ТСХА) охарактеризовал подсудимого: «Жебрак самолюбив, страшно упрям и с ним невозможно ни по какому научному вопросу договориться».

Доцент ТСХА Г.М. Лоза на вопрос члена суда Бутягина «Какие отношения имел Жебрак к заграничной науке? Вы знаете его на протяжении ряда лет, были ли у него элементы преклонения перед иностранной наукой?» обстоятельно ответил: «Профессор Жебрак после окончания института Красной профессуры был откомандирован за границу. Было отмечено, что пребывание профессора в течение 2-х лет за границей гораздо больше сказывалось на его взглядах, чем 10 лет в условиях советской действительности».

Далее на заседании давал показания академик ВАСХНИЛ П.И. Лисицын, который знал содержание статьи не понаслышке, а ознакомившись с ней в оригинале.

Председатель: Какую роль преследовал профессор Жебрак, опубликовывая свою статью в журнале «Наука»?

Лисицын: Думаю, что цель ясна. Задача была реабилитировать положение науки в Советском Союзе и опровергнуть утверждение Сакса, что наука у нас подчинена и находится в зависимости от политического направления.

Председатель: Как сумел Жебрак выполнить эту задачу?

Лисицын: Я думаю, что ему удалось показать одностороннее освещение Саксом и дать более близкое к истине освещение положения науки в Советском Союзе, в частности генетической науки.

[13] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 549.

Председатель: Вы сказали более близкое. Следовательно, статья Жебрака не включала в себя развернутого ответа на разоблачение статьи Сакса.

Лисицын: Она и не могла включать, потому что относится только к вопросам генетики.

Председатель: Можно ли считать профессора Жебрака ответственным за то, что не разоблачил врага Советского государства?

Лисицын: Жебрак говорит только о науке, в которой чувствует себя специалистом.

Председатель: Как же это можно расценивать иначе, как антипатриотический поступок?

Лисицын: Нет, как антипатриотический поступок это расценивать нельзя. Это другая картина.

Председатель: Можно ли квалифицировать необъективное, бездоказательное освещение роли академика Лысенко в статье Жебрака, как антипатриотический поступок?

Лисицын: Это личное разногласие между Жебраком и Лысенко. Почему оно антипатриотично?

Председатель: Можно ли квалифицировать попытку Жебрака сознательно или несознательно принизить роль других генетических лабораторий, которые с большим успехом работают на поприще советской биологии в нашей стране?

Лисицын: Я не думаю, что у него была такая задача, я все же Жебрака близко знаю. Такие наклонности я у него не наблюдал.

Член суда Бутягин: Здесь некоторые свидетели говорили, что первые исследования Лысенко в области стадийного развития как будто будировали научную мысль и обещали очень много для практики. Но после 1932 года все это не оправдалось и пошло под уклон. Так ли это?

Лисицын: Я объясняю это тем, что Лысенко слишком преждевременно пытается внедрить недостаточно проверенные факты в колхозы. То, что потускнел интерес к яровизации в колхозах, а во многих из них появилось отрицательное отношение, виноват сам Лысенко. Это касается не только яровизации, но и внутрисортовых скрещиваний пшеницы.

Председатель: Итак, какое же общее резюме можно сделать в отношении статьи Жебрака?

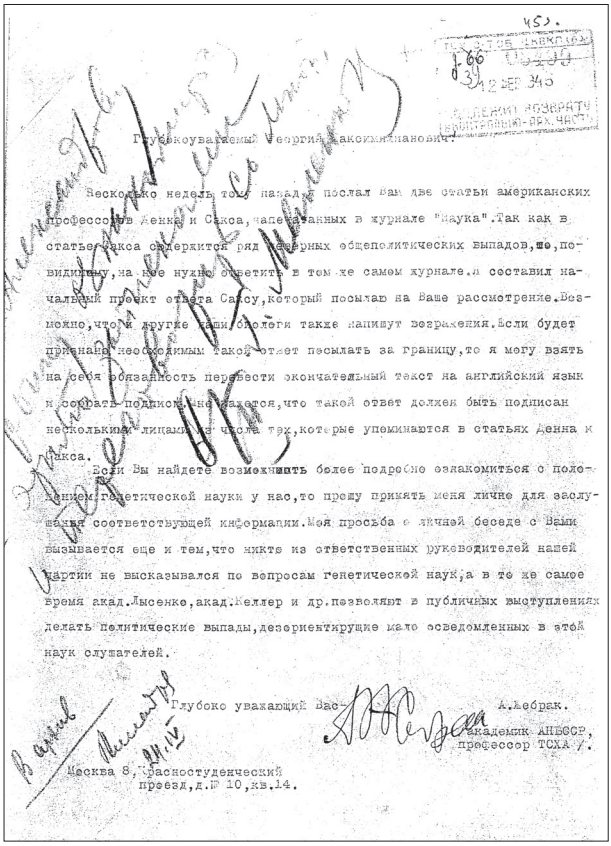
Лисицын: У Жебрака были ошибки в статье — не дописал, не досказал, сказал неясно, со всяким смертным могут быть ошибки, но все же в основном ничего преступного здесь не нахожу <…> Обвинить человека в сознательном преступлении — это тяжелое обвинение. И если бы были тяжелые факты, то этот вопрос разбирался бы не на суде чести, а в других органах. То, что он попал на суд чести, доказывает, что веских доказательств его вины нет. Для русского читателя эта статья осталась неизвестной.

Однако под действием психологического давления членов суда чести П.И. Лисицын был вынужден признать, что Жебрак напрасно апеллировал к зарубежным учёным, сообщая им о деятельности Лысенко по отношению к генетике и своих разногласиях с «народным академиком»[14].

Приглашённый в качестве свидетеля профессор Ленинградского университета Н.В. Турбин выступил с большой пространной речью, в которой обвинил Жебрака в том, что он «вместо того, чтобы дать отповедь этому реакционному писателю (Саксу) по существу присоединился к аргументам последнего». Завершил своё выступление Турбин фразой «Таким образом, объективно в этой статье Жебрак совершил антипатриотический поступок, не помог пропаганде достижений советской науки за границей, а наоборот <…> обезоружил себя перед лицом реакционного идеалистического, враждебного деятеля, каким является Сакс»[15].

[14] Там же. Л. 119.

[15] Там же. Л. 123.



Глубокоуважаемый Георгий Максимилианович!

Несколько недель тому назад я послал Вам две статьи американских профессоров Денна и Сакса, напечатанных в журнале "Наука". Так как в статье Сакса содержится ряд грубых общеполитических выпадов, то, по-видимому, на все нужно ответить в том же самом журнале. Я составил начальный проект ответа Саксу, который посылаю на Ваше рассмотрение. Возможно, что и другие наши биологи также напишут возражения. Если будет признано необходимым такой ответ посылать за границу, то я могу взять на себя обязанность перевести окончательный текст на английский язык и собрать подписи. Мне кажется, что такой ответ должен быть подписан несколькими лицами из числа тех, которые упоминаются в статьях Денна и Сакса.

Если Вы найдете возможным более подробно ознакомиться с положением генетической науки у нас, то прошу принять меня лично для заслушания соответствующей информации. Моя просьба о личной беседе с Вами вызывается еще и тем, что никто из ответственных руководителей нашей партии не высказывался по вопросам генетической наук; а в то же самое время акад. Лысенко, акад. Келлер и др. позволяют в публичных выступлениях делать политические выпады, дезориентирующие мало осведомленных в этой наук слушателей.

Глубоко уважающий Вас А. Жебрак.
академик АНБССР,
профессор ТСХА.

Москва 8, Красностуденческий
проезд, д. № 10, кв. 14.

Письмо А.Р. Жебрака Г.М. Маленкову по поводу статей Денна и Сакса. 1945 г.

На предварительном следствии выступили в качестве свидетелей академик ВАСХНИЛ Константинов, профессора Сабинин, Васильев, Презент, доцент Воробьев, ст. научные сотрудники Радаева и Никитина. В стенограмме, отправленной в ЦК ВКП(б) их показания не представлены. Тем не менее известные стенографические материалы этих предварительных следствий свидетельствуют о предвзятости и тенденциозности суда чести, который любой ценой стремился получить от свидетелей признания виновности Жебрака в антипатриотических действиях.

После окончания предварительного следствия, С.В. Кафтанов сообщает о его результатах А.А. Кузнецову. При этом он подчёркивает недисциплинированность подсудимого, который уклонился от явки на некоторые его заседания[16].

Секретарю ЦК ВКП(б) товарищу А.А. Кузнецову

Суд чести Министерства Высшего образования закончил предварительное следствие (с 13.10. по 29.10. 1947 г.) по делу профессора Жебрака, обвиняемого в антипатриотическом поступке. Препровождая стенограмму предварительного следствия, текст обвинительного заключения, проект

[16] А.Р. Жебрак ввиду болезни старался оттянуть открытое заседание суда, но ему это не удалось. Подробнее об этом моменте см. в статье А.С. Сонина (2000, с. 51)

речи общественного обвинителя, проект решения суда, прошу Вашего согласия на проведение открытого заседания суда чести по делу профессора Жебрака А.Р. Считаю необходимым довести до Вашего сведения о том, что профессор Жебрак А.Р. был 13.10.47 г. допрошен судом чести и дал необходимые показания. От дальнейшей явки на суд чести профессор Жебрак А.Р. уклонился, несмотря на неоднократные вызовы для дачи показаний по тем вопросам, на которые он не мог ответить 13.10.47 г. Свою неявку на суд чести профессор Жебрак мотивирует болезненным состоянием, хотя официального документа о состоянии здоровья не представил.

Министр Высшего образования СССР. Кафтанов[17].

Суд чести

Суд чести над А. Жебраком проходил два дня 21 и 22 ноября 1947 г. в большой аудитории Политехнического музея в Москве. Вход был по пригласительным билетам, где указывалось, что «Билет действителен при предъявлении служебного удостоверения или паспорта. Передача билета другому лицу воспрещается». В первый день присутствовало 1100 человек, во второй — 800.

Аудитория состояла из работников ряда Министерств, сотрудников научно-исследовательских институтов, Сельскохозяйственной академии, университета и студентов биологических вузов. Собственно суд был представлен следующим составом:

Председатель — профессор И.Г. Кочергин, врач, член коллегии Министерства высшего образования (зам. министра здравоохранения СССР).

Члены: чл.-корр. АН СССР А.М. Самарин, зам. министра высшего образования СССР, металлург; профессор А.С. Бутягин; доцент Н.С. Шевцов, чл. парткома МВО; доцент Г.К. Служнев, чл. парткома МВО; О.П. Малинина, член президиума ЦК профсоюза работников высшей школы и научных учреждений; товарищ А.А. Нестеров[18].

Все члены хорошо подготовлены. Сам Суслов приезжал в Министерство высшего образования и консультировал, какие вопросы и как задавать Жебраку.

Председатель и члены суда расположились за длинным столом во главе аудитории. Обстановку этого суда очень красочно описал С.Э. Шноль: «обвиняемый в отдалении от членов суда сбоку на отдельном стуле <...>. Он хочет что-то спросить у председателя. Кочергин его резко обрывает, мол, не вам задавать вопросы. А вам надо отвечать на них» (Шноль, 2002, с. 517).

Председатель суда чести И.Г. Кочергин огласил текст письма парткома МВО министру С.В. Кафтанову. Затем было зачитано обвинительное заключение[19]. После этого начался допрос подсудимого[20].

Кочергин: Профессор Жебрак, признаете ли Вы себя виновным в том, что Ваша статья, опубликованная в американском журнале «Наука» порочна по своему содержанию, а Ваш поступок является антипатриотическим, роняющим честь и достоинство советского ученого?

Жебрак: В такой постановке вопроса я не признаю, что моя статья является порочной, и что мой поступок является антипатриотическим.

---

[17] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 549. Л. 98.

[18] Он был назван «без гражданского статуса» — профессии и чина. Как стало известно позднее, это был полковник Министерства внутренних дел СССР (см.: Дубровский, 1997, с. 200).

[19] Выдержки из обвинительного заключения приведены в статье А.С. Сонина (2000, с. 52–53).

[20] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 549. Л. 173–302.

Кочергин: Профессор Жебрак, ответьте суду чести, какую цель должна была преследовать Ваша статья, как советского ученого в разоблачении клеветы реакционера Сакса?

Жебрак: Моя статья преследовала цель отвести клеветнические выпады реакционного американского ученого Сакса на наш политический строй и на положение генетической науки в нашей стране и в этой части моя статья достигла своей цели.

Кочергин: Вам был задан вопрос, как вы ответили на клевету Сакса, утверждающего, что новая русская биология «уничтожена» и «подавлена» <…>Следующий вопрос, который задал вам проф. Самарин, является продолжением первого: почему вы на клевету Сакса, что биологическая наука у нас подавлена, не ответили показом огромных достижений биологической науки в Советском союзе крупнейших ученых <…> ?

Жебрак: При перечислении мною генетических учреждений нашей страны я стремился в первую очередь перечислить те учреждения, которые одним своим существованием, поскольку они проводят свои исследования исходя из положений о хромосомной наследственности, отвергают клеветнические утверждения Сакса о политическом угнетении генетики.

Самарин: Профессор Жебрак, почему Вы в своей статье не показали крупнейших достижений советской биологии, таких признанных представителей этой науки — Тимирязева, Мичурина, Вильямса и их последователей, на основании учения которых проводится большая творческая исследовательская работа советских ученых в области биологии?

Жебрак: Работа названных ученых не подвергалась сомнению и они хорошо известны за границей. Если бы я выбрал этот раздел биологии, то не ответил бы на прямой выпад Сакса, что генетическая наука у нас за последние 9–10 лет подавлена.

Самарин: Вы же писали статью о советской биологии, и Вы были не ограничены тем, что имели право упоминать этих крупных биологов нашей страны.

Жебрак: Профессор Самарин, я объяснил суду чести на предварительном заседании, что название моей статьи «Советская биология» было дано в связи с тем, что под этим названием была первая статья профессора Данна. С клеветническим выпадом и с возражением Данну выступил Сакс. Естественно, что под этим названием пошла и моя статья, подобно тому, как мы научные исследования выпускаем и публикуем под одним названием в различных экспериментах. Правильней было бы дать название «Положение генетических исследований в СССР за последние 9–10 лет». Я согласен, что название статьи не совсем отвечает ее содержанию. Такое название было дано редакцией для того, чтобы читатели статьи Данна и Сакса могли ориентироваться лучше в вопросе, который обсуждался на страницах журнала.

Кочергин: Почему Вы на клевету Сакса, что биологическая наука у нас подавлена не показали огромных достижений биологической науки в Советском Союзе, крупнейших ученых в области этой науки?

Жебрак: В статье Сакса указывается, что ему ничего не известно о работах тех лабораторий, которые ведут свои исследования на основе современной хромосомной теории наследственности. Поэтому при перечислении мной генетических лабораторий страны, я стремился в первую очередь указать те учреждения, которые проводят свои исследования исходя из положений этой теории, и отвергают клеветнические утверждения Сакса о политическом угнетении генетики.

Никто из многочисленной аудитории не был знаком со статьей Жебрака в оригинале. Он попросил председателя зачитать её целиком безо всяких купюр, но в этом ему было категорически отказано. Члены суда выбирали из его статьи отдельные фразы и выражения (порой не совсем удачные), комментировали их по-своему, придавая им смысл, необходимый для обвинения автора в низкопоклонстве перед буржуазной наукой. Вся судебная процедура производит тяжкое впечатление своими неправосудными иезуитскими методами. Устроители этого судилища любой ценой хотели добиться признания Жебрака и его покаяния в совершении им антипатриотического поступка.

Белорусская делегация на учредительном конгрессе ООН (июнь 1945 г.).
Слева направо Ф.П. Шмыгов, В.Н. Перцев, К.В. Киселев, А.Р. Жебрак, Г.И. Байдаков.
Из архива Центральной библиотеки НАН Белоруси

Порой их умозаключения были лишены элементарного чувства такта и всякой логики.

Шевцов: Когда Вы говорите о построении мировой науки, с кем Вы собираетесь строить совместно мировую науку?

Жебрак: Я думаю, что этот вопрос совершенно ясен; только с прогрессивными учеными зарубежных стран. Эта статья писалась, когда наша армия вместе с американской боролась с фашистской Германией. Такое выражение, что мы строим вместе мировую биологическую науку, оно было тогда вполне допустимо, хотя я понимаю, что это выражение является, с точки зрения принципиальных партийных взглядов, понятия о партийности науки, — неверным.

Шевцов: Вы признали, что Сакс является реакционером. Вы отвечаете ему персонально, реакционеру и фашисту.

Жебрак: Если бы это было мое письмо Саксу, то это можно было бы толковать, как толкует один из членов суда чести, но я писал через журнал «Наука», распространенный во всех странах мира и обращался к прогрессивным ученым и, естественно, это обращение было не Саксу, а к прогрессивным мировым ученым, которые доброжелательно относятся к нам. <...>

Бутягин: На предварительном следствии вы сказали, что у вас были определенного рода разногласия, и эти разногласия вы вынесли на мировую арену.

Кочергин: Признаете вы это?

Жебрак: Теоретические разногласия по этим вопросам у меня были, есть и будут, и от своих теоретических разногласий с представителями школы Лысенко я никогда не отказывался и не собираюсь отказываться.

Жебрак: Я считаю, что в тех лабораториях и институтах, которые перечислены в показаниях ряда свидетелей, не ведется серьезной теоретической работы, которая могла бы поднять авторитет нашей отечественной науки.

Новиков: Я вам как общественный обвинитель задаю вопрос: какое вы имели основание, какое вы имели право при полном отсутствии доказательств порочить нашего соотечественника, советского ученого и замалчивать мичуринско-лысенковское направление в биологической науке?

Жебрак: Вопрос общественного обвинителя так расплывчат, что нужно отвечать на много вопросов.

Кочергин: Я вам кратко сформулирую вопрос. Сакс утверждает, что рассуждения Лысенко о вегетативных гибридах, получаемых от прививок, могли быть написаны в 1800 году. Его взгляды являются не оригинальными, не критическими, а архаичными. Вы пишите, «что критика генетики академиком Лысенко, основанная на чисто умозрительных и наивных утверждениях, при всей своей агрессивности не может нарушить успешного развития генетики в СССР». Какая разница между этими двумя утверждениями: утверждением Сакса и утверждением проф. Жебрака?

Жебрак: О генетической концепции акад. Лысенко я представил суду чести свою статью. Моя оценка этой концепции изложена в этой статье. Я зачитаю несколько цитат из самого Лысенко. <…>

Кочергин: Мы спрашиваем вас, а не академика Лысенко, он здесь ни при чем. <…> Не нужно иметь диплома доктора наук и аттестат профессора, чтобы понять, что слова «умозрительные» и «наивные» ни к какому году не могут относиться.

Жебрак: Если нет достаточного количества экспериментов, то исследователь иногда строит умозрительные гипотезы. Если он недостаточно опять-таки подкрепляет свои экспериментальные данные — они могут быть наивными. Я процитирую несколько мест…

Кочергин: суд чести об этом вас не спрашивает. Суд чести считает, что ваша оценка взглядов Лысенко по вопросам генетики и оценка взглядов Лысенко по вопросам генетики Сакса ни в чем не отличаются друг от друга. Даже больше того. Ваша оценка идет значительно дальше оценки Сакса. Вы согласны с таким заключением?

Жебрак: Нет, я не согласен. Я хочу все-таки показать. В чем выражается наивность той или иной концепции. Так, например….

Кочергин: Я еще раз повторяю, что суд чести это не интересует.

Самарин: Сакс в своей статье опорочивает советского ученого академика Лысенко. Если вы поставили задачу защитить нашу советскую науку, то вы обязаны были защитить и академика Лысенко, отвечая на клевету Сакса. Вы же не только не сделали этого, а к отрицательной оценке Сакса Лысенко добавили свою отрицательную оценку. Спрашивается, выполнили вы задачу, которую на себя брали?

Жебрак: Я считаю, что Лысенко сам себя обязан защищать в первую очередь и если он промолчал, он, очевидно, не хочет спорить с Саксом, а я выступил и вступил в спор.

Самарин: <…> как же вы защищаете советскую науку, опорочивая в своей статье представителя этой науки, академика Лысенко?

Жебрак: Так как Сакс пишет, что при помощи политического давления Лысенко уничтожил генетику, а я говорил, что нет, он не подавил генетику, что у нас идет спор между различными школами и наука развивается в процессе свободной дискуссии. И с этой оценкой я ответил Саксу.

Как можно видеть, Жебраку даже не дали обосновать свою точку зрения. Дважды прерывали ответы.

Прошло уже много времени с начала заседания. В аудитории стало очень душно. Антону Романовичу все труднее давались ответы на вопросы. Просил повторить вопросы. Долго молчал. В конце заседания у Жебрака начался сердечный приступ, он почувствовал себя плохо. После этого вопроса Кочергина подсудимый сказал, что ему плохо, у него начался сердечный приступ, и он просит прервать заседание. Заседание было перенесено на следующий день.

Второй день суда

На следующий день, 22 ноября 1947 г., Кочергин снова задает вопрос о приоритете открытия явления яровизации академиком Лысенко.

> Жебрак: Открытие и разработка яровизации является достоянием нашей отечественной науки. По этой проблеме у нас работал ряд лиц, в числе которых Грачев, Зламанский, Энгельгард, Муромов, Васильев, Сабинин и другие. Большинство этих авторов успешно работает и в настоящее время.

У суда вопросов к А.Р. Жебраку больше не было. Начался допрос «свидетелей».

Профессор Борисенко и доцент Лоза из ТСХА не добавили ничего нового к тому, что они говорили на предварительном следствии. Но тут уж мог задавать вопросы «свидетелям» и подсудимый, раз адвокат не был назначен. На вопрос Жебрака к Борисенко, читал ли он статью Жебрака 1945 года, Борисенко ответил отрицательно. Доцент Лоза не был знаком ни с первой, ни со второй статьей Сакса.

Жебрак задал вопрос Лозе: почему в 1945 г., когда статья была опубликована, «никак не реагировали в отечественной печати, в том числе и в том журнале, который вы редактируете, не только против Сакса, но и против меня, раз вы так резко оцениваете [сейчас] мое выступление?»

Кочергин: Профессор Жебрак, мы судим не доцента Лоза, а профессора Жебрак и усматриваем в вашем вопросе обвинение по адресу доцента Лоза. Я этот вопрос снимаю. Есть ли еще вопросы? Вопросов больше нет.

Кочергин почувствовал, что эти выступающие перед вопросами Жебрака на фоне многочисленной аудитории выглядели несостоятельными и некомпетентными и могли «смазать» существо дела, поэтому он всячески отводил его вопросы к ним. Среди свидетелей были только те, которые казались благонадежными. Сторонникам Жебрака (Радаева, Константинов и др.) на это заседание входа не было, не выдали билетов.

Собравшиеся с нетерпением ждали выступление Н.П. Дубинина. Но Дубинин сам висел на волоске от такого же процесса, т. к. в 1947 г., в том же журнале он опубликовал статью о работах советских генетиков (Dubinin, 1947). Да её ещё поместили на первой странице журнала! А статья-то была послана по той же схеме. Заказана была антифашистским комитетом советских учёных и послана через Совинформбюро (иначе — проверена самой строгой цензурой). Но он не завизировал статью у директора института, который как раз в то время был в отъезде. А, главное, он тоже не остановился в своём обзоре на работах «лысенковской школы». Теперь же, когда началась волна обвинений в преклонении перед иностранщиной, были призывы привлечения его к суду чести. Что он мог поделать?

Николай Петрович в своем выступлении сказал, что вопрос о чести и достоинстве советского учёного и о его задачах в борьбе за нашу советскую идеологию исключительно важный вопрос. И далее:

> Дубинин: <…> Обвинительный акт <…> и в известной степени выступление самого Жебрака <…> показали, что Жебрак допустил ряд серьезных политических ошибок, что вместо разоблачения политической клеветы Сакса — он встал на принципиально неправильный путь спора с ним, как ученым. Кроме того <…> он не сумел перед зарубежным читателем показать морально-политического единства советских ученых, независимо от

их разногласий по научным вопросам, <…> он не показал классовой обособленности науки, не призвал, с одной стороны к объединению с прогрессивными учеными за рубежом и с другой стороны — к борьбе с фашистскими мракобесами в науке. Он <…> не показал всей мощи <…> советской биологической науки <…>, не показал морально-политического единства советских ученых, <…> не понял, что одной из целей Сакса было желание во чтобы то ни стало столкнуть между собой советских людей» <…> не дал ответа на вопросы Сакса. <…> Для этого ему [Саксу] и понадобилось всячески извращать политическую роль академика Лысенко, якобы [он] политически подавил тех советских генетиков, которые стоят на иных научных позициях»[21].

Однако, вылив такой ушат политических ошибок на голову опального профессора, он вдруг остановился. Возможно, вспомнил, что всё-таки он именно ему обязан получением давно желанного титула члена-корреспондента. И тут крутой поворот: «Однако один ли Жебрак не разглядел желания <…> мракобесов столкнуть между собою советских людей?». И далее (надо же как-то выразить и свое отношение к лысенковцам):

Я думаю, что, что этого не понимают и многие из тех товарищей, которые занимают другие научные позиции в вопросах генетики и не понимают этого в гораздо большей степени, чем Жебрак. Многие из этих товарищей позволяют себе необычайно резкие, фанатические выпады против классической советской генетики, как науки, переименовав ее в формальную буржуазную генетику.

Подобные приемы борьбы со всеми научными противниками нельзя больше терпеть. Эти приемы направлены на нарушение морально-политического единства советских ученых. <…> мы, как зеницу ока должны беречь и укреплять политическое единство наших ученых.

Имеются ли положительные моменты в статье Жебрака? Главное <…>, какую роль сыграла статья Жебрака заграницей? <…> Жебрак указал, что сила и жизненность нашего государства строится на научных основах, которые разработали корифеи советской науки — Ленин и Сталин. <…> Указал на огромный расцвет советской науки в тяжелые годы войны. Он показал, что в Советском Союзе ученые разрешают свои разногласия в свободной творческой дискуссии <…> Мне не известно ни одного случая, что бы статьи, направленные против советской науки, использовали статью А.Р. Жебрака <…> наиболее сильными были места, где прозвучала советская идеология.

Дубинин подчеркнул, что ни в одной зарубежной антисоветской статье нет ссылок на статью Жебрака, попытался выразить свое мнение о статье Лаптева, которая сильно задевала и его самого. Однако председатель решительно запретил делать это, заявив, что статья т. Лаптева, напечатанная в центральном органе нашей партии «Правде», не подлежит обсуждению. В заключение Н.П. Дубинин отметил, что во время опубликования статьи была другая политическая обстановка.

Ректор ТСХА академик В.С. Немчинов сообщил, что партком МВО СССР рассмотрел дело Жебрака 10 октября, а партком ТСХА ранее — 22 сентября и независимо от парткома МВО (не дожидаясь его решения) постановил передать дело Жебрака в суд чести. 29 сентября этот материал рассматривался на расширенном заседании Учёного совета академии, который осудил Жебрака. Немчинов упрекнул Жебрака за то, что он не учёл партийно-классового характера науки, в общем, сказал то, что должен был сказать как руководитель Академии.

[21] Стенограмма заседания суда чести по делу Жебрака (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 549. Л. 222–228.).

Академик ВАСХНИЛ И.В Якушкин заявил:

> Каждый советский ученый кладет в основу своей деятельности неразрывную связь между теорией и практикой. А в статье профессора Жебрака не только нарушено это единство, но совершенно неправильно принижены крупнейшие заслуги агробиологической науки. По моему мнению, суд чести на основании своего обвинительного заключения и заслушанных здесь материалов имеет основание вынести суровое осуждение профессору Жебраку, а каждый советский ученый на основании настоящего дела обязан прийти к единому выводу, что ни при каких обстоятельствах и никогда нельзя принижать советскую науку, не рассматривать ее в кругу каких-то узких положений, что всегда нужно высоко держать знамя этой науки, самой передовой в мире.

Завершил группу выступающих профессор ЛГУ Н.В Турбин, который отметил, что «советские научные работники с негодованием заклеймили низкопоклонство и раболепие профессора Жебрака перед зарубежной наукой, несовместимой с советским гражданским достоинством и высоким званием деятеля советской науки». Таким образом, из шести выступивших только Дубинин с некоторыми оговорками поддержал А. Жебрака.

В конце заседания Жебрак опять почувствовал боль в сердце и за грудиной. Превозмогая боль, он подолгу задерживался, отвечая на вопросы председателя суда и его членов.

В своем заключительном слове (председатель назвал его «последним словом Жебрака») А. Жебрак признал свою политическую ошибку, но объяснил ее изменением международной политической обстановки:

> Статья была написана в период максимально дружеских отношений с США. Ее читали специалисты разного уровня, и никто ее не критиковал. Но в теперешней обстановке перед нашей интеллигенцией поставлена политическая задача по преодолению низкопоклонства перед буржуазной наукой и культурой. Этому уровню задач, стоящих перед советской интеллигенцией, моя статья не соответствует[22].

После 10-минутного перерыва слово было предоставлено общественному обвинителю профессору С.Л. Новикову.

Пространное, изложенное на 22 страницах, демагогическое и наукообразное выступление общественного обвинителя носило поучительный характер. Трудно себе представить, что оно было посвящено профессору-генетику, который в своей статье защищал основы своей науки, диалектического материализма и советской демократии. Речь шла как будто о крупном государственном преступнике или международном шпионе, которого американские империалисты внедрили в нашу передовую биологическую науку с целью её подрыва изнутри.

Сторонник академика Лысенко профессор С.Л. Новиков не был знаком с авторскими правилами американского журнала «Наука», ограничивающих объем статьи шестью страницами машинописи. Статьи такого объема должны быть краткими и могли носить исключительно информационный характер. Поэтому обвинения профессора Жебрака, что он в своей статье не отобразил флоры и фауны нашей страны, не показал громадных успехов нашей агробиологии, достижений крупного социалистического хозяйства (колхозов и совхозов) и т. п. являются абсолютно беспочвенными.

[22] Там же. Л. 260.

Новиков щедро пересыпал свою речь оскорбительными эпитетами в адрес «фашиствующего» реакционера Сакса и «морганиста-низкопоклонщика» Жебрака. Такое наклеивание ярлыков было присуще школе Лысенко-Презента и духу Холодной войны.

Общественного обвинителя возмутила критика Жебраком академика Лысенко, он дал понять аудитории, что лидер нашей передовой советской биологии, действительный член трёх академий, Герой Социалистического Труда, кавалер шести орденов Ленина, дважды лауреат Сталинской премии и т.п. академик Т.Д. Лысенко вне всякой критики. «Совершённый проф. Жебраком поступок — явный пример отхода от принципов советской морали, уход в сторону от советского патриотизма, от государственных интересов». Под аплодисменты аудитории Политехнического музея общественный обвинитель потребовал от суда чести вынести подсудимому общественный выговор.

«Судилище», которое в течение двух месяцев топталось на месте, не достигая намеченной цели, к радости его устроителей благополучно завершилось. На основании процесса было составлено решение суда чести об «общественном выговоре», подписанное его председателем и шестью членами, которое как «волчий билет» было приобщено к личному делу опального профессора.

Результаты суда

Спустя два дня заведующий отделом высших учебных заведений и научных учреждений Управления кадров ЦК ВКП(б) Бараненков сообщил секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову, что Жебрак на суде чести не признал себя виновным в совершении им антипатриотического поступка. Бараненков информирует, что «свидетели в своих показаниях охарактеризовали Жебрака как самолюбивого человека, не считающегося с мнением наших ученых и вместе с тем преклоняющегося перед буржуазными учеными, особенно американскими. В заключительном слове Жебрак так же, как и при допросе, продолжал отрицать свою вину в совершении антипатриотического поступка»[23].

Этим всё и завершилось. Не признал. Не признал себя виновным в низкопоклонстве профессор Жебрак! Все перенёс. Устоял...

Но отсутствие признания в низкопоклонстве бередило душу некоторым чиновникам. Министерством высшего образования СССР было составлено многостраничное циркулярное письмо «Для служебного пользования», предназначенное для рассылки в вузы страны. Уж очень, очень хотелось С.В. Кафтанову прославиться, засудив до конца Жебрака. Министр писал А. Кузнецову: «прошу Вашего разрешения разослать указанные материалы директорам Высших учебных заведений с предложением обсудить их на заседания учёных советов и принять необходимые меры для усиления идейно-политической работы по борьбе с низкопоклонством перед буржуазной наукой и культурой».

Но тиражирование и рассылка этого материала в вузы и НИИ не состоялось. Отдел науки и высших научных заведений ЦК ВКП(б), неспешно ознакомившись с первоисточниками материала Суда чести, счёл его рассылку нецелесообразной. По мнению зав. отделом Бараненкова «материал чрезвычайно громоздок, имеют место излишние повторы, недостаточно целеустремлен и не может дать желаемых результатов».

[23] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 548. Л. 100–101.

Можно предположить, что сотрудники отдела, внимательно изучив материалы, поняли всю надуманность и тенденциозность обвинений Жебрака в низкопоклонстве. При обсуждении в вузах и НИИ такое циркулярное письмо могло бы вызвать в научных коллективах реакцию противоположную той, которую от неё ожидали её составители. Поэтому было решено не фиксировать внимание общественности на подробностях суда чести, тем более, что в газетной периодике этот процесс не нашёл своего отражения.

Товарищу Г.М. Маленкову была послана записка о том, что «отдел пропаганды и агитации ЦК не считает целесообразным делать это» и «дать в этом смысле ответ т. Кафтанову»[24] (см. также фото 3).

Таким образом, материалы суда чести в отношении Жебрака не были освещены средствами массовой информации в полном объеме. Но отголоски этого позорного процесса в начале 1948 г. периодически появлялись в партийной прессе. Особенно усердствовал в этом отношении Министр высшего образования СССР С.В. Кафтанов, написав две статьи в журнал «Партийная жизнь» и газету «Московский большевик», где в очередной раз поносил профессора Жебрака (Кафтанов, 1948а, 1948б).

В этих статьях просматривается намёк вышестоящего начальника, каким был в то время для Тимирязевки С.В. Кафтанов, на слишком мягкое отношение к Жебраку администрации и парткома академии, не наложивших на своего сотрудника очередную «епитмью» после решения суда чести.

Жизнь после суда

Жебрак после перенесённых сердечных приступов три недели находился на стационарном лечении, а затем приступил к повседневной работе на кафедре и опорном пункте отдалённой гибридизации пшениц как заведующий. Он поддерживал контакты со своими единомышленниками и вёл переговоры с Дмитровским и Подольским сортоучастами о передаче на сортоиспытание перспективных линий озимой пшеницы его селекции. К началу 1948 г. он написал 4 научных статьи, две из которых вышли в издательстве АН СССР.

По завершении суда чести профессор Жебрак апеллировал в вышестоящие партийные организации, имея в виду перспективы своей дальнейшей научно-педагогической работы.

В ноябре 1947 г. в своём письме секретарю ЦК ВКП(б) А. Кузнецову он признает политическую ошибку своей статьи («пассивно-оборонительная позиция»), но продолжает борьбу против Т. Лысенко. В частности он сообщает: «Защищать взгляды Лысенко в области генетики нельзя без потерь авторитета страны и авторитета ученого, претендующего на элементарные знания фактов данной науки. Взгляды Лысенко в области генетики аналогичны взглядам человека, который в области химии стал бы отрицать периодический закон Менделеева и все дальнейшие следствия из этого закона». В заключение Жебрак просит о личной встрече, где он имеет ввиду дать дополнительные объяснения по существу положения в нашей науке, а также изложить просьбу о том, чтобы ему «дали возможность своей научной и педагогической работой восстановить доверие нашей партии и нашей научной общественности»[25].

[24] Там же. Л. 113.

[25] Там же. Д. 66 . Л. 121.

Встреча не состоялась. Но в связи с его письмом Жебрак был приглашён на собеседование в Отдел высших заведений и научных учреждений Управления кадров ЦК ВКП(б), где ему в беседе с ответственными сотрудниками аппарата были даны исчерпывающие ответы на поставленные им вопросы.

Министерству Высшего Образования СССР были даны указания о создании ему условий для научной и педагогической работы[26].

В декабре 1947 г. заведующим отделом науки ЦК ВКП(б) становиться 28-летний химик-органик Ю.А. Жданов, сын секретаря ЦК ВКП(б). А.А. Жданова. Вдумчивый и внимательный он проявил большой интерес к дарвинизму и генетике, которые были объектом научных споров между сторонниками и противниками Лысенко. Чтобы убедиться действительно ли работают «законы генетики», он прошёл спецкурс у известного генетика В.В. Сахарова и убедился, что эти «законы» работают безотказно.

Ю. Жданов приглашал в свой кабинет на Старой площади известных биологов В.Н. Сукачева, Н.П. Дубинина, И.И. Шмальгаузена, А.Р. Жебрака, И.А. Рапопорта, В.В. Сахарова и других, с которыми долго беседовал по спорным вопросам биологии. В его кабинете так же отстаивали и положения мичуринской биологии В.Н. Столетов, И.Е. Глушенко, общение с которыми у зав. отделом науки было ровным и деловым.

Ю. Жданов дважды посещал кафедру генетики ТСХА, где Жебрак в присутствии академика ВАСХНИЛ П.М. Жуковского знакомил его с результатами своих работ и консультировал по вопросам генетики (Жданов, 1993). В результате такого общения с учёными у Ю.А. Жданова сложилась определённая картина состояния биологии в стране.

10 апреля 1948 г. состоялся Всесоюзный семинар лекторов обкомов партии, на котором он выступил с лекцией «Спорные вопросы дарвинизма» и критиковал Лысенко за его стремление к монополизму в биологии и многочисленные голословные обещания. Через день в Московском доме учёных состоялось импровизированное собрание оппонентов Лысенко, где бурно обсуждалась лекция Ю. Жданова. Появилась надежда, что положение в биологии теперь изменится к лучшему. После пятимесячного перерыва идеологического давления на Жебрака в стенах его родной академии Тимирязева оно возобновилось с новой силой. Это ярко проявилось на отчетно-выборном партийном собрании в апреле 1948 г.

В отчётном докладе секретаря парткома Воробьев вернулся к событиям полугодовой давности, воскресил эпопею подготовки к суду чести над Жебраком и проводы его на голгофу партийной организации академии.

Выступающие на собрании коммунисты обвинили Жебрака в том, что он не признал своей вины на суде чести. Несмотря на то что его «антипатриотический» поступок неоднократно упоминался в печати, он не высказал по ним своей позиции и не покаялся в своих ошибках. Молча просидеть Жебрак не смог. Он взял слово и вышел на трибуну. В своём выступлении Жебрак сказал, что в стране в последний год прошел ряд творческих дискуссий в крупных вузах страны, но Тимирязевская академия никакого участия в них не принимала. «Я должен с сожалением отметить, что партийная организация нашей академии стояла в стороне от многих крупных вопросов, имеющих живейшее отношение к развитию сельскохозяйственной науки… ».

Выступление Жебрака, осмелившегося критиковать партком академии, вызвало гнев у слушателей. Небезызвестный доцент Лоза открыто заявил:

[26] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 66. Л. 123

> Позвольте поэтому поставить такой вопрос: не пора ли прекратить в партийной организации разыгрывание цирлих-манирлих в отношении Жебрака. Не пора ли Жебрака не только поставить на колени в партии и перед партией <…>, но и поставить ясно и четко по-большевицки вопрос — быть ли Жебраку дальше в партии.

Проректор по учебной части академик К.И. Иванович недвусмысленно угрожал Жебраку:

> Если учесть, что он долго обучался в Америке, заграницей у Моргана, то мне кажется, что у него и мозги сильно засорены /смех в зале/… наша партийная организация, должна, наконец, потребовать, чтобы Жебрак перестроился, чтобы он стал более партийным человеком, чтобы он стал большевиком, чтобы он излечился от крупных политических вывихов, а если он к этому не способен, то, мне кажется, что пора делать партийные выводы и пусть тогда Жебрак пеняет на себя.

Подытожив выступления всех коммунистов, куратор собрания, секретарь Тимирязевского райкома партии М.И. Галкин заявил: «Партийная организация академии, мне кажется, пора дать политическую оценку действий т. Жебрака».

Партийное собрание ТСХА постановило:

> Осудить антипатриотическое выступление на партсобрании т. Жебрака А.Р. и поручить партийному комитету рассмотреть в партийном порядке антипатриотический поступок Жебрака осужденного Судом чести при Министерстве высшего образования, а также и последующее его поведение[27].

Вынесли строгий выговор.

После отчетного партсобрания ТСХА, администрация академии от угроз в адрес Жебрака с одобрения С.В. Кафтанова и министра сельского хозяйства И.А. Бенедиктова перешла к решительным действиям.

В июне 1948 г. во время пребывания Жебрака в отпуске, по приказу директора академии В.С. Немчинова он был переведён на половинную ставку оплаты труда, якобы за отсутствием учебной нагрузки, что явилось по существу началом ликвидации кафедры генетики в Академии. В июле из Минсельхоза СССР пришло уведомление о прекращении финансирования опорного пункта отдалённой гибридизации пшениц, руководимого Жебраком с 1-го октября, «поскольку работы опорного пункта не удовлетворяют требованиям Министерства сельского хозяйства». Этими акциями Жебраку были созданы крайне тяжёлые условия для работы. И в довершение всего 31 июля в Москве открылась августовская сессия ВАСХНИЛ, завершившая разгром отечественной генетики.

Августовская сессия ВАСХНИЛ как завершающая точка

О Сессии ВАСХНИЛ 1948 года всем стало известно из газет. В газете «Правда» 4 августа был напечатан доклад Лысенко (Лысенко, 1948). «Формальную» генетику защищали только восемь генетиков (Сойфер, 2002, с. 630–716). Под конец сессии Лысенко объявил, что его доклад был одобрен ЦК партии. У оппонентов Лысенко руки

[27] Архив парткома сельхозакадемии им. Тимирязева.

были связаны ещё и тем, что они были членами партии, принцип «демократического централизма» предполагал, что решение ЦК обязательно для всех членов партии. После этого сообщения несколько человек выступили с отказами от своих прежних убеждений и выказали готовность работать в русле нового направления (П.М. Жуковский, И.М. Поляков, С.И. Алиханян). К этому же принудили и А.Р. Жебрака (обещанием за ним сохранить кафедру), которому пришлось после сессии послать «покаянное» письмо в газету «Правда». Он написал: «Я как член партии не считаю для себя возможным оставаться на тех позициях, которые признаны ошибочными Центральным Комитетом нашей партии». Но это не помогло. Его участь была решена раньше, 9 августа, на заседании Оргбюро ЦК под председательством Г.М. Маленкова. Судьба всех отрекшихся от генетики была одинакова: их всё равно сняли с работы.

Место Жебрака на кафедре занял Т.Д. Лысенко, въехавший в Академию под звуки оркестра. А на парткоме Тимирязевки опять разбирали дело Жебрака. Здесь демонстрировались доказательства вины Антона Романовича и приводились выдержки из протокола того самого заседания Президиума АН БССР от 17 октября 1947 г. Протокол передал следующий (сменивший его Н.И. Гращенков) президент АН БССР, где сообщалось, что «Жебрак и теперь (т.е. 17.10.47, а не в 1948 г. — *М.С.*) не признает в отношении Лысенко допущенной им ошибки, он говорит, что учение Лысенко неправильное и что Лысенко через несколько лет будет пустым местом в науке, а что будет развиваться то учение, которому он, Жебрак, служит. Теории его, Жебрака, и Лысенко всегда останутся на разных полюсах».

В Белоруссии 31 августа были исключены из тематических планов две темы, руководимые А.Р. Жебраком как антинаучные (Академик А.Р. Жебрак, 2007, с. 248). По приказу Академии наук Белорусской СССР от 1 сентября 1948 г. написано «отчислить с 15 августа от работы [задним числом!] старшего научного сотрудника, действительного члена АН БССР, профессора Жебрака <…>, который <…> исходит из порочных теоретических менделевско-моргановских установок» (Академик А.Р. Жебрак, 2007, с. 248).

Лабораторию его закрыли и всех сотрудников уволили. Отселектированный Жебраком во время войны семенной материал (3 тонны) лучших местных сортов пшеницы, привезённый им из Москвы, по распоряжению нового президента АН БССР Н.И. Гращенкова, вместо высева в колхозах, перемололи и раздали на пропитание (в связи со страшным неурожаем 1947 г.) лаборантам, т.к. научные сотрудники, узнав о происхождении этой муки, по этическим соображениям, употреблять её отказались.

Сессия ВАСХНИЛ определила разгром научных биологических кадров.

Результаты «чистки» кадров были изложены в письме министра С.В. Кафтанова в ЦК ВКП(б) в декабре 1948 г.:

> В соответствии с приказом № 1259 произведена проверка профессорско-преподавательского состава. По Министерству просвещения РСФСР всего освобождено от работы 41 человек, из них деканов — 7, зав. кафедрами — 12, проф. — 9, доцентов — 8, преподавателей — 5.
>
> По УССР отчислено — 4 человека, по БССР — 2, по Таджикской ССР и Казахской ССР — по 2, по Узбекской — 1, по Эстонской — 3 и Литовской — 2.

Затронула сессия ВАСХНИЛ так же учреждения Академии медицинских наук и педагогических наук и даже школьных учителей. Без работы остались наиболее квалифицированные кадры генетиков.

А.Р. Жебрака на работу в свой институт (Московский лесотехнический) устроил В.Н. Сукачев. Но поездки туда на поезде были затруднительными. Проработал там Жебрак до июня 1949 г. С ноября 1949 г. он стал работать в Фармацевтическом институте — читал курс ботаники и позднее издал учебник ботаники для фарминститутов (Жебрак, 1959), но он стремился к продолжению своих работ. Его полиплоиды должны воспроизводиться каждый год, селекционный процесс не может быть остановлен. А для этого нужны экспериментальные поля.

В феврале 1952 г. он обращается в ЦК к Г.М. Маленкову, и П.К. Пономаренко:

> Я должен Вас заверить, что у меня нет никаких сугубо личных стремлений: как профессор и заведующий кафедрой ботаники я вполне удовлетворен своим положением, но я не могу согласиться, как ученый-большевик с выключением меня из борьбы за подъем урожайности наших полей. Все это я сообщаю для того, чтобы Вы, если найдете это возможным, оказали необходимую поддержку в расширении моих работ по селекции культурных растений и в более широком производственном испытании уже выведенных мною сортов пшеницы, гречихи и проса[28].

Ответа не было. В 1950-х гг. Жебрак активно участвует в дискуссии, развернутой Ботаническим журналом против Лысенко. Он публикует в этом журнале статью «Природа прививок у высших растений» (Жебрак, 1956а, с. 358–369) и доказывает на большом экспериментальном материале невозможность получения вегетативных гибридов при прививках растений. В кратком виде этот материал излагается и в Докладах АН СССР (Жебрак, 1956б).

Он участвовал в подготовке и проведении Московской генетической школы, состоявшейся в 1958 г., которая началась его лекцией о законах Менделя. Ведь с 1948 г. молодежь изучала только «мичуринскую» генетику. Замечательным событием в середине 1950-х гг. была организация 1-го Всесоюзного совещания по полиплоидии, в проведении которого А.Р. Жебрак также активно участвовал.

Однако Жебрака тяготила невозможность работы с полиплоидами. Ещё в 1952 г., он обращался непосредственно к Н.С. Хрущёву, сначала через С.С. Морсина, зам председателя Московского облисполкома, и просил помочь с возможностью проведения селекционных работ с его полиплоидными гибридами. Он писал: «Тов. Морсин передал мне Ваши слова: «Передайте тов. Жебраку пусть подождет до лучших времен, а когда такие времена наступят, то мы ему поможем». С той же просьбой много позднее Жебрак (в 1960 г.) обращается опять к Н.С. Хрущёву «Прошло несколько лет и лучшие времена уже давно наступили. … Я хотел бы, чтобы мне было оказано содействие для более быстрого внедрения их [полиплоидных сортов пшеницы и гречихи] в производство»[29]. В этот раз он подарил Хрущёву его учебник ботаники «в доказательство трудолюбия». Но все эти просьбы не приводили к существенным результатам.

Правда, в Белоруссии дела как-то продвинулись и в 1957 г. началась организация небольшой (всего 5 человек) лаборатории полиплоидии, но базы для селекционного процесса не было. Но со временем всё образуется, — думает Антон Романович.

---

[28] Из личного архива А.Р. Жебрака.

[29] Там же.

Последние попытки исправить положение в генетике

После 1955 года А.Р. Жебрак, уже подписав «письмо трёхсот», опять тревожит ЦК КПСС своим письмом и просит «Центральный комитет КПСС в специальном заседании Секретариата или Президиума рассмотреть вопрос о положении нашей науки...» — многострадальной генетики. К сожалению, в личном архиве А.Р. это письмо сохранилось не полностью, а лишь с третьей страницы.

А.Р. Жебрак в этом письме пытался высказать своё мнение о вероятной причине, способствующей созданию нетерпимой ситуации в генетике: это борьба группировок в ЦК за власть и убедить, что такое положение следует изменить.

Вот это письмо А.Р. Жебрака в ЦК ВКП(б)[30]:

- 3 -

[Генетика] ...представлена рядом важнейших экспериментальных направлений.

Заняв должность руководителя крупного научного учреждения (Одесский институт селекции), не владея данными науки и потому встретившись с большими трудностями, Лысенко встал на путь научного авантюризма и объявил фактический материал несуществующим, а главные научные методы и теории — буржуазной лженаукой.

Авантюризм Лысенко привел его к тому, что он стал систематически дезинформировать советскую общественность о роли и значении экспериментальной генетики. Приведу некоторые примеры.

В постановлениях многих Пленумов ЦК КПСС указывается на необходимость использования в практике методов посевов кукурузы гибридными семенами.

Метод разведения кукурузы гибридными семенами разработан экспериментальной генетикой и целиком покоится на генетических принципах. У нас этот метод разрабатывал и активно пропагандировал Н.И. Вавилов раньше, чем начала использовать зарубежная наука в широких масштабах. Лысенко же самым решительным образом опорочивал основные методы генетики и, в частности, инцухт-метод у кукурузы и срывал у нас работы по внедрению этого метода в практику в течение 15–18 лет.

Возникает вопрос, каким же образом Лысенко добился поддержки И.В. Сталина в своих явно обскурантских нападках на генетические методы и своих теоретических противников. По этому вопросу я хочу сообщить Центральному Комитету такие факты, которые, вероятно, мало кому известны.

Заслуженным и авторитетным лидером научного направления советской генетики до своего ареста в 1940 году был академик Н.И. Вавилов. Это — учёный мирового масштаба, огромной эрудиции и выдающихся организаторских способностей. На пост «неограниченных возможностей» (как сказано в одном иностранном некрологе), т.е. директора Института прикладной ботаники и новых культур, а также директора Института опытной агрономии он был назначен В.И. Лениным в 1921 г. За короткий срок он создал сеть опытных учреждений, собрал мировую коллекцию всех сельскохозяйственных культур и объединил огромный коллектив исследователей. В январе 1929 года состоялся Первый Всесоюзный съезд по генетике, селекции и племенному животноводству. Съезд собрал свыше 2000 участников. Труды съезда вышли в количестве 6-ти больших томов. Председателем съезда был Н.И. Вавилов. От имени Советского Правительства и Коммунистической партии съезд лично приветствовал С.М. Киров. Проводил съезд и руководил фракцией коммунистов Н.П. Горбунов, бывший в то время Управляющим делами СНК.

На одном из заседаний фракции Н.П. Горбунов поставил перед членами фракции задачу

[30] Из личного архива А.Р. Жебрака.

- 4 -

провести агитацию, чтобы съезд послал приветственную телеграмму т. Сталину. Такую агитацию мы провели в секциях, в которых мы работали. Но основные руководители съезда высказались в том плане, что съезд является научным и неудобно посылать такую телеграмму Генеральному Секретарю партии, а лучше послать Правительству и Партии. И такая телеграмма была оглашена на пленарном заседании и одобрена участниками.

Текст телеграммы такой:

«Первый Всесоюзный Съезд работников по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству, собравшийся в числе 2.000 человек от всего Союза, приветствует Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Центральный Комитет Коммунистической партии, как руководителей строительства хозяйственной жизни страны на основе социализма и науки.

Съезд с особым удовлетворением отмечает широкую инициативу Правительства и Партии в деле поднятия урожайности сельского хозяйства в нашем Союзе, что является основной предпосылкой для обеспечения быстрого темпа индустриализации страны в деле введения на поля Союза селекционных семян и в развитии научно-исследовательской работы в области сельского хозяйства. Съезд выражает твердую уверенность, что его дружная коллективная работа послужит основой дальнейшего прогресса сельскохозяйственной науки и практики на дело строительства социализма в нашем Союзе.

По постановлению Съезда
Председатель Вавилов».

Анализируя изложенные факты после 20-го съезда нашей партии и в свете выступления т. Н.С. Хрущова на закрытом заседании съезда я пришел к выводу, что причиной отрицательного отношения к генетике со стороны т. Сталина, причиной трагедии нашей науки и причиной личной трагедии для Н.И. Вавилова и ряда других ученых генетиков нашей страны явился отказ от посылки телеграммы на имя т. Сталина. В самом деле, современная генетика является самой материалистической наукой и приписывать ей какой-то идеализм — это полнейший абсурд.

Генетика в Западной Европе начала усиленно развиваться после 1900 года, т.е. когда В.И. Ленин вел борьбу с ревизионизмом и идеализмом в физике. В.И. Ленин, безусловно, знал ведущие работы в области генетики и ни в одном из своих произведений, в том числе и в «Материализме и эмпириокритицизме» даже намеком не обмолвился об идеализме менделизма-морганизма.

Приписывать Вавилову и другим генетикам «антимичуринизм» также нелепо. Н.И. Вавилов был лично в дружеских отношениях с И.В. Мичуриным.

Съезд по генетике всем своим составом также послал приветственную телеграмму И.В. Мичурину. Текст телеграммы Мичурину был напечатан рядом с текстом телеграммы Правительству и Партии.

- 5 -

При жизни Мичурина, ни о какой мичуринской науке и речи не было. А если бы кто-либо и поднял такой вопрос при жизни И.В. Мичурина, то, вероятно, Мичурин сам протестовал бы против подобной профанации науки. Современная наука развивается усилиями ученых многих поколений и многих стран, и она не может быть приписана одному лицу.

Широкие дискуссии по проблемам генетики имели место в 1936 и 1939 годах. Однако после этих дискуссий оба направления продолжали работать. Разгром и ликвидация научной генетики в нашей стране произошла в 1948 году. Дискуссия 1948 года на так называемой Сессии ВАСХНИЛ не была научной дискуссией, Эта была расправа с учеными, которые не признавали навязанного Сталиным руководства нашей наукой со стороны Лысенко. Кроме этого, эта дискуссия была ловко задуманной Маленковым и Берия интригой против А.А. Жданова. Приведу известные мне факты.

В течение ряда лет до начала 1946 года вторым секретарем ЦК КПСС (после И.В. Сталина) был Маленков. В начале 1946 года комиссия под председательством А.А. Жданова обследовала работу аппарата ЦК и нашла ряд упущений, о которых было доложено т. Сталину. После этого Маленков был освобожден и на его место назначен А.А. Жданов. В этот период о Маленкове в аппарате ЦК говорили только шепотом. Это мне хорошо известно, так как я сам в этот период работал в аппарате ЦК КПСС в качестве зав. отделом управления пропаганды. Некоторое время Маленков был в неизвестности. А затем пошли слухи, что Маленков был у т. Сталина, расплакался и просил о помиловании. После этого визита Сталин взял Маленкова своим заместителем по Совету Министров. Так как боялся сговора между членами Политбюро, то конфликтные отношения между А.А. Ждановым и Маленковым ему были кстати.

Конфликт между Ждановым и Маленковым меня занимает постольку, поскольку он оказался роковым для судьбы генетики в нашей стране. Дальнейшие события развивались в таком направлении. Многие ученые группами и в одиночку стали писать письма в ЦК КПСС о ненормальном положении в нашей сельскохозяйственной и биологической науке. Материалы эти концентрировались у т. Жданова, который поручил отделу науки проверить. Зав отделом науки в то время (1947–1948 г.) был сын А.А. Жданова Юрий, который вызывал лично многих ученых и уточнял многие сведения.

К началу 1948 г. выявился полнейший провал всех, так называемых, новаторских предложений Лысенко и его явно неудовлетворительное руководство ВАСХНИЛ. На Оргбюро ЦК заслушивался доклад Лысенко и содоклад Комиссии под председательством т. Боркова (Члена ЦК того состава). На этом заседании выяснилось явно конфликтные отношения между т. Ждановым и Лысенко.

- 6 -

В это, примерно, время при ЦК проходили семинарские занятия лекторов обкомов КПСС. Так как положение в нашей биологической науке освещалось в нашей печати с различных точек зрения, то лектора пожелали на эту тему заслушать доклад отдела науки ЦК. Юрий Жданов такой доклад прочитал при переполненной аудитории Политехнического музея. В этом докладе он дал резкую критику и некоторым нашим философам (Митину, Александрову и др.), которые, не разобравшись в сущности вопроса, вмешиваются в научные споры. Юрий Жданов закончил свое выступление, примерно, такой фразой: «Когда я читаю выступление А.А. Жданова об опере Мурадели, что не всякое кривляние и вихляние есть новаторство, то я хочу сказать: слушай, слушай Лысенко, это тебя касается».

В это время Лысенко и Митин сидели в кабинете Митина в здании Политехнического музея и слушали речь Юрия Жданова, направленную против них.

Юрий Жданов допустил еще и другую ошибку — он без ведома ЦК разослал стенограмму своего выступления перед лекторами по обкомам партии и направил для опубликования в журнал «Вопросы философии».

Лысенко и Митин, естественно, обеспокоились и приняли соответствующие меры, используя ошибочные действия Юрия Жданова. Через Берия и Маленкова они передали письмо т. Сталину, в котором, вероятно, и изобразили дело таким образом, что Лысенко является новатором и выдвиженцем т. Сталина, а т. А.А. Жданов устами своего сына его разоблачает. Берия и Маленков, будучи в конфликтных отношениях с т. А.А. Ждановым, использовали ошибки Юрия Жданова в своих интриганских целях и вызвали гневную реакцию т. Сталина и добились того, что Маленков был возвращен в 1948 г. на пост секретаря ЦК, а т. Жданов уехал в отпуск и уже не вернулся на работу. В конце августа 1948 г. т. Жданов умер.

Сессия ВАСХНИЛ была организована Маленковым и Шепиловым. Маленков был в то время Секретарем ЦК, а Шепилов Зав. Управлением пропаганды. Непосредственно руководил сессией Шепилов.

Вся шумиха на Сессии ВАСХНИЛ и на сессиях всех республиканских академий о якобы идеалистических ошибках советских генетиков преследовали задачу дискредитации т. Жда-

нова, которого Маленков и Берия представляли покровителем этой группы генетиков. Если бы т. Жданов не умер, то он, безусловно, был бы устранен из жизни другими методами.

Такой вывод можно сделать на основании того, как поступили Берия и Маленков с Вознесенским, Кузнецовым, Родионовым и многими деятелями Ленинградской организации, идейным руководителем которой считался т. Жданов.

Разгром генетики в нашей стране в 1948 г. есть результат политической интриги Берия, Маленкова. Шепилова и др. против А.А. Жданова.

После смерти Сталина положение в нашей науке улучшилось, однако, полного восстановления научных учреждений, разгромленных в 1938 г. не произошло по вине Шепилова и Маленкова и их соучастников. Приведу примеры.

- 7 -

В 1955 г. 296 ученых нашей страны, в числе которых были ведущие академики АН СССР и союзных республик, обратились с просьбой в Президиум ЦК КПСС изменить коренным образом положение нашей биологической науки. К сожалению, это письмо не было должным образом рассмотрено. Имеются косвенные сведения, что Шепилов, Митин и др. лица, причастные к политической интриге 1948 г. неверно информировали руководство ЦК КПСС.

Поскольку партия разоблачила Маленкова и Шепилова как фракционеров и интриганов, то совершенно необходимо исправить последствия их вредной деятельности, а таким последствием является Сессия ВАСХНИЛ 1948 года.

Деятельность Лысенко и разгром научной генетики в 1948 году нанесли огромный урон престижу советской науки. Дело в том, что в августе 1948 г. именем ЦК КПСС были объявлены «реакционными» и «идеалистическими» элементарнейшие, легко доказуемые законы природы не менее фундаментальные, чем вращение Земли вокруг Солнца и своей оси. Ученые многих стран в своих печатных выступлениях называют Лысенко шарлатаном. Приведу высказывания индийского профессора Магешвари, являющегося главным Ученым Секретарем Академии наук Индии. Свою большую статью «Карьера и падение Лысенко» он заканчивает таким абзацем:

«Хотя мы и резко критикуем Лысенко, неправильно думать, что эта статья означает целостное осуждение русской науки. Русские сделали и делают самые крупные вклады в науку во многих областях. В самом деле, после революции 1917 года русская наука сделала могучие шаги и ученые многих стран могут позавидовать средствам, предоставляемым ученым в России и тому уважению, с которым к ним относится государство. Наши замечания относятся к той части науки, которая подпала под влияние Лысенко. Это она дегенерировала в шарлатанство и возбудила негодование во всем мире».

Реакционные же ученые, разоблачая авантюризм Лысенко, одновременно охаивают наш советский строй, при котором явный шарлатан и авантюрист может занять высокое положение в науке и потирают руки от того, что наша страна терпит урон от деятельности Лысенко.

Так, в американском журнале [название журнала, название статьи и её авторы не вписаны в оставленное в рукописи место] один из авторов пишет:«Поскольку лысенкоизм сохраняется в России, то экономический и военный потенциал в СССР будет уменьшаться в силу разрушительного влияния лысенкоизма на сельское хозяйство».

Некоторые же околонаучные органы печати используют Лысенко для обострения холодной войны и стараются провокаторскими методами эффективно поддержать Лысенко у нас и разоблачать его в глазах зарубежных читателей.

- 8 -

Такую роль выполнила книга двух английских авторов Гудзона и Риченса, которые в 1946 году выпустили книгу «Новая генетика в Советском Союзе». В Англии не принято печатать резюме на русском языке, но эта книга вышла с резюме на русском, немецком и французском языках. Резюме на русском языке было напечатано, вероятно, для того, чтобы его можно было показать Сталину. В одном из абзацев этой книги сказано, что теории Лысенко

спаяны с диалектическим материализмом. Этот абзац в глазах Сталина поддерживает Лысенко больше, чем 100 томов разоблачений его. А дальше они пишут, что он обскурант и мракобес. Этой фразой они разоблачают Лысенко в глазах зарубежных читателей и охаивают диалектический материализм, который может быть спаян с явным обскурантизмом.

Я мог бы привести большое количество ссылок и на другие работы иностранных авторов. Я прошу Центральный Комитет КПСС в специальном заседании Секретариата или Президиума рассмотреть вопрос о положении нашей генетической науки с вызовом на это заседание специалистов-генетиков членов КПСС и принять соответствующее решение, которое бы коренным образом изменило положение генетической науки в нашей стране в лучшую сторону.

Член КПСС с 1918 года

(А.Р. Жебрак)
(Академик АН БССР, профессор, доктор биологических наук)
Октябрь 1959 года.

Просьба Жебрака, направленная в Центральный комитет, вероятно, затерялась в каких-то высоких кабинетах. Ответа он не получил. Не было и слухов о назначении заседания Секретариата или Президиума по вопросам генетики. Документы по этому вопросу в архиве РГАСПИ не найдены.

Последние усилия

Все же работа «ботаником» в Фармацевтическом институте угнетала Жебрака, хотя он старался и в этом курсе приобщать студентов к генетике. В 1957 г. был объявлен конкурс на замещение должности заведующего кафедрой генетики в МГУ. А.Р. Жебрак подал документы и почти единогласно был избран учёным советом биолого-почвенного факультета на эту должность. Но этого не допустил В.Н. Столетов, к тому времени уже ставший Министром высшего образования СССР — тот самый, который был организатором Сессии ВАСХНИЛ 1948 г., который был связующим звеном между ВАСХНИЛ и ЦК (Маленковым), кто занял место ректора Тимирязевки после Немчинова и кто, став ректором, издал приказ об увольнении профессора Жебрака из Тимирязевки. Допустить появления Жебрака в МГУ этот человек не мог! Постфактум конкурс был отменён, а через год Столетов сам стал заведовать кафедрой генетики МГУ, но лекций он не читал. Ко всеобщему удивлению В.Н. Столетов быстро «перестроился» и изменил свои взгляды. Он подружился с М.Е. Лобашовым, который был уже заведующим кафедрой генетики ЛГУ. В.Н. Столетов, после выхода учебника Лобашова «Генетика: курс лекций» в издательстве ЛГУ в 1963 г. даже помогал ему с выпуском следующего издания.

Детищем Антона Романовича была кафедра в Тимирязевке, и он мечтал туда вернуться. В 1965 г. готовился конкурс на заведование кафедрой генетики. Но Тимирязевка и, конечно, кафедра сильно изменились за эти годы (как говорили тогда острословы «облысела»). Антон Романович долго обдумывал возможности возвращения на свою кафедру. Решил поговорить в ЦК. Там у него остались ещё знакомые, с которыми он учился в ИКП. Жебрак понимал, что при засилии лысенковцев в Тимирязевке ему не удастся туда вернуться при свободном конкурсе. А раз его незаконно прежде сняли с должности, то нельзя ли сначала, до конкурса, его назначить исполняющим обязанностями заведующего кафедрой, а потом уж провести конкурс. (Очевидно, он хотел сказать: «Вы меня снимали — вы меня и восстановите»). В ЦК он разговаривал

с Л.Ф. Ильичёвым. Но поскольку только что произошло смещение Н.С. Хрущёва, партия вспомнила о демократии. Ильичёв якобы ответил ему: «ЦК пришло к выводу, что везде должно быть замещение вакансий в результате свободных выборов». Поддержки не получилось, разговор был тяжёлым. Заболело сердце. Он пришёл домой и молча лёг в постель. Измученное сердце не выдержало такой нагрузки. Врачи не распознали очередного инфаркта. Умер Антон Романович 20 мая 1965 г.

Круг жизни замкнулся. Светлейший и честнейший человек, Антон Романович Жебрак, жрец чести, борец за генетику, великий, по выражению Э.С. Шноля, как Джордано Бруно и Коперник, был истерзан до конца системой. Пропали его устойчивые к болезням и вредителям амфидиплоидные пшеницы, пропала тетраплоидая гречиха (Жебрак, Деменок, 1964) и просо.

«Гаснут вулканы» — такое название своей книге, посвящённой жизни Антона Романовича Жебрака, дал писатель Игнат Дубровский (1997). Поражает глубина проникновения писателя в историю жизни героя и цельность изображения образа учёного, написанного чрезвычайно честно и необычайно сердечно. К сожалению, эта книга издана только на белорусском языке и не доступна российскому читателю, а жаль...

Нам бы хотелось, чтобы фамилия «Жебрак» осталась на слуху не как фамилия нарицательная, которую склоняли и поносили в середине прошлого века, а в памяти поколений сохранилась бы его беззаветная и самоотверженная борьба за утверждение научной истины, за честь и достоинство ученого.

Литература

Академик А.Р. Жебрак: Документы и материалы. Минск: Белорусская наука, 2007. 337 с.

Вышинский П. Советский патриотизм и его великая сила // Большевик. 1947. № 18. С. 26–58.

Дубинин Н.П. Генетика — страницы истории. Кишинев, 1988.

Дубровский И. Гаснут вулканы. Минск: Майстацкая литература, 1997. 319 с.

Есаков В., Иванова С., Левина Е. Из истории борьбы с лысенковщиной // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 125–141; № 6. С. 157–173.

Есаков В.Д., Левина Е.С. Сталинские суды чести: «Дело КР». М.: Наука, 2005. 423 с.

Жданов Ю.А. Во мгле противоречий // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 65–82.

Жебрак Антон Романович // Большая Российская энциклопедия. М., 2007. Т. 9. С. 745.

Жебрак А.Р. Синтез новых видов пшениц. М.: Селхозгиз, 1944. 185 с.

Жебрак А.Р. Полиплоидные виды пшениц. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 124 с.

Жебрак А.Р. Природа прививок у высших растений // Ботанический журнал. 1956а. Т. 41. № 3. С. 358–369.

Жебрак А.Р. Влияние прививки на развитие наследственных признаков у гороха // Доклады АН СССР. 1956. Т. 106. № 6. С. 1099–1101.

Жебрак А.Р. Письмо в редакцию // Правда. 1948. 15 авг. № 228 (10 969). С. 3.

Жебрак А.Р. Курс ботаники. М.: Сов. медицина, 1959. 520 с.

Жебрак А.Р., Деменок А.М. Незаконной гречихе шагать в поле // Комсомольская правда. 1964. 25 дек.. № 302 (12154). С.2.

Жебрак Э.А., Солнцева М.П. Судилище. Материалы и воспоминания о подготовке «суда чести» над академиком А.Р. Жебраком (1947) // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 5. № 4. С. 77-99.

Кафтанов С.В. Важное средство идейного воспитания научных кадров // Партийная жизнь. 1948а. № 1. С. 15–19.

Кафтанов С.В. Высоко нести знамя советской культуры // Московский большевик. 1948б. № 67. С. 2.

Лаптев И.Д. Антипатриотические поступки под флагом научной критики // Правда. 1947. 2 сент. № 207 (4773). С. 2.

Лысенко Т.Д. Доклад о положении в биологической науке // Правда. 1948. 4 авг. № 217 (10 958). С. 2–3.

Постановление «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» // Правда. 1946. 21 авг. № 198 (10 280). С. 1.

Презент И. Дарвинистко-мичуринская биология и зарубежный морганизм // Агробиология. 1946. С. 49–69.

Презент И. Борьба идеологий в биологической науке // Ленинградская правда. 1947. 6 марта. № 54 (9700). С. 2.

Савченко В.К. Антон Романович Жебрак // Выдающиеся советские генетики / под ред. Д.К. Беляева и В.И. Иванова. М.: Наука, 1980. С. 138–147.

Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. М.: Книга, 1990. 430 с.

Сойфер В.Н. Власть и наука. Разгром коммунистами генетики в СССР. М.: ЧеРо, 2002, 1020 с.

Сонин А.С. Дело Жебрака и Дубинина // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 34–58.

Сурков А., Твардовский А., Фиш Г. На суд общественности // Литературная газета. 1947. 30 авг. № 36 (2351). С. 1.

Хотылева Л.В. Академик Антон Романович Жебрак: к 70-летию со дня рождения // Полиплоидия и селекция. Минск: Наука и техника, 1972. С. 3–9.

Шноль С.Э. Герои, злодеи, конформисты российской науки. М.: Крон-Пресс, 2002. 874 с.

Dubunin N.P. Work of Soviet Biologists: Theoretical Genetics // Science. 1947. Januar, 31. Vol. 105. № 2718. P. 109–112.

Dunn L.C. Science in the U.S.S.R. Soviet Biology // Science. 1944. Januar, 28. Vol. 99. № 2561. P. 65–67.

Dunn L.C. Scientific interchange between the United States and Soviet Russia // Science. 1945. February, 23. Vol. 101. № 2617. P. 200–201.

Sax K. Soviet Biology // Science. 1944. April, 14. Vol. 99. № 2572. P. 298–299.

Sax K. Soviet Biology // Science. 1945, December 21. Vol. 102. № 2672. P. 298–299.

Zhebrak A. R. Soviet Biology // Science. 1945. October, 5. Vol. 102. № 2649. P. 357–358.

The Punishment and Its Consequences. A materials of the “Court of Honor” of the Anton R. Zhebrak (1947)

Eduard A. Zhebrak*, *Margarita P. Solntseva

Nuernberg, Germany; m.solntseva@helpedv.de

This article is a continuation of ones published earlier by the same authors in the *Studies in History of Biology* journal. In the previous article we discussed the beginning of the story connected to the polemics in the journal *Science* (Dunn, 1944, 1945; Sax, 1944, 1945; Zhebrak, 1945). Although when publishing his article Zhebrak gained the permission of the authorities, a few years later when the process against the “bowing and scraping before the West” he was accused of that publication and brought to so called “Court of Hhonor”. This article discusses the details of that particular process.

Keywords: A.R. Zhebrak, history of genetic, Lysenkoizm, punishment, Court of Honor

Interview with Theodosius Dobzhansky (October, 1966, Rockefeller University, New York)

Garland E. Allen

Washington University, Washington, USA; allen@biology.wustl.edu

Introduction

In October, 1966, I had the good fortune to be able to arrange an interview with the late Theodosius Dobzhansky, who was then still at Rockefeller Institute (now Rockefeller University) in New York. I spent several hours with him on a Saturday afternoon, asking him about his early interests in genetics and evolution, and particularly about his work with Thomas Hunt Morgan (1866–1945) at both Columbia University and at the California Institute of Technology (Caltech, as it is generally referred to). I was at the time preparing to write a biography of Morgan, having just completed my Ph. D. dissertation on his genetic, evolutionary and embryological work. Dobzhansky was very lively and clearly enthusiastic about Morgan and his own experiences in the Morgan laboratory. Although I used many ideas and quotations from this interview in my biography of Morgan,1 the full text of the interview was never transcribed until 1992, and was never published. It is offered here as part of the record of Dobzhansky's life and work that is now being collected in Russia.

DOBZ.: You told me, or Ernst Mayer told me, that you had already interviewed one of Morgan's daughters. Which one?

G. A.: Isabel. She is the youngest and she and her husband invited me to Mt. Kisco, which was very informative.

DOBZ.: And also [said} you interviewed Muller and Sturtevant? Did you get compatible or incompatible accounts? [*much laughter*].

G. A.: Sometimes compatible and sometimes incompatible.

DOBZ.: Mostly incompatible.

G. A.: They had very different interpretations, but both were trying to be fair, and present their side of the story.

DOBZ.: Yes — you know, there will be two histories of genetics published soon, one by Sturtevant, and one by my good friend L.C. Dunn. I think reading them will be an amusing experience.

G. A.: I visited Sturtevant in Woods Hole and he showed me galley proofs of his book, but I didn't get to read very much. I met with Dunn just two weeks ago as he was coming through Cambridge, and he told me something of what his book is about.

DOBZ.: I have read several chapters of Dunn's book. You know, a chapter of Sturtevant's appeared in American Scientist.

G. A.: Have you read any other parts of Sturtevant's book?

DOBZ.: No just that. You know that I, along with a Japanese student, was the last foreign person to come to the "fly room".

G. A.: And what year was that?

DOBZ.: 1927, so I had just a year (before Morgan left for Caltech] in the fly room, but I have seen it … [*laughter*].

---

[1] *Allen G.E.* Thomas Hunt Morgan: The Man and His Science. Princeton: Princeton University Press, 1978. 447 p.

G. A.: Did you come specifically to work with Morgan?

DOBZ.: That's right. You see, I came from the University of Leningrad as a Fellow of the Rockefeller Foundation, at that time it was called the International Education Board. I came for a year, hoping perhaps to stay two years, and stayed the rest of my life [*laughter*].

G. A.: A long two years! I am interested in what kind of biological education, in genetics and evolution, you had before you came to this country.

DOBZ.: Well, I don't know how that relates to Morgan, but I can easily tell you about [my biological education]. You see, in Russia, evolution was always considered to be a matter of utmost importance, both philosophically and even sociologically. You may or may not know but to a number of Russian naturalists and thinkers in the 19th century Darwin was not just a scientific theory but the basis for a whole philosophy.

G. A.: They made it more of a philosophy than happened in Europe?

DOBZ: Oh yes, if you read any of their writings you will see that at once. And that sort of temptation continued and as you well know they had some unfortunate consequences in the form of Mr. Lysenko.

G. A.: Yes.

DOBZ.: And that [Darwinism] was, you see, the sort of background that every one, at least in biology, had.

G. A.: What was the connection made between evolution and genetics in Russia?

DOBZ.: Now, you see, that is a more difficult question. My teacher was a man by the name of Sergey Kurshakevitch [**I could not locate, please check spelling**] at the University of Kiev. He was not a geneticist in the modern technical sense, but I am sure if he had lived longer than he did, he would have gone into genetics. He was a student of Richard Hertwig in Germany. He called himself [Dobzhansky's teacher, that is] an experimental zoologist — you know Morgan always called himself an experimental zoologist, not a geneticist. One of his early books, one of his best books, is called *Experimental Zoology*, and it was pre-genetical. So Kursekevitch was an experimental zoologist, he worked on sex determination in frogs. Then he became a cytologist, working on spermatogenesis in some snails; he was very clearly going in that direction [toward genetics] but he died in 1920. Now, during the first World War and the Revolution there was very little literature — foreign literature — in Russia, and it [Mendelian genetics] appeared in two places in 1921, in Vavilov's Institute in Petrograd … and in Moscow in Kolt'zov's Institute.

G. A.: Appeared in what form?

DOBZ.: Well, you see he [Vavilov] went to Western Europe and this country [United States] and brought back with him I don't know how many pounds of biological, agricultural, literature, files of journals and everything else but it was available only in these two places, in Vavilov's Institute in Petrograd, and in Moscow in Kolt'zov's Institute so that young fellows had to go to one of these two places if they wanted to read [this literature]. Later my chief, by the name of Filipchenko, was Professor in Petrograd, later Leningrad, made a sort of review article in a journal called [*Nature*] which presented the work of the Morgan school. I have not seen this article for many years, probably it would be fun to see it now, to see how well it was presented. That was a sort of revelation.

G. A.: That was about what period?

DOBZ.: I would say it might be 21st or 22nd [1921 or 1922]; that, as I said, to the older biologists was a revelation. Now in 1924 I went to Leningrad to work with Filipchenko, I was his, what is it known in Europe as his "assistant", probably would correspond to something between instructor and assistant professor here. I came — the date can be established very precisely — I arrived on the night of Lenin's death, so I was for probably three and a half years with Filipchenko there. And of course, by that time, genetics was *the thing* and Morgan was a hero or a saint [*laughter*].

G. A.: Did Filipchenko pick this up from Vavilov?

DOBZ.: Yes, you see, the scientific literature was by that time completely available.

G. A.: Yes, I am just interested in the lines of transmission of scientific information at that time.

DOBZ.: I probably heard for the first time about the work of Morgan from this article by Filipchenko. But by 1927 — and that may sound at present most fantastic — but at that time the genetical literature was still something manageable. By 1927 I think I could have made a statement that I had at least seen every paper published on genetics up to that date. I don't think anybody can possibly achieve that now.

G. A.: That's true.

DOBZ.: Well, at that time the Rockefeller Foundation and the International Education Board, was active. A number of people went to foreign countries from Europe and Russia. In Morgan's laboratory, you know, there was Curt Stern, from Berlin. He spent two years in Morgan's laboratory just before my arrival. I met him a little later, but he was there before I was. There was no question that if you got a fellowship that was where you had to go.

G. A.: The Morgan lab was then a center of genetic research at the time?

DOBZ.: Oh yes, there was no question about it.

G. A.: One question that has come up in my mind is, for what reason do you think that genetics flourished not only so much in Morgan's laboratory, but after 1910 it seemed to center itself in America,while there had been important genetic work going on elsewhere in England, France … but it never carried through.

DOBZ.: Now, look, let's not be so completely nationalistic [*laughter*]. There was some genetics in England; after all [William] Bateson was an Englishman, and Bateson did a lot. There was considerable genetics in Scandinavia.

G. A.: That's something I don't know very much about.

DOBZ.: Yes, there was a very important genetics school. As a matter of fact in plant genetics that was the foremost school…

G. A.: You mean [Wilhelm] Johannsen?

DOBZ.: Johannsen was a Dane, and that was in Copenhagen. But in Svalof and Lund there was a group of — a number of geneticists — including [Hermann] Nilsson-Ehle working on genetics of wheats and other cereals. There was genetics in Uppsala, Oslo, incidentally the foremost Norwegian geneticist was also a student of Morgan, Otto Mohr. So, you see, Scandinavia was an important center. In Germany you had a considerable number of geneticists.

G. A.: Where were these centered in Germany?

DOBZ.: In Germany, you see, it was not centered in any particular place. You know in Germany you always had several universities in various places. Now you had people like [Theodor] Boveri, a cytologist and certainly one of the founders of genetics, there is no doubt about that. Again, Hertwig, also a cytologist/geneticist — that was at M nchen [Munich]. Then there was the Max Planck Institute, but at that time it was called the Kaiser Wilhelm Institute fur Biologie, in Berlin-Dahlem; there was [also] the Erwin Baur Institute, historically, of considerable importance; there was curiously enough the Institute for the Study of the Brain. That was headed by a man named [Oskar] Vogt, he was interested in genetics as a psychiatrist, and also in evolution. He, among others, invited one of the best Russian geneticists [Nikolai] Timofeef-Ressovsky — he [Timofeef-Ressovsky] was still living in Russia at the time. We left Russia about the same time, he went to Berlin and I to New York. The country which had very little genetics at that time was, curiously enough, France. Why that was so, I cannot give you an explanation. So, if you take genetics from let's say 1910, if I may be so bold to say to a Harvard man [laughter], United States was not necessarily in the first place. It was put in the first place by the Morgan school.

G. A.: Yes, I see, my question was not really meant to be along nationalistic grounds. What I was really trying to get at was something that Muller had first mentioned, and that was the Mendelian school had flourished in the United States, and I should have asked my question about that. Because certainly the study of heredity had originally flourished much more in Europe than here.

The real point of the question was why did Mendelian genetics seem to take up so much more fully in the United States after around1910 than elsewhere?

DOBZ.: Yes, after 1910, then it was surely the Morgan school. Before 1910 there certainly were people [doing genetics in the United States] such as [William E.] Castle, [Edward M.] East, and others, but before 1910 I would not say that Mendelian genetics was any stronger in the United States than anywhere else.

G. A.: Was it pretty much Morgan's way of doing things that was responsible for this?

DOBZ.: Most people saw the significance of Morgan's work, and that was most exciting. There was, of course, some opposition. There were some old fogeys and some not-so-old fogeys, who violently opposed Morgan.

G. A.: Was there any strong opposition within Columbia to the Mendelian-chromosome interpretation?

DOBZ.: Certainly not by the time I came.

G. A.: Was there any that you heard about prior to that?

DOBZ.: Well no, not really. Morgan and E. B. Wilson were the foremost authorities [at the time], but there was opposition — violent opposition — as you probably know from Henry Fairfield Osborn, who at that time held forth as president of the American Museum [of Natural History]. Now, Osborn referred to genetics as DeVriesianism.

G. A.: Oh he did? He outwardly opposed genetics?

DOBZ.: You can read in the *American Naturalist*, I think, as late as 1930 Osborn published an article where he said that all this *Drosophila* business is nonsense, and has nothing to do with nature, it's just pathological changes. You have instead DeVriesianism, and aristogenesis [his own invention] and of course in good old Harvard University there was a gentleman by the name of [Edward Charles] Jeffrey. Well now Professor Jeffrey, who lived to be quite old — when he died I'm not quite sure [it was 1952] — but he was violently opposed to Morgan and genetics. He believed everything was due to hybridization. He published an article in 1924 or '25 in the *American Naturalist*, an article in which he claimed that *Drosophila* was a hybrid — a between what and what was not quite clear — but also the chromosomes are completely unreliable, their number is variable; and while that made some impression some places, most people just laughed at him. He was still active in at least 1930.

G. A.: What was his training do you know?

DOBZ: He was an eminent botanist, I say, professor of Harvard University [from 1907–1933], with all the authority attending to that position.

G. A.: Why do you think many of the evolutionists, like Osborn, in the early part of the century were not amenable to accepting Mendelian genetics?

DOBZ.: I'm not sure how much I need to talk about it, you probably have enough information on that, you have the thing going back into the 19th century.

G. A.: (Interrupting) Yes.

DOBZ.: At that time, Lamarckism was a respectable hypothesis. I would say probably, of the people writing about evolution especially in continental Europe, Lamarckism was probably the predominant view. And that was of course genetics again that caused the change. Historically, you surely know the importance of Hardy-Weinberg; there was this divorce between genetics on one side and evolution on the other; they were largely independent; most evolutionists were comparative anatomists, systematists, paleontologists, with proper academic lag [for new ideas to catch on]. They knew little about genetics; of course many geneticists were not evolutionists, a situation that I think you will find persists until now. You may find that your neighbors at Harvard are not interested in evolution. It took approximately thirty years to put the two together — Hardy-Weinberg, 1908, and next after that, you may or may not know, a man by the name of [Sergei] Chetverikov in 1926 published an article — it had very little if any influence outside of Russia —

it has now been translated and published in the *Proceedings of the American] Philosophical Society*. Do you know that piece?

G. A.: Oh yes.

DOBZ.: And now it can be read in English translation. In 1926 he [Chetverikov] really had the essentials of what we call now the biological theory of evolution or what George Simpson called the synthetic theory of evolution. I prefer the name biological because to many people the word synthetic means something not quite real and exact (laughter). The culmination of that is of course the triplet of [J. B. S.] Haldane, [R. A.] Fisher, [Sewall] Wright — put them in whatever order you want — who independently of each other, actually, not knowing anything about Chetverikov, around 1930, outlined the theory of evolution as we have it now — outlined, as you know, for the first time in the history of biology by pure deduction from a single fundamental postulate of Mendelian segregation.

G. A.: Yes, I just finished reading Fisher's book a couple of weeks ago.

DOBZ.: Now, there are some patriotic Britishers who want to make Fisher *the one*, as a matter of fact Gavin DeBeer published a book, "Darwin, Mendel and Fisher". Now Fisher was quite clearly one of the founders, but he is one of the *three* founders — to make it Darwin, Mendel and Fisher is probably not quite right either. So, you see, the opposition — well, it would not be quite right to say it has vanished, it has not vanished and probably never will — but it is in 1931-1932 that the theory of evolution was put on a modern basis. Now, as you know, Morgan's books on evolution, although they are quite important in their own time, really do not belong into this [stream, or tradition]. Morgan, either implicitly or explicitly thought … if you have mutations, and a few lucky mutations put together make a new species — [Hugo] DeVries, you know, thought a mutation creates a new species all at once. Now, of course, what he was talking about is what at present is sometimes called a genotype or biotype or fundamental species not the Linnaean, biological species at all. Now Morgan, I think it is fair to say, was not particularly interested in species. To Morgan, species and evolution in that sense was a bit secondary. What he was really interested in, and that is certainly what he did, is [to study] the origin of hereditary variations — the origin of what we now call the raw materials of evolution.

G. A.: Right.

DOBZ.: Now that is what the Morgan school has produced. Of course, evolution as we see it has three levels: first level, the origin of hereditary materials, hereditary variation; second, is the way they are combined together into adaptive systems by natural selection and genetic drift; the third is reproductive isolation, packaging. My favorite analogy is the manufacturing process. If you want to build a building you get a supply of bricks, cement and so on, and then you build the house, and then finally you paint it. If it is the manufacturing process, then you package it, you put in cellophane [*laughter*]. Now you have these three levels in the evolutionary process. Morgan's attention — and you can see it very clearly in his work — was almost entirely on the first level, which to be sure was a key.

G. A.: Sure, but it was not the same thing.

DOBZ.: Exactly, yes.

G. A.: Well, Morgan was terribly anti-evolution up until about 1915, or 1914.

DOBZ.: That is certainly not true. He was never anti-evolution.

G. A.: Well, anti-natural selection.

DOBZ.: That, you see, is a different matter [*chuckling*].

G. A.: Excuse my slip. I was wondering if you had any idea what factors may have caused him to change his mind?

DOBZ.: Let me start from a different angle. You know Bateson, whose interest in genetics came from his interest in evolution. Bateson was interested in evolution before he became a geneticist. In 1920 [actually December 1921 — January 1922] he came to the AAAS meeting which I think was

in Toronto. At that meeting he gave the famous address with the title, "Evolutionary Faith and Modern Doubts" [published 1922]. Have you read it?

G. A.: No, I haven't.

DOBZ.: I highly recommend it. That address, by the way, played a very unfortunate role that was exploited by Lysenko and before him by Timiariez, who said, "Now here you are, this guy is against genetics [*chuckle*]." What he [Bateson] really said if you read it, was that what we know about genetics does not exactly add up to an explanation of the evolutionary process, and indeed it didn't. You had to have Chetverikov, Fisher, Wright and Haldane to make the bridge.

G. A.: Right.

DOBZ.: Now, to say that Morgan was ever against evolution is, to say the least, unfair. But what he … again if you read *Experimental Zoology*, or what is that, *A Critique of the Theory of Evolution* of 1915 or 1916 [1916, Princeton University Press], you find the man pointing out that there is a gap between what we know about what we at present would call the origin of evolutionary raw materials and the evolutionary process as such — and indeed there was such a gap! With the benefit of hindsight you can say it was an unfortunate phraseology. It should have been expressed in just those terms. We have processes which intervene between the production of mutations and the formation of species or macroevolution. These processes have to be studied.

G. A.: Have you read a book Morgan wrote very early in his career, in 1903, called *Evolution and Adaptation*?_

DOBZ.: Yes. In fact, I think I have it. Again, what Morgan …here, again, it would perhaps not be irrelevant to say that this [book] is partly a matter of personality. Morgan liked to shock. I think the best way to describe him is that he was sort of inclined to impish behavior. Now, everybody believed in evolution, but what evolution meant then was phylogeny, the biogenetic law. If you study the development, you read off the phylogeny. [indistinguishable word] it seems like that is the basis of comparative morphological evidence. That he [Morgan] wanted to say, and said, and perhaps said it in a way that now sounds strange, is that these things do not necessarily hold water. And they didn't!

G. A.: He brought up in that book, and in several articles published within the period 1903 to 1908 or '09 — after which for several years he stopped writing about any topic relating to evolution — that natural selection was not the main means of the origin of species, that there were other processes, other mechanisms involved. He was a strong De Vriesian at that time.

DOBZ.: At that time natural selection was conceived to be … well, sometimes an analogy used even at present, the sieve analogy. What happens is you have a sieve and you have some favorable things that are retained, and the rest are lost. Now, on that basis, you see, if you have some changes that are considered to be sudden or drastic changes, adaptation becomes something of a mystery, because then you have to ask why the change can be adaptive in the first place. That sort of approach — the latest one you can find — is in the books of [Richard] Goldschmidt. Of course, Goldschmidt was saying that Morgan, and the Morgan school, were violently opposing him. But if you wish, philosophically, at least, that was the same point. You have adaptive changes; now, why the changes should be adaptive… well, the solution to this problem is not absolutely clear to many modern biologists. So, the famous analogy — you doubtless know the analogy that if a million monkeys pounded a million typewriters they could not do anything — Darwin himself — you know this famous sentence of Darwin's that the human eye to this day gives me fright or something like that; what you have to realize [is] that evolution in modern terms, and a very fashionable term, is a cybernetic process. Now, I think it would be hard to blame Morgan and Bateson for not having figured that out in 1900. I think you can blame, or reproach them for having expressed it in language which sounded anti-evolutionary. Well, we say rash expressions. But I do not think it was ever true that Morgan was anti-evolution.

G. A.: Well no, that was a slip of my tongue. But he did use the arguments that were common in the later 19th century against Darwin: (1) blending inheritance would dilute the effects of any new variation, and (2) a complex structure like the eye or the process of regeneration could not come about by natural selection, especially regeneration because the initial stages would not have any adaptive value.

DOBZ.: And at that time, again…

G. A.: I'm not blaming him, but I'm wondering if what caused him between about 1910 and 1915 to have so changed his mind that he could present a much clearer picture of evolution and adaptation than he was able to do earlier…

DOBZ.: Obviously the discovery of mutations in *Drosophila*, the realization that mutations do not create new species, mutations are all sizes so to speak, big and small. Mutations can be regarded as the source of raw materials on which selection acts. Mind you he didn't even say that explicitly in 1915. But, I thought you would ask something else. You know, of course, before 1910 Morgan opposed Mendelism.

G. A.: Yes, I'm getting to that.

DOBZ.: He didn't … I say it isn't true that he opposed evolution or natural selection. He pointed out that natural selection — the story of natural selection — could not be made self consistent. But he was *contra* Mendelism. But then I may say, I have tremendous respect for Morgan. Incidentally, somebody should write Morgan's biography. Indeed, Morgan is one of the people that you can write full tomes about, holding back nothing, and leave him a great man.

G. A.: No question about that.

DOBZ.: All the obituaries, probably a couple dozen of them, were written by Sturtevant, and obviously quite inadequate that way. That is maybe not your job, but I think somebody would probably do a real, honest-to-goodness biography of the man. He was a complex person full of contradictions, not biological alone, but much beyond that. I say, and as you probably also know, [Herman Joseph] Muller, and also Sturtevant and to a lesser extend [Calvin B.] Bridges consider that Morgan was, so to speak, given credit for their discoveries. Muller wrote about it. [Alfred H.] Sturtevant didn't but before Morgan got his Nobel Prize he [Sturtevant] was numerous times making this…

G. A.: Muller was making this claim?

DOBZ.: No, Sturtevant was making this claim. I was sitting in the same room with Sturtevant, but I don't know whether you do or do not know that when Morgan got his Nobel Prize he divided it into three equal parts, which went respectively, to his own grandchildren, the children of Bridges and the children of Sturtevant. That was a very characteristic act on Morgan's part.

G. A.: He was a very generous person, I understand.

DOBZ.: Well, there again — Morgan was a highly complex and contradictory person. He was more tight-fisted than you can imagine with laboratory money, but very generous with his own. I know that very well, because in the l930s, depression time, there were a lot of students who did not have dinner every day. Since I was the youngest member of the group I had more contact with graduate students and others. Time and again Morgan would say, "Is it true that X is in a tight situation?" He would invent some work for him to do around the laboratory. The fellow would believe he got a job for which he was being paid by the Institute. It came from Morgan's own pocket. I am sure that most persons concerned do not know to this day that their salary came from Morgan. At the same time, to get two dollars from Morgan to buy something for the laboratory was almost impossible. In that respect, it was just plain ridiculous [*laughter*]. There you have this contradiction: personal generosity and institutional penny-pinching.

G. A.: Do you know why Morgan was anti-Mendel, anti-Mendelism in this period 1903–1910?

DOBZ.: I can only guess. And there I may say one small thing about Morgan: in the library of the biology department [at Columbia] there were bound copies of Morgan's reprints. I don't know, you

possibly know the full bibliography of Morgan, probably hundreds of papers work after work, that collection did *not* have the paper, which you possibly know, which is about 1908 or something like that…

G. A.: Well there were a whole bunch of them, but possible the 1909 paper in the *American Breeder's Association Report*…

DOBZ.: … was not in that collection! That was the only paper not in that collection [*laughter]*.

G. A.: I see. Do you think he purposely took it out? Many of the other papers in that period were also in the same vein…

DOBZ.: I don't see any other way. That you see was so long before my day that I can only make inferences. That came from a sort of a scientific puritanism. It seemed to him that [Mendelism] was a bit too easy. If you get results which cannot be accounted for by one gene, alright, that's two genes; if you can't get results with two genes you make another assumption and make it three. He did not realize until he himself had begun to work on that, that in contrast to inferential conclusions in some other fields that a Mendelian hypothesis is susceptible to proof because whatever hypothesis you make can devise an experimental test. Now at that time [between 1903–1910] he did not realize this. Without realizing that, you would say, indeed, it is a strange procedure — people inventing… [*laughter*].

G. A.: What was the relationship between Morgan Jacques Loeb?

DOBZ.: That again was before my time.

G. A.: They weren't…

DOBZ.: I have never Loeb. Loeb died the year I came [actually Loeb died in 1924], he was probably still alive when I came but I never saw him. So that is largely hearsay. There, you may say, was a kind of inferiority complex. Morgan positively worshipped what at present is called molecular biology.

G. A.: Yes, I know.

DOBZ.: Again he worshipped it in an almost superstitious way [*laughter*], and it gave him a kind of, I think this is the proper way, an inferiority complex. Here was this fellow [Loeb] working with chemical reactions — he [Morgan] was not quite familiar with it — but Morgan was charmed by a chemist. The way to his heart was to talk chemistry, and indeed some people utilized that.

G. A.: In what way — you mean they talked chemistry when they really didn't need to?

DOBZ.: There was a chemist — in this case it would probably be best for me not to name the person — it was in Woods Hole, there was a fellow who talked to Morgan the chemistry of sex determination or something. Morgan got him a fellowship — it was again in the early '30s, in the depths of the depression — he came to Pasadena and spent a year, and did absolutely nothing. Obviously he was a fake, so to speak. Now the very characteristic thing of Morgan, recognizing his mistake, he compensated the Institute for the sum of money paid to the individual. I dare say very few people would do that.

G. A.: I would say so, that's quite unusual.

DOBZ.: Here is a fellow who got it [the fellowship] because he talked as we say at present molecularly [*laughter*].

G. A.: What was Morgan's method of operation as a research director, in the fly room or at Caltech?

DOBZ.: I would say complete freedom. In that sense Morgan was — you see there was a combination of unquestioned authority, he was known to everybody as "the boss" — at the same time Morgan not only never ordered but I don't think ever suggested or encouraged anybody to do this rather than that.

G. A.: Did he expect people to have their own ideas for projects or did he give them one?

DOBZ.: I should say definitely the former. In that sense I can give you a personal reminiscence that shows that [point]. Coming from Europe, coming to Morgan himself I certainly thought I must get to the newest, most active [muffled] work and asked what he would like me to do. So, the first day or second day I asked him to do it, and he was sort of indefinite. So in my very poor

English I repeated that several times. After several repetitions he pushed a box toward me and he said "This." [*much laughter*] So, I went home and my so-to-speak hair [*much laughter*] stood on end. It was perfectly respectable work — well, he's still alive too — but it had nothing to do with genetics. It didn't interest me the least. My wife and myself still remember the most uncomfortable night which we passed thinking well what do we do now? Well, of course, very quickly I saw that that was not meant at all, he didn't in the least intend to urge me to do just that. In fact, he clearly gave the thing to me to get rid of it [fade out]; later on I think I can claim, in spite of great difference in age, background and everything else, I became a very good friend of his [Morgan's] and Mrs. Morgan. Mrs. Morgan — the first impression was of a very stand-offish, very cool, unapproachable — she had really a wonderful warm heart under that shell, once you got through it. She was to both of us and particularly my wife, so to speak *in loco parentis*_[*laughter*]. We got to know them quite well. One of the things was that Mrs. Morgan was much interested in music. Nobody out there had much interest in music or anything else, living in Pasadena; symphony concerts were in Los Angeles, as you know about fifteen miles, so Morgan didn't drive much, Mrs. Morgan drove more, but he didn't drive much, so we used to go together to these concerts in Los Angeles. Otherwise we were alone. Well the old man had been amusing himself — he liked to shock and was engaged in various philosophical discussions. He would make statements just for the hell of it [*laughter*]. But that was extremely profitable, educational — that to be sure was not biological, but more extra-biological or philosophical — all the time disagreed and disputed, but the old man enjoyed that, he actually enjoyed that.

G. A.: People arguing with him?

DOBZ.: He enjoyed it and far from the attitude which a few scientists would have taken, that this fellow doesn't agree with me so the devil with him, so through these attacks we argued a lot, I got to know his general extra-biological views as well as, or possibly better, than his biological views.

G. A.: You went with Morgan [from New York] to Pasadena?

DOBZ.: You see we came officially for a year hoping to have the fellowship extended for a second. So, we stayed for the winter in Columbia and then went to Woods Hole, and then decided to stay for a second year. Of course, staying for 40 years at that time seemed like something stupendous [*chuckle*] and during that winter and the next summer, we decided to stay for good. There was still this year and a half…

G. A.:… during which time you weren't sure whether you were going back or not?

DOBZ.: Yes.

G. A.: When you came to study with Morgan were you interested in studying just genetics?

DOBZ.: Oh yes it was *Drosophila*. I stared to work with *Drosophila* in Russia and published two papers before I came.

G. A.: But the evolution side, you were not particularly interested in that?

DOBZ.: No, on the contrary I was … my interest in genetics came from my interest in evolution. My interest in evolution I may say was philosophical, it came first, interest in genetics came from it. So, I had no doubt from the start that this is what I wanted to get into. But to go back to your question of what he did with his people, he certainly, never once did he say stop doing that and better do something else.

G. A.: So he would always give you pretty much free reign, never check up…

DOBZ.: Not pretty much, I would say completely. I don't think he ever cared unless you went, actually went, and wanted to talk to him.

G. A.: He just assumed you were doing your own line of work?

DOBZ.: The man was not [*laughter*] …but even then, he probably found that out (muffled word)…

G. A.: Why did Morgan go to Caltech?

DOBZ.: Well, now, I think the best way I can answer that [is to tell you that] some people ask me why did you leave Columbia and came [sic] here. To people who knew Columbia it was simply saying

well come now and see. That doubtless was true with Morgan, you see to some extent the famous fly room was to be sure a big room but you see this room, that was the arrangement [pointing to a hand-drawn layout of the fly room]. That was the arrangement when we came [pointing to the hand-drawn layout]. Here was Bridges — Bridges was a very interesting person; this was Morgan's desk, full of all sorts of …

G. A.: Was he separated by any kind of partition or just piles of stuff?

DOBZ.: No partition at all, just tables. This [pointing to a particular desk] was where they put me. Here was Sturtevant; here was the desk where the Japanese came; here was the desk occupied by [Alexander] Weinstein, later of Cambridge [Massachusetts]. And here was the desk that was sort of used for preparing fly food and here was where they sat an incubator. Here was a door and that was called Morgan's "office." There sat a lady by the name of Miss [Edith] Wallace. She was an old maid from New England. She was Morgan's secretary and artist, very versatile. All pictures of Morgan's work were painted by her…

G. A.: Is that right?

DOBZ.: All. [continuing to point out layout positions in the fly room] and here is bottle washing, and here was a sort of a storeroom. The whole place was absolutely filthy [laughter], which to me was a real shock. I was coming from Russia, and American laboratories were supposed to be palatial, and of course Morgan's laboratory the palace of palaces. That place was more [indistinguishable] and dirtier than anything I had ever seen. This place, you see, where *Drosophila* food was prepared, had cockroaches in absolutely fantastic numbers; and the door was covered with agar, you would open this door and it would be just one moving mass of cockroaches (laughter).

G. A.: But a lot of work was done there.

DOBZ.: Now the desks were an incredible mess, including Morgan's own desk. You know the little tile plates on which flies are counted? Morgan had the curious habit when he was through with flies, instead of dumping them in oil, which is called the morgue, he would squash them, so this plate was covered, again, with squashed flies. I did at first the kind of work that requires staying for the night — hatching — so I stayed for the night and my wife came and watched them during the day. Now she came one evening, and we were looking at this thing [Morgan's counting plate] and she said "Look at this filthy thing." So she took it and washed it. Next morning Morgan inquired who interfered with my desk?

G. A.: He didn't want people to fool around with it? One last question, and this is something we talked about earlier, and I have no way of knowing whether you would know the answer to this question, but I am wondering what you know about the introduction of Mendel or Mendelism into Germany in the early decade of the century?

DOBZ.: The introduction of Mendelism into Germany…

G. A.: That is, how many German biologists had accepted Mendelism?

DOBZ.: Well, quite a lot, but I really don't know anything much about it. I had been in Germany only occasionally, but of course [Carl] Correns was a German, and he was still alive [when I was starting out] but people still alive would know about that; Curt Stern would be a man to talk to.

G. A.: Where is he?

DOBZ.: Berkeley. Now as I said, he was one of the early visitors, probably in terms of present time he came just before me. He was originally German, and originally a student of Goldschmidt. Now, he is interested in history and about the history of genetics in Germany, he would be a far better man to ask.

G. A.: I am curious because one gets the impression that many of the big German geneticists were not particularly responsive to Mendelism…

DOBZ.: But look that was true everywhere, including the United States. I think it would be better than misrepresenting the case if you would say that it was embraced in the United States but scoffed at…

G. A.: No, no, no that's not what…

DOBZ.: A lot of people in the United States were opposed to Mendel.

G. A.: Including Morgan…

DOBZ.: Harvard is apparently still full of stories about Jeffrey, who never accepted Mendelism or Morganism. He was a very influential man.

G. A.: Some day I would like to make a comparative study, country by country, on the reception of Mendelism — who accepted it and who did not in each country.

DOBZ.: Well, as usual, as is true in science in general, there was opposition on the part of the elder statesmen, and more ready acceptance on the part of the younger group. That's what would be expected, and that is presumably what always happens.

G. A.: I wonder if there would be any differences in fields, that is, fields like embryology or cytology would be more inclined to accept it than people in descriptive fields.

DOBZ: I suppose so, but…

G. A.: I really don't have any idea whether that's true.

DOBZ.: As a guess. I would say yes but a more important difference might be age, which is something useful to remember [laughter].

G. A.: Were there any biologists around, people older than Morgan or among his contemporaries, whom he admired very much, or thought very highly of?

DOBZ.: Well, I don't think Morgan was very much given to hero worship [*chuckling*]. Now you mentioned Loeb. Certainly, he had a healthy respect for Loeb. Now, I remember a most amusing visit, it probably happened a few years, even a month before he died, with William Morton Wheeler. They were exchanging pin-pricks. Two old men, of course, and they knew extremely well how to administer this exchange to each other, I think that was done in a good-natured way. [Edwin Grant] Conklin was less popular, that was because, as you know, Conklin was religious, a student of theology. And as you know, or if you don't, this is a very basic thing about Morgan, Morgan was extremely anti-religion.

G. A.: I know that he had no religious beliefs himself, but I didn't know to what extent he was anti-religion, that's interesting.

DOBZ.: I would tell you then more about it. Morgan's idea about what science was for was to dispel mystery. Mystery is something which feeds religion. The point of science is to deprive religion of this source of support. That is what all science is for. And that is, if you please, what *evolution* and *genetics* is for.

G. A.: Is to get rid of mystery and…

DOBZ.: Evolution and genetics dispels the mystery of the origin of the world and the origin of man. Now, by 1931 or 1935…

G. A.: His book, *The Scientific Basis of Evolution*?

DOBZ.: [thumbing through a copy of Morgan's book on evolution] No, it's not an autographed copy, at the time that this book was published Morgan felt that in a sense evolution and genetics had done their job. Heredity and evolution are no longer mysteries. Consequently, to him, the most important branch of biology was not genetics, not evolution but, if you please, neurophysiology, the process of thinking; that is still mysterious, that's where God can still find a place to stand on. And, accordingly, when he got his Nobel Prize the Rockefeller Foundation offered him what was at that time a tremendous amount of money — I forget if it was $100,000 or $200,000 (it would be more than $10,000,000 now) — that was invested entirely in developing in Caltech neurophysiology. He [Morgan] went to Holland, and brought from there three Dutchmen: their names were [Cornelius A.G.] Wiersma, who is still in Caltech working on neurophysiology; and as you know laboratory equipment for working on this sort of thing is the most expensive of all. The laboratories are now full of electronic devices, but at that time those devices did not exist. But this costs enormous amounts of money; now this is where Morgan thought the light is to come, and for that reason [that is, to dispel mystery]. So, you see, later on he was elected a member of

the Academy of Sciences of Rome, and for some time the question which was discussed in the laboratory was: "Will the old man accept?" He did, which some people considered to be very bad. Obviously he accepted not out of any sympathy for the Pope or the Roman Catholic Church, but because not accepting would be a scandal [*much laughter*], which he was not willing to make.

G. A.: Was his opposition to religion to organized religion or just to religion…

DOBZ.: Any religion, any mysticism, any metaphysics. Now mysticism and metaphysics, they are very inclusive. Now these, you see, are things [that] belong to this realm which I say we were discussing many times together, where he amused himself talking, frequently making purposefully shocking statements.

G. A.: So he purposely tried to come out with…

DOBZ.: However, mind you, having said that, I must go on to say that Morgan was a real gentlemen. There is nothing "of course" about it, not everybody is or was [a gentlemen] so … again the students … there were cases when a graduate student who went to church on Sunday was often discriminated against by other people, but never by Morgan. Never. He did not share those views but he was a gentlemen — that's private business.

G. A.: From what I know about him and of his life activities, I would never think he would hold that sort of thing against anyone.

DOBZ.: There were people that did, very emphatically, but not Morgan. More philosophically, I say, metaphysics — metaphysics was a swear word [to Morgan]…

G. A.: It certainly was in his writings.

DOBZ.: Something being metaphysical is just no good [*chuckles*].

G. A.: How often did he like to get into these kinds of conversations?

DOBZ.: Now this may sound almost conceited, but with me, quite often. Not with many others.

G. A.: This is a side of his intellectual life that doesn't come out very much in his writings.

DOBZ.: Yes it does! This business of something being metaphysical…

G. A.: Oh yes, metaphysics, he did seem to have a strong interest in questions of metaphysics. . ….

DOBZ.: Oh! I would say that I do not agree with you: Almost every book in either the conclusion or the preface of the books you have this periodic of debunking of metaphysics.

G. A.: Well, maybe I'm not making myself clear. He was not the sort of person that sat down and expressed any philosophical ideas. He was not the sort of person, as far as I know, like, he did not like to speculate…

DOBZ.: That's because philosophical ideas smack of metaphysics, and metaphysics is a slippery thing, which may lead you to even such a horrible thing as religion.

G. A.: To him being led to religion was equally as bad as metaphyics or was it…

DOBZ.: All of that's an ultimate … *the* ultimate degeneration [*chuckles*].

G. A.: You would say, then, that Morgan was very definitely a mechanist.

DOBZ.: Oh yes. Well, you see, this is what was really an anecdote, in the 1930s Lysenko has accused Morgan of being an idealist and metaphysician. I must say that in this thing I was an imp, because whenever this [sort of thing] came, I brought it to Morgan and translated it [laughter] and the old man was, I may say, greatly amused.

G. A.: I'm sure he would have been.

DOBZ.: He was greatly amused.

Epilogue

I had the occasion to meet with Dobzhansky several years later (1969) after I was an Assistant Professor at Washington University in St. Louis, where my colleague Hampton Carson had invited Dobby to give a department seminar. By that time I was working on a biography of

Morgan, and was pleased to remind Dobzhansky that he had suggested it in our interview a few years earlier. He was very supportive, and my only regret is that I was not able to finish before his death. Much of the material in the interview found its way into the biography, but probably the most important element was the general picture of Morgan's "style", both personal and scientific that he provided. Dobzhansky painted a lively picture of his own interaction with Morgan that I did not get from any of the other students or associates that I interviewed. I have always been grateful to Dobby for his down-to-earth insights and reminiscences.

Интервью с Феодосием Добржанским (Октябрь, 1966 г., Рокфеллеровский университет, Нью-Йорк)

Гарланд Э. Аллен

Университет Вашингтона, Вашингтон, США; allen@biology2.wustl.edu

В октябре 1966 г. мне удалось договориться об интервью с уже пожилым Феодосием Добржанским, который тогда всё ещё был профессором в Институте Рокфеллера (теперь Рокфеллеровский университет) в Нью-Йорке. Я провел с ним несколько часов в субботу в послеполуденное время, расспрашивая о его ранних интересах в генетике и эволюции, и особенно о его работе с Томасом Хантом Морганом (1866–1945) в Колумбийском университете и Калифорнийском технологическом институте (в Калтехе, как его обычно называют). Я в то время готовился писать биографию Моргана, только что закончив мою диссертацию доктора философии по его генетической, эволюционной и эмбриологической работе. Добжанский был очень живым и восторженно отзывался о Моргане и собственных опытах в его лаборатории. Хотя я использовал много идей и оценок из этого интервью в моей биографии Моргана,2 интервью не было записано полностью в виде текста до 1992 г. и никогда не публиковалось.

[2] *Allen*. Thomas Hunt Morgan, 1978.

«My Meetings with Th. Dobzhansky»: Interview with Mark B. Adams

Mikhail B. Konashev

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov,
St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia;
mbkonashev@mail.ru

The subject of interview is Mark B. Adams, historian of biology, associate professor, Pensilvania University, USA, meetings with Theodosius Dobzhansky, Dobzhansky's personality, his library and relations with his colleagues.

Keywords: Th. Dobzhansky, "synthetic theory of evolution", evolutionary genetics, personality, culture.

Mikhail B. Konashev: When did you meet Th. Dobzhansky first time and why?

Mark B. Adams: I met him first at the AAASS "Synthetic Theory of Evolution" conference (organized by Ernst Mayr) — 3 days (Boston) in 19?? Met him again in California (Davis / Yosemite) in summer 1974.

Mikhail B. Konashev: How long was that meeting in California?

Mark B. Adams: Doby picked me up at the airport, and we drove to his research station in Yosemite (cabin, plus sleeping outdoors in sleeping bags). I spent the week with him and several of his graduate students. They were up early collecting, working, labbing; after lunch each day, the others would take a nap or whatever, and Doby and I would sit for a couple hours and chat (5 or 6 days). I recorded the interviews on magnetic tape. We alternated days doing the interview in English and Russian.

Mikhail B. Konashev: Did you keep the record of talking with him? Or typewritten text of this record?

Mark B. Adams: Recorded; later, transcribed and typed out by wife of emigre Wharton economist/prof (Aron Katsenelenboigen). Last time I looked, I couldn't find it; but I'm sure it is here somewhere.

Mikhail B. Konashev: Was this meeting intereting and useful for you as historian of Russian genetics and eugenics?

Mark B. Adams: Obviously.

Mikhail B. Konashev: What do you know about his library? What is its fate?

Mark B. Adams: When Doby moved from Columbia to Davis at the invitation of his latest student, F. Ayala, he sorted through everything, through away much, and kept only a few personal books. (I believe the deal at Davis was that Doby had a lab and graduate students). He had a small house in Davis where I spent a couple days with him after we got back from Yosemite, met the Ayalas, etc. His extensive reprint collection became the core of the extensive reprint collection of the Genetics Department (under Ayala) at Davis. A large room, full of reprint boxes along the side of one wall; I used and went through them, getting xeroxes (and occasionally spare copies) of his Russian reprints. I believe his scientific books were integrated into the biology library there, but don't know for certain.

Mikhail B. Konashev: What your personal impression of Dobzhansky? Had he mostly high spirits or at least sometimes was sad?

Mark B. Adams: At the time, he knew he had leukemia, and his wife had died years before, so he was a bit fatalistic, but always seemed quite friendly and in good spirits when I was with him. He did like to get to bed early, and would occasionally sun himself in the back ("for vitamin D").

Mikhail B. Konashev: Could one say he was alone or he was afraid of death?

Mark B. Adams: Yes, of course: he missed his wife (didn't get along with his daughter's husband, the Yale anthropologist Coe), and WAS alone — except for his work, his grad students, his colleagues, and the Ayalas. His closest friend was I. Michael Lerner at Berkeley. (I had been invited back to interview Doby again, and was visiting Berkeley, in Lerner's office, on the way to visit him, when Lerner got the call that he had died…)

Mikhail B. Konashev: Did he like jokes? And what kind?

Mark B. Adams: I don't remember "jokes" per se, but he did have a sense of humor, was witty, and was quite witty (he liked the well-turned "bon mot").

Mikhail B. Konashev: About what you told with him outside interview time?

Mark B. Adams: The formal interviews (sitting down, recording) were almost entirely about his memories of Russia, Filipchenko, Kiev, the early years, and Russian geneticists/figures (and the year-long visits of Karpechenko and other Russians to California, along with a camping trip for Vavilov when he visited)… etc. But the other times we also talked about a wide range of things, including his reminiscences of E. B. Ford and others he knew from his past. (No mention of his problems with Sturtevant, though, about which he was quite sensitive.)

Mikhail B. Konashev: What were Dobzhansky's relations with Ayala in that period?

Mark B. Adams: Ayala was his latest student, "made good" at Davis, where he was chair of genetics an important scientific figure there. Doby was his teacher — old, retired, and alone. So Ayala sort of indulged and looked after him, gave him a place to work and stay, invited him to parties. Sort of a scientific "son", with the roles now reverse…

Mikhail B. Konashev: As I know copy of some parts of Dobzhansky's diary was made for you. Copy of what parts do you have?

Mark B. Adams: I didn't see his travel diaries (some were published by the APS, I think). The copy that was made for me was of Doby's "Oral History" interview (part of the Columbia series). Informative, and interesting, but not very full scientifically (Barbara Land, who did the interviews, didn't know Russian or genetics or science, so what Doby told her was the version of things for an "uninformed American" (e. g., he told her he was Greek Orthodox — when I asked him about it (surely he was RUSSIAN Orthodox), he told me he'd just said that to her because that was the only "Orthodox" church she had heard of, so that's what he told her.)

«Мои встречи с Ф. Г. Добржанским»: Интервью с Марком Б. Адамсом

М.Б. Конашев

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия;
mbkonashev@mail.ru

Главная тема интервью, которое М. Б. Конашев взял у Марка Б. Адамса, историком биологии, адъюнкт-профессором Пенсильванского университета, США — встречи Марка Б. Адамса с Ф.Г. Добржанским, его личность, его библиотека и его взаимоотношения с коллегами.

Ключевые слова: Ф.Г. Добржанский, синтетическая теория эволюции, эволюционная генетика, личность, культура.

Как я стал генетиком

И.А. Захаров-Гезехус

Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН, Москва, Россия, iaz34@mail.ru

Мои публикуемые ниже заметки относятся, главным образом, к периоду 1954–1956 гг., т. е. к тому времени, когда было ещё далеко до краха лысенковщины, и генетика продолжала третироваться как буржуазная наука. Я был одним из первых среди биологов моего поколения, кто заинтересовался, а потом и начал работать в области генетики. Именно поэтому я надеюсь, что мои воспоминания представляют определённый интерес, так как они показывают, как молодые люди приходили тогда в запрещённую науку.

Интерес к насекомым обычно проявляется в детстве рано (это какая-то врождённая черта). Я помню, что жуками я стал интересоваться в 5 или 6 лет. В школьные годы был период увлечения комнатными растениями, я также собирал и определял дикие. После некоторых прочитанных книг, прежде всего «Охотников за микробами» Поля де Крюи, я решил стать микробиологом и с этим решением поступил в Университет в 1951 г.

В Университете специализация по кафедрам начиналась с 3-го курса. На первом студенты случайным образом распределялись по группам; я оказался в группе с несколькими девушками, китайцем Шао-Ци-Цюанем (впоследствии — профессор-генетик, работал в Институте генетики в Пекине) и Александром Юдиным (к группе были причислены еще кто-то из студентов-иностранцев). Саша Юдин — сын погибшего на войне художника Льва Юдина, мать его тоже была художница. Саша с детства увлекался биологией, посещал какие-то юннатские кружки. Он решил поступать на кафедру генетики и селекции и заниматься генетикой животных.

Кафедрой генетики в то время заведовал Н.В. Турбин, известный последователь Лысенко, правда, в дальнейшем от него отошедший и организовавший неплохой Институт генетики и цитологии в Минске.

Основной проблемой, которой занимались сотрудники кафедры, была «биология оплодотворения». На каком уровне ставилась и разрабатывалась проблема, показывает следующий пример. Юдину, когда дело дошло до дипломных работ (это уже 1955 год, я забегаю вперед) была предложена тема — влияние удаления одного из семенников петуха на силу наследственной передачи пола; предполагалось, что односторонне кастрированный петух будет признаки мужского пола передавать слабее и в потомстве окажется больше курочек. Разумеется, достоверных результатов получено не было.

Вернусь в 1952 год. Летом, после практики в Старом Петергофе и Саблино, я остался в Ленинграде. Мой однокурсник Геннадий Андреев (впоследствии окончил кафедру дарвинизма, всю жизнь работал в Полярном ботаническом саду в Апатитах, многие годы был директором Сада) предложил мне присоединиться к нему и поучаствовать в экспериментах одного из сотрудников кафедры.

Опыты велись на томатах, их выращивали где-то на Выборгской стороне, в черте города. Надо было определять жизненность (лысенковский термин) пыльцы, проращивая её на искусственной среде. Пыльца когда прорастала, когда нет. Работа эта меня не увлекла, и с сентября на кафедру генетики я ходить перестал.

В 1953 г. я стал студентом кафедры микробиологии, Юдин — генетики и селекции. Годы, о которых я вспоминаю, были годами засилья не только лысенковской «мичу-

ринской биологии», но и «учения Лепешинской» (последнее — о живом веществе и происхождении из него клеток).

На минуту отвлекусь. Старый большевик О.Б. Лепешинская жила в Москве в известном Доме на набережной. В этом же доме жил Т.Д. Лысенко, а также другой, менее одиозный академик — протеже Сталина, Н.В. Цицин. К слову, здесь же вырос и теперь живет академик С.В. Шестаков. На стене этого здания мемориальные доски академику Н.В. Цицину и старому члену партии О.Б. Лепешинской. Доску в память Т.Д. Лысенко не водрузили, он не умер вовремя.

Труды О.Б. Лепешинской в начале 1950-х гг. издавались большими тиражами, выходили в превосходных переплётах. У меня не было никакого «иммунитета» к этой псевдонауке — в семье никто мне объяснить ситуацию в биологии не мог, университетские профессора молчали.

На 3-м курсе, т.е. в 1953–1954 гг., Н.В. Турбин читал нам курс генетики. Его лекции вполне соответствовали его же учебнику генетики, изданному в те же годы. Должен сказать, что лекции Турбина мне нравились, пожалуй, первый лекционный курс, который я слушал с удовольствием. Турбин произносил лекции, увлекаясь, и его эмоциональный заряд действовал на слушателей. К содержанию лекций, опять повторюсь, критического отношения у меня не было. О существовании другой биологии я ничего не знал.

Практикумы на кафедре микробиологии начинались со знакомства с дрожжами (этот объект мне понравился и больше 30 лет я занимался именно дрожжами). Демонстрировалась, в частности, методика определения живых и мертвых клеток прижизненным окрашиванием слабым раствором метиленовой сини.

Почему мёртвые клетки окрашиваются, а живые — нет? Что при смерти клетки происходит с её оболочкой или с цитоплазмой, которая начинает связывать краситель?

Я стал искать ответы на эти вопросы и, первым делом, обратился к трудам О.Б. Лепешинской. То, что она писала о свойствах «живого вещества» меня, однако, не удовлетворяло. Я стал ходить в библиотеки и искать публикации, посвящённые свойствам протоплазмы и её способности связывать красители.

Просмотр журналов, в том числе выпусков 1930–40-х гг., имел для меня два следствия. Во-первых, на занимавшие меня вопросы я нашёл удовлетворившие меня ответы в теории паранекроза Д.Н. Насонова и В.Я. Александрова (я на какое-то время очень увлекся их теорией).

Во-вторых, в старых журналах я открыл для себя совершенно другую генетику, чем ту, которой нас учили, генетику, занимавшуюся изучением мухи дрозофилы и её хромосом. Запрещённый плод показался очень привлекательным.

К изучению генетики я обратился зимой 1954–1955 гг. Для меня 1955 и 1956 гг. были очень насыщенными — и новыми впечатлениями, и новой информацией. К сожалению, дневника я не вёл, и сейчас не могу точно определить хронологию тех или иных событий; возможно, они происходили в несколько ином порядке, чем я о них пишу.

Но прежде надо сказать об обстановке в нашей науке в то время. Ещё до смерти И.В. Сталина, в самом конце 1952 г. лысенковец Н.В. Турбин выступил со статьей против своего патрона, подвергнув критике особо одиозную «теорию» Т. Лысенко о видообразовании. Вероятно, это выступление было «в верхах» согласовано, и за появлением первой критической статьи в «Ботаническом журнале» стали печататься и другие материалы, направленные против Т. Лысенко или даже пропагандирующие достижения генетики. Смерть Сталина, ликвидация Л. Берии породили надежды на демократизацию Советского Союза; хотя надежды по большому счёту не оправдались, наступил

период так называемой хрущевской «оттепели». Всё это не могло не сказаться и на ситуации в нашей биологии.

В Ленинграде произошло, как говорится, знаковое событие: после отъезда Н.В. Турбина в Минск в 1953 г., на должность заведующего кафедрой был избран известный цитогенетик М.С. Навашин. Навашин оказался слабым руководителем, в Университете не прижился и проработал совсем немного, но при нём изменилось чтение некоторых курсов (об этом ниже), был организован практикум по цитологии. Само присутствие М.С. Навашина благотворно сказывалось на общей атмосфере на кафедре.

В 1956 г. было принято решение об организации первого, после 1948 г., генетического учреждения в стране — лаборатории радиационной генетики в Москве при Институте биофизики (заведующим лабораторией стал Н.П. Дубинин).

Ярким событием стал первый приезд в Ленинград и выступление с докладом в своё время не вернувшегося из-за границы в СССР, потом репрессированного, потом засекреченного Н.В. Тимофеева-Ресовского. Его выступление состоялось в конце 1955 или в 1956 г., в Институте высокомолекулярных соединений АН (на Пушкинской площади, рядом с истфаком ЛГУ). Я слушал его доклад.

Происходило интеллектуальное пиршество. Никто так не говорил, как Тимофеев, о биологии. Гремящий голос, остроумные шутки между серьезными рассуждениями, артистическая манера держаться...

Такова в кратком изложении была обстановка в тот период, о котором я пишу, т. е. в 1954–1956 гг.

Мой интерес к генетике подогревался постоянным общением с Сашей Юдиным. В это время и он стал интересоваться запрещённой «менделевско-моргановской» генетикой. На 4–5-м курсах мы стали находить, читать и переводить серьезную современную генетическую литературу.

Юдин меня ближе познакомил с Василием Сергеевичем Фёдоровым, доцентом кафедры генетики, в прошлом сотрудником вавиловского ВИРа, прошедшим стажировку у А.С. Серебровского. Василий Сергеевич стал поддерживать и активно направлять наши интересы. Не могу точно вспомнить когда, вероятно в 1955 г., но может быть, в начале 1956 г. Василий Сергеевич взял в академической библиотеке и ненадолго дал нам новый учебник по генетике, изданный в США, авторы его A. Srb и R. Owen. Страницы этого учебника мы с Юдиным перефотографировали (я тогда купил зеркальную камеру «Зенит»), а потом глава за главой отпечатывали с фотоплёнки и переводили.

В дальнейшем в переводе стали участвовать другие студенты кафедры; я приобрёл опыт не только переводчика, но и редактора — проверяя и редактируя переводы других студентов, хуже меня владевших английским языком и генетической терминологией.

Помимо учебника, переводились и отдельные статьи, главным образом обзорные. Я перевёл несколько статей по генетике микроорганизмов. Собранные вместе, они могли бы составить неплохую сводку состояния генетики микроорганизмов начала и середины 1950-х гг. Особый интерес представлял обзор Горовица (N. Horowitz) «Биохимическая генетика нейроспоры», напечатанный в “Advances in Genetics” (1950). С изложением содержания этого обзора я выступил (по предложению В.С. Фёдорова) на семинаре кафедры генетики. Это было моё первое выступление на генетическую тему.

Познакомился я и с дрозофилой. Кафедра микробиологии в те годы помещалась в здании исторического факультета, на 1-м этаже, окна смотрели на Институт акушерства. Рядом оказалась лаборатория Д.Н. Насонова, в которой начал работать вернувшийся к генетике Ю.М. Оленов. Он изучал устойчивость дрозофил к инсектицидам,

его мухи разлетались и, естественно, залетали в помещение кафедры микробиологии, привлёченные запахом дрожжевых культур. Пробирки с сусло-агаровой средой, засеянной дрожжами, я использовал для культивирования собранных в помещении «оленовских» дрозофил, и мы с Юдиным получили первый опыт разведения этого генетического объекта. Позднее дрозофила появилась и на кафедре — вероятно, в 1956 г., несколько мутантных линий кто-то привез из-за границы по просьбе В.С. Фёдорова. На этих мутантах я поставил первые свои опыты по скрещиванию.

В осеннем семестре в 1955 г. я прослушал на кафедре генетики большой курс В.С. Фёдорова. В предыдущие годы он читал курсы под названием что-то вроде «Критика менделевско-моргановской гентики», излагая эту самую генетику, для критики которой времени у него уже не оставалось. Но в 1955 г. обстановка была другой (заведующим кафедрой был М.С. Навашин), курс не назывался уже «критикой», и Василий Сергеевич с огромным воодушевлением (наконец стало возможно!) рассказывал нам о генетике. Я в дальнейшем перечитывал записи лекций (потом они, к сожалению, у меня пропали, у Юдина сохранились), и эти лекции сделали меня генетиком. Генетическая комбинаторика меня, можно сказать, очаровала.

Как нередко бывает в жизни, возникший интерес получает поддержку с самой неожиданной стороны. По совету моей матери я стал заниматься немецким языком (к которому оказался совершенно не способен). Занимался я с некой И.М. Дунаевской, востоковедом по специальности, но превосходно знавшей немецкий язык (потом я узнал, что она была военным переводчиком на передовой Ленинградского фронта). После первых уроков решили читать что-либо по биологии. Мой сокурсник, немец из ГДР, дал мне популярную книжечку по всей биологии известного Л. Фон Берталанфи. Для перевода я выбрал главу о генетике. Это вызвало интерес моей преподавательницы. Она рассказала свою историю. Перед самой войной она вышла замуж за молодого генетика, аспиранта кафедры, Владимира Грацианского. (Потом я узнал, что он занимался изучением радиоморфозов дрозофилы). Владимир защитил диссертацию 18 или 20 июня 1941 г., сразу же пошёл на фронт в ополчение и тут же был убит. После защиты он собирался работать у Ю.М. Оленова.

Ирина Михайловна сказала, что жива мать В. Грацианского, которая берегла его библиотеку, но готова с ней расстаться, передав «в хорошие руки». Так у меня оказалась превосходная подборка книг по генетике, издававшихся в 1930-е гг. (одна даже с дарственной надписью Ю.А. Филипченко школьнику В. Грацианскому).

Интереса к истории науки и к людям у меня тогда не было; к сожалению, я ближе не познакомился с матерью В. Грацианского, ничего о нём не узнал. Когда такой интерес стал появляться, я уже не смог разыскать и И.М. Дунаевскую (надо было искать настойчивее). Потом было совсем поздно.

Итак, в 1955–1956 гг., я прослушал серьезный курс генетики, посещал практикум по цитологии, познакомился с культивированием и скрещиванием дрозофилы, перевёл несколько глав учебника и ряд обзорных статей, у меня оказалась хорошая библиотека книг по генетике.

Всё это от занятий на кафедре микробиологии и от выполнения после 4-го курса, т. е. с лета 1955 г., дипломной работы меня отвлекало, и совместить занятия микробиологией и генетикой я не смог. Мне удалось оформить отсрочку от окончания университета, который я закончил не в июне 1956 г., как мои однокурсники, а в декабре, вместе с вечерниками.

Скажу о своей дипломной работе. Заведующая кафедрой микробиологии, Зинаида Григорьевна Разумовская, не препятствовавшая моим экзерсисам в генетике, посоветовала

мне пойти к Ю.М. Оленову, который до войны занимался изучением мутаций у дрожжей. Разговор с ним состоялся, и сказанное Юрием Михайловичем мне хорошо запомнилось: «Вы хорошенько подумайте, надо ли вам заниматься генетикой. Дело это рискованное. *Мы уж взялись за гуж <…>*»

Не это его предупреждение, а какое-то неудовлетворение от разговора с Ю.М. Оленовым побудили меня выбрать другое место для выполнения дипломное работы. По совету одной знакомой моей матери, сотрудницы Рентгено-радиологического института, я пошёл туда, в лабораторию радиационной микробиологии, которой заведовал симпатичный Прохор Никифорович Киселёв.

Рентгеновский институт в то время размещался на Петроградской стороне, занимая несколько корпусов в сквере между ул. Л. Толстого и ул. Рентгена. Среди больших каменных институтских зданий был и небольшой деревянный дом, смотрящий окнами на ул. Л. Толстого (сейчас не сохранился). В нём помещались две лаборатории — микробиологии и ещё какая-то. Раньше в этом здании работал со своими сотрудниками Г.А. Надсон, до его переезда в Москву. Его лаборатория, занимавшаяся индуцированной изменчивостью микроорганизмов, существовала, по крайней мере, до ареста академика Надсона в конце 1937 г. Кстати, в ней работал и стал доктором и Ю.М. Оленов.

Когда я, почти через двадцать лет, пришёл в это здание, сотрудников Г.А. Надсона здесь не осталось. Кое-что для меня интересное удалось найти там среди макулатуры. Номер «Вестника Рентгеновского института» был посвящён памяти рано умершего Г.С. Филиппова, со статьями по изменчивости микроорганизмов. Самым ценным была диссертация последнего аспиранта Г.А. Надсона А.С. Кривиского по индуцированной изменчивости уксуснокислых бактерий. Я её прочёл с очень большой пользой для себя.

Дипломной работой серьёзно я не занимался; кое-как её оформил перед самой защитой. Естественно, что П. Н. Киселёв предложения остаться в его лаборатории мне не сделал.

Поскольку я закончил университет вместе с вечерниками, а не в положенный срок, я выпал из процедуры обязательного распределения на работу. Новый год, 1957-й, я встретил, так сказать, вольноопределяющимся выпускником ЛГУ по специальности «физиолог растений» (эту специальность получали все выпускники кафедры микробиологии). У меня было желание работать в области генетики, но никаких перспектив для этого я не находил.

Этой же зимой важные события происходили в Университете. М.С. Навашин из ЛГУ ушёл. Должность заведующего кафедрой оказалась вакантной. На конкурс подал изгнанный в 1948 г. из Университета М.Е. Лобашёв, хорошо известный на факультете. Против него выступила генетическая общественность (московская), считавшая Лобашёва перебежчиком в лагерь лысенковцев. Была и альтернативная кандидатура — неизвестный в Ленинграде Д.Ф. Петров. Факультет в январе 1957 г. избрал Лобашёва.

Придя на родную для него кафедру, Лобашёв объявил перестройку и лекционных курсов, и научной работы. Была заявлена необходимость развития новых направлений, в частности генетики микроорганизмов.

Михаилу Ефимовичу сказали, что для последнего есть подготовленный специалист (то есть я). Лобашёв встретился со мной, подробности встречи я не помню, но мне было твёрдо сказано, что при первой возможности я буду зачислен. В феврале-марте такой возможности не было. Наконец, вакантная ставка появилась в организуемой в то время лаборатории радиобиологии, и её временно отдали Лобашёву.

Я был взят на должность старшего лаборанта с 26 марта 1957 г. Я оказался единственным сотрудником, имевшим опыт работы с дрозофилой, и через две недели я был командирован в Москву, к М.Л. Бельговскому (Лаборатория радиационной генетики) за коллекцией культур, которая незадолго до этого была получена из Швеции. Он тогда работал в маленьком домике, по сути — избушке, стоявшей на территории так называемого Карантинного питомника (сейчас это пересечение ул. Вавилова и пр. 60-летия Октября). Я привез около 110 линий, которые вёл до осени, получив соответствующие инструкции по их разведению от М.Л. Бельговского.

Некоторые линии со сложным генотипом поддерживались с постоянным отбором. Помимо знакомства с разнообразными мутантами, я поставил и некоторые генетические эксперименты, в частности облучил мух и выделил летальные мутации (методом ClB). По крайней мере, одну леталь я картировал, осуществив скрещивание с линией, несущей в Х-хромосоме цепочку маркеров (картирование леталей — достаточно сложная генетическая задача).

Можно сказать, что моё генетическое образование было завершено. Осенью 1957 г. я был зачислен в аспирантуру кафедры генетики и селекции.

Моя научная родословная

«Научные родословные» были придуманы А. Стертевантом, во всяком случае, в своей книге, где он их приводит (A.H. Sturttevant “A history of Genetics”, 1965, 2001), он не указывает на своих предшественников. Стертевант дал 11 схем, названных им “intellectual pedigrees”, на которых изобразил связи учёных-генетиков со своими учителями и учителями последних (некоторые «родословные» начинаются от Канта и Кювье). Эти схемы иллюстрируют передачу знаний и научных традиций в ряду поколений учёных. Из русских генетиков на этих схемах можно найти Н.И. Вавилова как ученика У. Бэтсона, Ю.А. Филипченко как ученика Р. Гертвига и Ф.Г. Добжанского — ученика Ю.А. Филипченко и Т.Г. Моргана. По словам А. Стертеванта его схемы «очень не полны.. Тем не менее, кажется, что таким образом достигается некоторый успех в попытке дать картину различных взаимоотношений [учёных] и непрерывности персональных влияний, даже в такой неполной и несовершенной форме» (с. 139, Sturttevant, 2001).

Ниже я привожу мою собственную «научную родословную» с указанием не только учителей, но и своих учеников, достигших заметных позиций в нашей науке. К приведённой схеме можно дать следующие пояснения.

1-1. Геккель Эрнст (1834–1919) — немецкий естествоиспытатель-зоолог, философ, один из первых последователей Ч. Дарвина, автор переведённых на русский язык популярных книг «Мировые загадки» и «Красота форм в природе». «Мировые загадки» переизданы в 2012 г. (М.: Либроком), «Красота форм в морских глубинах» — в 2009 г. (СПб.: Изд-во Вернера Регена).

1-2. Вагнер Николай Петрович (1829–1907) — член-корреспондент ИАН, зоолог и писатель; профессор Казанского и Санкт-Петербургского университетов, основатель и директор Биологической станции на Соловецких островах; открыл явление педогенеза у насекомых; автор «Сказок Кота Мурлыки» и других книг для детей, романа «Тёмный путь».

1-3. Бючли Йоган Адам Отто (1848–1920) — немецкий протозоолог и цитолог, профессор Университета в Гейдельберге; описал процессы митоза и мейоза в животных клетках, процесс оплодотворения. В 1894 г. избран членом-корреспондентом Императорской Петербургской академии наук.

1-4. Марковников Владимир Васильевич (1837–1904) — химик-органик, профессор Московского университета.

1-5. Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920) — член-корреспондент АН, физиолог растений, популяризатор дарвинизма, профессор Московского университета и Московской сельскохозяйственной академии.

1-6. Мензбир Михаил Александрович (1855–1935) — академик, зоолог (орнитолог, зоогеограф), профессор Московского университета; ученик Н.А. Северцова.

2-1. Гертвиг Рихард (1850–1937) — немецкий зоолог и эмбриолог. Его учебник зоологии был переведён на русский язык. Член-корреспондент Императорской Петербургской академии наук (1905).

2-2. Шевяков Владимир Тимофеевич (1859–1930) — член-корреспондент АН, зоолог (протистолог), профессор Санкт-Петербургского университета (с 1920 г. — Иркутского университета). Поступив в Санкт-Петербургский университет, начал специализироваться у проф. Н.П. Вагнера, продолжил обучение в Гейдельбергском университете под руководством О. Бючли, после окончания этого университета остался в нём работать. В 1889 г. совершил кругосветное путешествие, изучая пресноводных простейших. В Россию вернулся в 1893 г., в 1896–1911 гг. заведовал Зоотомическим кабинетом СПбУ, подготовив многих учеников, в дальнейшем ставших выдающимися учёными. Работая в 1910–1917 гг. в Министерстве народного просвещения, в частности, добился для молодых российских ученых возможности «приготовления к профессорскому званию» в европейских университетах.

2-3. Прянишников Дмитрий Николаевич (1865–1948) — академик, агрохимик и физиолог растений, профессор Московской сельскохозяйственной академии.

2-4. Рудзинский Дионисий Леопольдович (1866–1954) — основоположник научной селекции растений в России и организатор первой селекционной станции при Петровской академии.

2-5. Бэтсон Уильям (1861–1926) — английский зоолог и генетик, один из основоположников генетики. Иностранный член-корреспондент АН СССР (РАН) (1923).

2-6. Кольцов Николай Константинович (1872–1940) — член-корреспондент АН, зоолог, цитолог, профессор Московского университета, организатор и директор Института экспериментальной биологии.

3-1. Филипченко Юрий Александрович (1882–1930) — генетик (по образованию зоолог) профессор, организатор и заведующий кафедрой генетики и экспериментальной зоологии Петроградского (Ленинградского) университета.

3-2. Владимирский Александр Петрович (1886–1939) — зоолог, специализировался на кафедре зоологии беспозвоночных, где изучал регенерацию гидроидов. С 1930 по 1939 г. заведовал кафедрой генетики и экспериментальной зоологии Ленинградского университета.

3-3. Вавилов Николай Иванович (1887–1943) — академик, ботаник, генетик, путешественник, организатор и директор Всесоюзного института растениеводства и Института генетики АН СССР.

3-4. Серебровский Александр Сергеевич (1892–1948) — член-корреспондент АН, генетик, организатор и заведующий кафедрой генетики Московского университета.

4-1. Лобашёв Михаил Ефимович (1907–1971) — доктор биологических наук, профессор ЛГУ. Учился на кафедре генетики ЛГУ, её заведующим в то время был А.П. Владимирский; поступил на кафедру вскоре после смерти Ю.А. Филипченко, когда на ней работали и преподавали, и сотрудники последнего; участвовал в животноводческих экспедициях под руководством Я.Я. Лусиса (ученика Ю.А. Филипченко).

4-2. Фёдоров Василий Сергеевич (1903–1976) — доцент ЛГУ. Прошёл стажировку у А.С. Серебровского на Аниковской генетической станции под Звенигородом, был сотрудником ВИР и был привлечён Н.И. Вавиловым к написанию одной из глав «Теоретических основ селекции».

5-1. Захаров-Гезехус Илья Артемьевич — член-корр. РАН, аспирант М.Е. Лобашёва, начал специализацию по генетике под руководством В.С. Фёдорова.

6-1. Инге-Вечтомов Сергей Георгиевич — академик, генетик; со второго курса ЛГУ и в первый год аспирантуры работал под руководством И.А. Захарова, аспирант М.Е. Лобашёва.

6-2. Левитин Марк Михайлович — академик РАСХН, Всероссийский Институт защиты растений (ВИЗР) РАСХН; миколог, фитопатолог; в аспирантуре работал под руководством И.А. Захарова.

6-3. Королёв Владимир Геннадьевич — доктор биологических наук, генетик, Петербургский институт ядерной физики. Выполнял дипломную работу, оформлял кандидатскую и докторскую диссертации под руководством И.А. Захарова.

6-4. Мироненко Нина Васильевна — доктор биологических наук, фитопатолог, Всероссийский Институт защиты растений (ВИЗР) РАСХН; проходила аспирантуру под руководством И.А. Захарова.

6-5. Сулимова Галина Ефимовна — доктор биологических наук, генетик, Институт общей генетики РАН; при оформлении докторской диссертации И.А. Захаров был её научным консультантом.

6-6. Деренко Мирослава Васильевна, доктор биологических наук, Институт биологических проблем Севера ДВО РАН, Магадан; при оформлении докторской диссертации И.А. Захаров был её научным консультантом.

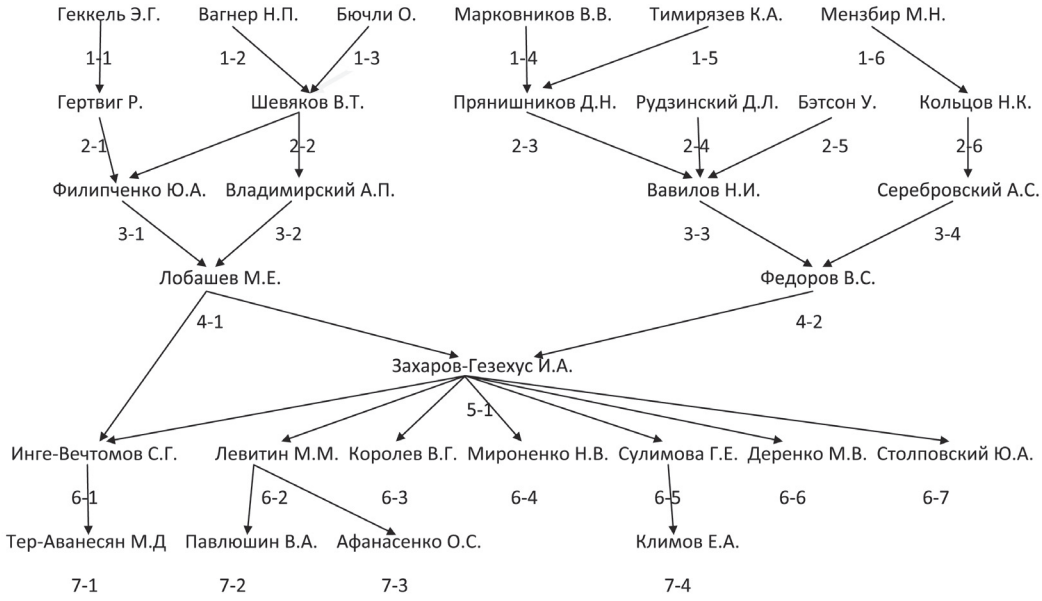
6-7. Столповский Юрий Анатольевич — доктор биологических наук, генетик, Институт общей генетики РАН; при оформлении докторской диссертации И.А. Захаров был его научным консультантом.

7-1. Тер-Аванесян Михаил Давидович — член-корреспондент РАН, генетик, Институт биохимии РАН; кандидатскую и докторскую диссертации выполнял под руководством С.Г. Инге-Вечтомова.

7-2. Павлюшин Владимир Алексеевич — академик РАСХН, Всероссийский Институт защиты растений (ВИЗР) РАСХН, специалист по биологической защите растений; аспирант М.М. Левитина.

7-3. Афанасенко Ольга Сильвестровна — член-корреспондент РАСХН, фитопатолог, Всероссийский Институт защиты растений (ВИЗР) РАСХН; аспирант М.М. Левитина.

7-4. Климов Евгений Александрович — доктор биологических наук, генетик, Московский государственный университет; кандидатскую и докторскую диссертации выполнял под руководством Г.Е. Сулимовой.

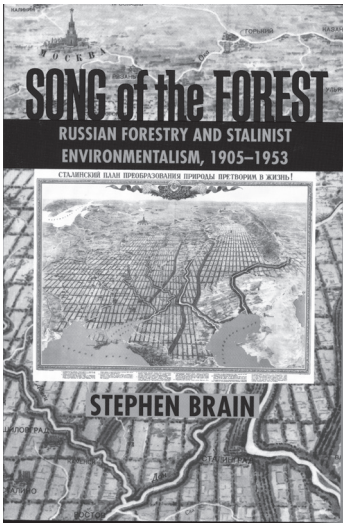


РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Forestry management and Soviet environmentalism

Jonathan Oldfield

University of Glasgow, Glasgow, UK, Jonathan.
Oldfield@glasgow.ac.uk



On one level, Stephen Brain's *Song of the Forest*[1] provides a detailed and thoroughly engaging examination of Russian forestry theory and practice during the first half of the twentieth century set against the hinterland of the late tsarist period. More generally, the work is part of a broader agenda within Russian environmental history, which aims to move away from generalised depictions of Russian and Soviet history as one of environmental disaster in order to explore the nuances of environmental thought, policy and practice. Chronological in its structure, the book moves briskly through the origins of Russian forest management in the late eighteenth and nineteenth centuries, while simultaneously underlining the significance of German forestry practice and associated thinking in helping to shape the Russian approach. However, it is suggested that by the end of the nineteenth century, while economically effective, these Western European approaches to forest management were increasingly viewed as detrimental to the regenerative capacities of Russia's forests, as well as the productive involvement of Russia's rural population in the forest-management process. The subsequent development of a self-conscious Russian approach to forest management, as it unfurled during the course of the next fifty years, forms the main focus of the book. What emerges is a fascinating insight into the changing role and nature of forest management in state policy and practice played out on the backdrop of social revolution and, most intriguingly, the industrialisation policy of Stalin from the 1930s to his death in 1953.

[1] *Brain S.* Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. 232 p.

A key strand of Brain's argument concerns his exploration of the form of environmentalism that emerged out of the turmoil of Russia's social transformations during the early to mid-twentieth century, dwelling in particular on the programme of environmentalism that became apparent under Stalin in connection with his efforts to manage, regulate and protect vast areas of forest during a period of rapid industrialisation. More specifically, Stalin's environmentalism emerges as a largely pragmatic response to the pressure of economic growth on forest resources and this forms part of the main narrative of Brain's analysis.

A central figure in the story of Russia's evolving system of forest management is the Russian forester G.F. Morozov [1867–1920] and his influential conceptualisation of forest communities. The work of Morozov and his followers is advanced as a predominantly Russian school of thought in contrast to the aforementioned influential German-led initiatives within forestry practice during the nineteenth and early twentieth centuries. At the same time, it should be noted that Morozov's conceptualisation competed with a range of hybrid approaches towards forest management during this period. Nevertheless, given the importance of Morozov's school of thought, it is worthwhile dwelling on some of its key features. Morozov worked as a professor at the St. Petersburg Forest Institute and was influenced greatly in his general approach to forests by the Russian soil scientist V.V. Dokuchaev [1846–1903]. Indeed, taking inspiration from Dokuchaev's approach to soil, Morozov conceptualised the forest as a complex community consisting of interrelated natural phenomena incorporating elements such as climate, soil and relief. This 'community' approach ensured that subsequent management techniques were similarly tailored to the specificities of the particular forest 'stands' in question, thus placing an emphasis on detailed local knowledge in order to identify and classify different 'stand types'. Thus, the establishment of stand types embodied a subjective element which ensured that the scope for classificatory variation was considerable; this process also required no little skill, and these factors helped to undermine the credibility of the approach within some circles. The Russian forester, and Morozov's colleague at the Forest Institute, M.M. Orlov, was a consistent opponent of the method and general approach advanced by Morozov and promoted his own organisational approach towards managing forests based on soil productivity (*bonitet*). This eschewed Morozov's detailed and context-specific method in favour of identifying and assessing the productivity of a given stand of trees, with the most productive stands logged most frequently. As Brain notes, a key strength of this approach was its relative simplicity and quick application. Brain moves on to capture the complex nature of the debates over management systems as they ebbed and flowed during the early part of the twentieth century. Morozov died in 1920, yet his general approach to forestry management, which had acquired significant influence, provided a backdrop to state forestry policy as it evolved during the Soviet period, falling in and out of favour.

Brain's analysis of the period from the 1920s to the 1950s highlights the way in which the competing understandings of forest management were typically linked to particular administrative agencies, as well as broader trends within Soviet society. For example, Morozov's general approach, with its emphasis on local knowledge and the careful application of management techniques to specific stand types, was influential during the early- to mid-1920s, and yet faced increasing pressure from industrial groups which favoured the more straightforward clear-cutting techniques found in countries such as Germany. The tension between forest conservation and the needs of the economy was reflected at the administrative level as, for example, in the relationship between the People's Commissariat for Agriculture (Narkomzem) and the Supreme Soviet of the Economy (VSNKh); the former dealing with cultivation issues and the latter with logging and processing activities. Various other administrative bodies were created, or else acquired management responsibilities, for certain aspects of forestry policy during

the Stalinist period as priorities shifted, thus complicating oversight in this area. Somewhat inevitably, the underperformance of the forestry sector during the early stages of the first five-year plan strengthened the position of industry and resulted in the promotion of VSNKh and the industrial lobby more broadly. However, rather than a gradual increase in the strength and influence of the industrial lobby during the 1930s to the detriment of forested areas, as might be expected, the state reasserted the importance of conserving forested areas. This approach was linked to a complex array of factors, yet a key element was the historically-rooted notion of 'forested land being healthy land' and an acknowledgement that forests played an important role in regulating natural systems. This emphasis was simultaneously reflected in the establishment of, for example, the Main Administration of Forest Protection and Afforestation (GLO). As Brain notes, such changes ensured that Morozov's ideas had at least some room to 'breathe'.

The Great Stalin Plan for the Transformation of Nature internalised much of the tension between the 'technocratic ecologists' and the industrial lobby groups. The project's efforts to influence the climate of a significant area of southern European Russia in order to facilitate agricultural development via the establishment of vast forest shelterbelts embodied certain conservationist elements. At the same time, the intervention of Lysenko and his advancement of the universal 'nest-method' in order to accelerate the process of shelterbelt creation undermined the local and intensive method of forest management espoused by Morozov and his followers in favour of a generalised, and ultimately largely ineffective, approach. It would seem that a reversion to a more differentiated approach was likely following a series of critical scientific expeditions to review the progress of the plan. However, the death of Stalin brought a relatively swift end not only to the plan, but also to the broader current of technocratic environmentalism within the Soviet forestry sector.

Ultimately, Brain's effort to both resist and question easy characterisations of Russian approaches to the management of the wider environment opens up a stimulating debate over the production of state forestry policy during the first half of the twentieth century and the associated complex interaction of competing factions within academic, government and economic circles. It is a thought-provoking read and a very welcome addition to the developing field of Russian environmental history.

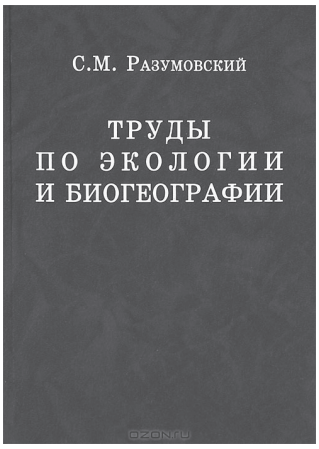
К теории структуры и устойчивости сообществ[2]

А.К. Сытин

Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН, Санкт-Петербург, Россия;
astragalus@mail.ru

Геоботаник Станислав Михайлович Разумовский (1929–1983) строил строгую и непротиворечивую концепцию динамики растительного покрова, начиная с дипломной работы «Отношения дуба и ели в Московской области» (1951–1952). Время показало, что выявленные им закономерности и основные понятия находят универсальное применение и распространяются на всю биосферу. Признание и деятельную поддержку своих

[2] *Разумовский С.М.* Труды по экологии и биогеографии (Полное собрание сочинений). Москва: Тов-во научных изданий КМК, 2011. 722 с.



трудов он получил в конце 1970-х гг. со стороны широко образованных биологов-эволюционистов, специализировавшихся на изучении структуры сообществ. Главным образом, это были зоологи, ботаники же в своём большинстве, составляли оппозицию и появление в печати книги «Закономерности динамики биоценозов» (1981) вызвало ожесточённую полемику. Структуралистский подход автора, уже давно разрабатываемый в гуманитарных дисциплинах, с трудом проникал в естественные науки.

Сейчас, когда многие работы Разумовского опубликованы, странно читать в предисловии к данной книге, написанном зоологом и биогеографом И.А. Жирковым, ответственным редактором издания, что его имя «подавляющему большинству биологов незнакомо». Это суждение, пожалуй, справедливо для биологов зарубежных. Отечественным же это имя известно, но далеко не всем доступны его труды, изданные малыми тиражами. Но даже среди тех, кто их освоил, нередко повторяется мнение, что Разумовский лишь последователь американского ботаника Ф. Клементса (Frederick Clements, 1874–1945), развивающий концепцию моноклимакса и сукцессионных рядов растительных сообществ. Однако это далеко не исчерпывает широты исследовательских поисков Разумовского. «Теория С.М. Разумовского основана на признании того, что большая часть совместно обитающих видов влияет на эволюцию друг друга. Коэволюция совместно обитающих видов приводит к образованию ассоциаций видов. Эти ассоциации являются элементарной структурной единицей биосферы», – пишет автор предисловия И.А. Жирков (Предисловие. С. 3). На объективности выделения именно этой единицы в рамках разных фитосоциологических школ и направлений настаивал и сам Разумовский в соавторстве с К.В. Киселёвой в тезисах «Динамика растительного покрова и возможность классификации сообществ» (1971). С позиций полувекового опыта синдинамики — утверждают авторы «растительный покров любого района с биологически однородным климатом (т.е. территория элементарной флоры А.И. Толмачёва) представляет собой жестко детерминированную гомеостатическую систему» (С. 394). В этой же работе заявлена методология, принципиально меняющая подходы к изучению растительного покрова: «стандартные пробные площадки в принципе непригодны как объекты классификации. Первым шагом в классификации должно явиться изучение сукцессии» (С. 393). Не континуум, а дискретность единиц растительного покрова составляет задачу полевого исследователя, решаемую, в данном случае, преимущественно флористическими методами, требующими основательных знаний о видах конкретной географической территории, множества описаний сообществ и сравнительного анализа списков входящих в их состав видов. Стереотип разделения на «флору» и «растительность» целостного растительного покрова устойчив. Понятие «флора как система», введённое в науку еще В.И. Коржинским, и развиваемое последователями А.И. Толмачёва в сравнительном изучении флор, и более других — Б.А. Юрцевым, признано немногими из практикующих флористов.

Важно подчеркнуть, что среди фундаментальных теоретических положений Разумовского, наиболее оригинален, как мне кажется, его подход «разделения флоры на две части — ценофильную, организованную в сукцессионную систему, и ценофобную, представленную в общем виде не только сорными, рудеральными и адвентивными видами» (С. 11) — пишут К.В. Киселёва и О.Г. Чертов в предисловии к более раннему изданию избранных трудов

Разумовского[3]. Это разделение четко предписывает использовать для целей классификации растительного покрова и районирования лишь ценофильные виды. С другой стороны ценофобные виды, которые составляют резерв изменчивости и потенциальной эволюции который «в случае катастрофического разрушения существующих систем, может войти в состав новых. Поэтому ценофобные виды, не имеющие отношения к сукцессионной системе и подчиняющиеся совершенно иным законам, тем не менее, являются неотъемлемым и полезным компонентом географического ландшафта» (Разумовский, 2011, с. 417). Наблюдения автора этой рецензии над видами крупнейшего среди цветковых растений рода астрагал (*Astragalus* L.) — на их способности образовывать биотические связи и составлять ассоциации, о возможности причисления их к «верным видам» сообществ и формаций, о возможности их отнесения к «верным» видам сообществ и формаций, о темпах и формах видообразования в этом огромном и по преимуществу «ценофобном» роде убеждает в существовании указанных Разумовским «иных законов».

Вот ещё один пример утверждения С.М. Разумовским собственных взглядов в полемике с положениями гипотезы о послеледниковых изменениях климата голоцена, основанных на анализе пыльцевых спектров разрезов верховых торфяников.

> «Так, преобладание пыльцы ивы рассматривается как признак холодного климата (“арктическое время”), сосны — тёплого и сухого (“бореальное время”), дуба, ольхи и ели — влажного и тёплого (“атлантическое время”) и т.п. Даже если пыльцевые спектры и отражают в какой-то мере действительные количественные отношения пород в стране в целом, то эти данные вовсе не дают права однозначно судить об изменениях климата, поскольку они в первую очередь определяются стадиями сукцессий, нарушениями. <…> Сопоставление данных палеогеографии и палеоботаники позволяет говорить с уверенностью лишь о климатически обусловленных перестройках покрова в масштабе миллионов лет, связанных с чередованием так называемых геократических и талассократических периодов в истории Земли. Из двух растительных зон, в настоящее время существующих на территории нашей страны, зона темнохвойных лесов без заметных изменений существует не менее 5 млн. лет, а зона летнезелёных лесов — не менее 50 млн. лет. Правда, перед наступлением ледникового периода и после его окончания происходили перемещения границ зон, так что длительность существования в конкретной местности, конечно, меньше приведенных цифр. Однако скорость этих перемещений была невелика — в среднем около 70 см в год. На широте Москвы современные летнезеленые леса существуют около 12 000 лет. Однако следует учитывать, что мы, в сущности, живем в самом начале современного (послеледникового) климатического периода. Экстраполяция на основе той же палеогеографической схемы позволяет предположить, что сукцессионная система Подмосковья будет существовать здесь, по крайней мере, еще несколько десятков миллионов лет.
>
> Таким образом, длительность экогенетических сукцессий обычно преувеличивается, а длительность существования сукцессионных систем столь же сильно преуменьшается. В действительности первая величина измеряется тысячами, а вторая — миллионами лет. Это означает, что самая медленная сукцессия все же успеет восстановить разрушенный климакс тысячи раз, прежде чем изменение климата не уничтожит всю сукцессионную систему в целом и не вызовет возникновение нового климакса и нового сукцессионного ряда. Следовательно, климат Земли достаточно стабилен для того, чтобы обеспечить эффективную работу сукцессионных систем» (Разумовский, 2011, с. 78).

---

[3] Рец. на кн.: *Разумовский С.М.* Избранные труды М.: Тов-во научных издательств КМК, 1999. 560 с.

Объем цитируемого текста в данном случае может быть оправдан важностью темы. Напомню, что этот текст Разумовский создавал в годы волюнтаристских государственных мер направленных на «преобразование» природы, в том числе и печально известного проекта переброски вод сибирских рек в пустыни Средней Азии. Неграмотные мелиоративные работы губили некогда плодородные земли, вырубались леса, степи превращались в бесплодные пустыни. В настоящее время наблюдается обратный процесс — заброшенные поля зарастают лесом, однако этот процесс протекает столь же нерегулируемым образом, как и катастрофические лесные пожары.

Поэтому отсутствие в нашем обществе фигуры масштаба С.М. Разумовского, сочетавшего глубину исследователя с твердостью гражданской позиции, ощущаешь как горькую утрату, а появление полного собрания его трудов — как радостное событие.

Издатели вложили в книгу много труда — тексты хорошо отредактированы. В частности, они рискнули нарушить обыкновение ботанических пуристов использовать исключительно латинские названия видов растений, пренебрегая названиями русскими (ему следовал и сам С.М. Разумовский). Появление русских названий неожиданно внесло в плотный текст воздух и прозрачность, и, тем самым, облегчило его понимание не только ботаникам, но и специалистам других биологических дисциплин.

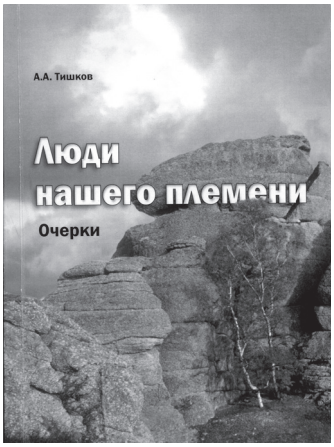
С.М. Разумовский удивительным образом сочетал свободомыслие с приверженностью догме (очевидно, в силу ортодоксальной традиции — он вырос в семье православного священника), а его человеческая скромность совмещалась с тем, что называют «смирением паче гордости» — отголосок ницшеанского культа «сверхчеловека», которому были подвержены русские юноши рубежа XIX и XX в. — феноменальный образец этого превоплощения — отец Павел Флоренский. К этому ряду мыслителей, как мне кажется, принадлежит и С.М. Разумовский. Корень этой традиции проник в русскую почву ещё столетием раньше — он восходит к натурфилософским прозрениям русских шеллингианцев — любомудров, с религиозным благоговением постигавших устроение природы, при этом сочетая преклонение перед величием мироздания с рефлексией романтической иронии. Здесь сказалась творческая восприимчивость отечественных биологов к германской традиции, при этом она особенно ярко проявилась в лице её московских представителей. Рецепция этой традиции в Петербурге явно слабее — здесь немецкая линия была едва ли не избыточно представлена германоязычными академическими кадрами, и она вызывала скорее отторжение. Разумовский не был склонен к умозрительным построениям, он сочетал опыт тонкого полевого наблюдателя с крупными обобщениями теоретика. Однако дух некоторой герметичности его учения вкупе с обаянием ума, притягательностью его парадоксальной личности, обособили вокруг Разумовского круг приверженцев стремившихся увенчать его едва ли не мессианским нимбом, — характерная черта реакции в условиях идеологического тоталитаризма позднесоветского времени. Мифологизация как альтернатива рационального знания и сейчас не только не преодолена, но и заполоняет сознание обывателей, загромождая его разного рода клише и стереотипами. Творческая сила природы велика и разнообразна: реализуя, в том числе и предполагаемые человеком сценарии развития она неожиданно избирает путь непрограммируемый и, таким образом, как и всегда, жизнь побеждает смерть непонятным для науки способом. Однако попытка исследователя моделировать природный процесс, преодолевая хаос, и есть бескорыстный и самоценный импульс познания. Научное творчество обретает в нем с одной стороны пафос вызова, а с другой — азарт игры. Перфекционизм Разумовского как исследователя был нацелен, прежде всего, на совер-

шенствование методологии разрабатываемой концепции, на синтез огромного фактического материала, на полемически заострённые выпады против господствующих доктрин — «в этом притягательная сила идей и работ С.М. Разумовского, которые раскрывают пространственную и временную организованность растительного покрова Земли, по сути — структуру биосферы, и в наибольшей степени соответствуют системно-математическим принципам, проникающим в настоящее время во все области знаний» — как сказано в предисловии 1999 г.[4] С этим трудно не согласиться, более того, идеи Разумовского обрели самостоятельное существование и настолько проникли в сознание его современников, что как будто бы лишились авторства. Восстановить приоритет крупнейшего фитоценолога и фитогеографа второй половины XX в. призвана эта книга.

Биогеографы из Института географии

Н.Г. Сухова

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия;
ihst@ihst.nw.ru



Книга Аркадия Александровича Тишкова с легким названием[5] и вычурными заголовками отдельных очерков посвящена серьезной теме. Автор рассказывает о своих коллегах по Институту географии Российской академии наук — в основном, о сотрудниках лаборатории биогеографии. Книга имеет мемуарный характер, но включает сведения не только о жизни, но и о научной деятельности коллег. Из воспоминаний можно узнать как о направлениях деятельности лаборатории, так и о взглядах на задачи географии.

Книга состоит из 23 очерков, среди героев которых А.П. Разоренкова (1903–1988), Ю.П. Исаков (1912–1988), Д.Л. Арманд (1905–1976), А.А. Насимович (1909–1983), М.И. Нейштадт (1903–1985), О.С. Гребенщиков (1905–1980), В.С. Залетаев (1929–1998), Э.М. Мурзаев (1908–1998), Н.И. Басилевич (1910–1997), С.В. Кириков (1899–1984), В.В. Цинзерлинг (1884–1954), Л.Р. Серебряный (1931–2000), Д.В. Панфилов (1923–1995), И.П. Герасимов (1905–1985), Н.Ф. Глазковский (1946–2005), М.В. Глазов (1947–2005), В.М. Котляков (р. 1931), М.А. Глазовская (р. 1912), А.А. Чибилев (р. 1949), Ю.Г. Пузаченко (р. 1940), Б.А. Тихомиров (1909–1976).

---

[4] Авторы предисловия — геоботаник К.В. Киселева и почвовед О.Г. Чертов — всегда оставались самыми преданными единомышленниками С.М. Разумовского.

[5] *Тишков А.А.* Люди нашего племени: очерки об учёных — учителях, друзьях, коллегах. М.: Институт географии РАН, 2012. 276 с.

Писать о современниках (зная не только об их заслугах, но и о недостатках) всегда трудно. Однако автор успешно справился с этой задачей. Очерки добры и сердечны, и при этом выразительно характеризуют разных людей и с личной, и с научной стороны. При этом Тишков нашёл нужным сообщить и источники конкретных сведений о своих «героях» (не только собственные сочинения), что выгодно отличает книгу от некоторых образцов мемуарно-биографической литературы.

Выясняется, что и биогеографы не избежали репрессий. Но автор убедительно показывает, что трудности, с которыми столкнулись некоторые из героев книги, не заставили их забыть о науке, и он продолжали заниматься исследованиями до конца своих дней.

Наиболее выразительными мне показались очерки о Разоренковой, Насимович, Арманде, Глазове. Часть очерков уже была опубликована, однако собранные вместе они более полно характеризуют деятельность лаборатории биогеографии института.

Следует лишь отметить отдельные недостатки этой работы с точки зрения историка науки. Заголовки некоторых очерков вызывают недоумение. Почему только Владимир Михайлович Котляков «жил для науки»? Почему Наталия Ивановна Базилевич — «учёный из будущего»? Разве сегодня уже известно, чем география будет заниматься в будущем? Мария Альфредовна Глазовская училась в Ленинградском университете в 1930-х гг., а имя Жданова университет получил только в 1948 г.

Если Бориса Анатольевича Тихомирова называли «таймырским мамонтом», то хочется узнать, почему ботанику дали такое прозвище. В очерке говорится о созданных им на Таймыре заповедниках, и речь идёт, в основном, о современных ботанических исследованиях...

Очерк о И.П. Герасимове носит название «Лидер отечественной географии», однако не всякий директор учреждения обязательно является и лидером своей науки. «Лидера географии» в наше время определить ещё сложнее, чем прежде. Но в любом случае заслуги Иннокентия Петровича Герасимова неоспоримы. Поэтому не стоит для поднятия его авторитета утверждать, что он лучше других видел комплексную географию, находился у истоков ландшафтоведения, биогеографии, экологии наук о Земле, экологии человека и рекреационной географии.

На мой взгляд, традиция называть В.И. Вернадского географом, восходящая к 60-м гг. XX столетия, не имеет оснований. География мало интересовала Вернадского, а книга «Биосфера» в свое время не привлекла особого внимания географов, тем более что в этом сочинении речь шла о распространении организмов только в твердой оболочке Земли.

Автор сообщает, что понятие «растительное сообщество» — «основной объект геоботаники» — было определено на XII Съезде русских естествоиспытателей и врачей (декабрь 1909 – январь 1910) и там же фитоценология «отделилась» от ботанической географии и выделилась в самостоятельную науку. Понятие «растительное сообщество» существовало ещё в XIX столетии, а формирование научной дисциплины — сложный и длительный процесс. Может ли съезд принять решение о создании новой дисциплины?[6]

---

[6] Об истории становления геоботаники в России см. к примеру: *Дохман Г.И.* История геоботаники в России. М.: Наука, 1973. 286 с .; *Трасс Х.Х.* Геоботаника: история и тенденции развития. Л.: Наука, 1976. 252 с.; *Федотова А.А.* Изучение степной растительности Европейской части Российской империи (1850–1917): от ботанической географии к фитоценологии. автореф. ... канд. биол. наук. СПб., 2012; Федотова *А.А.* Изучение растительности в России и США: почему формирование дисциплины пошло разными путями? // Историко-биологические иссле-

Вряд ли является бесспорным и утверждение, что биогеографическое отделение Института географии стало лидером биогеографии в нашей стране. С этим могут не согласиться биогеографы других учреждений.

Эти неточности не мешают общему благоприятному впечатлению. Книга легко читается и позволяет узнать много интересного о деятельности исследователей из Института географии.

дования. 2012. Т. 4. № 1. С. 41-56. В последней статье см. также библиографию недавних работ по истории англо-американской экологии растений.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

The Second International Workshop on Lysenkoism

William deJong-Lambert

City University of New York; New York, USA; wrl4@columbia.edu

The Second International Workshop on Lysenkoism was held June 21–25, 2012 at the University of Vienna. The workshop was a follow-up to the first International Workshop on Lysenkoism which took place December 4–5, 2009 at the Graduate Center of the City University of New York and the Harriman Institute at Columbia University.1 Among the important goals of the Vienna meeting was to continue widening the geographic diversity of case studies and address some of the central questions that have emerged in current research. These include situating the "Lysenko affair" within the broader history of "pseudoscience," describing individual motivations for involvement in the controversy, showing how it was instrumentalized in pursuit of various goals and objectives, current attempts to rehabilitate Lysenko's reputation in Russia, as well as developing a definition for the term "Lysenkoism."

The first panel featured two papers on France — a region not covered in the first workshop — as well as presentations on Italy and Mexico. In their papers, Laurent Loison and StéphaneTirard (Université de Nantes) discussed Lysenkoism in context with French neoLamarckism, while exploring the role of key figures such as Louis Aragon, Pierre-Paul Grassé, Jacques Monod, Jean Rostand and Marcel Prenant. Their research showed how the controversy influenced the development of genetics in France after World War II. Along similar lines Francesco Cassata (University of Genoa) showed the role of Lysenkoism in the institutionalization and professionalization of genetics in Italy after World War II. Cassata showed how it served as a cultural resource in context with the politicization of Italian genetics and the conflict between Mendelian genetics vs. "Lamarckian" eugenics and plant breeding during the interwar period. The last paper on the panel was given by Victoriano Garza-Almanza (Universidad Autónoma de Ciudad Juárez, Mexico), who described the promotion of Lysenko's theories in Mexico by Isaac Ochoterena.

---

[1] On other recent conferences on the history of Lysenkoism see: *William deJong-Lambert.* International Workshop on Lysenkoism // Studies in History of Biology. 2011. Vol. 3. № 2. P. 139–141; *Колчинский Э.И.* Международный симпозиум «Пересмотр "дела Лысенко"» // Вопросы истории естествознания и техники. 2012. № 4. С. 199–202.

The second panel featured current research on Lysenko's career and current attempts to restore his reputation in Russia and the Soviet Union. In the first presentation Michael Gordin (Princeton University), workshopped his preliminary findings on what happened to Lysenko — how he was treated by the re-emergent community of geneticists, how he personally interpreted his fall from grace — from 1965 until his death in 1976. Gordin was followed by Kirill Rossiianov (Institute of the History of Sciences and Technology, Moscow), who presented the Lysenko affair in terms of theory, practice and ideology in late Stalinist scientific discourse. The third panelist, Eduard Kolchinsky (St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology) interpreted current attempts to restore Lysenko's legacy as rooted in the privileging of practice over research in Russian scientific culture.

The third panel began with a presentation by Mark Tauger (West Virginia University) who showed how genetics survived in the Soviet Union during the years of Lysenko's dominance by focusing on the work of Pavel Lukianenko, who laid the foundations for the Green Revolution in Soviet and Post-Soviet Russia. Next, Gabor Pallo (Budapest University of Technology and Economics) gave a survey of Lysenko's impact upon Hungarian biology. Pallo's presentation was followed by an invited talk by Daniel Kevles (Yale University) who presented his thoughts on the relationship between Lysenkoism and eugenics, an emerging topic of research which demands further study.

The fourth and final panel of the day featured papers on Romania and Poland, as a presentation on how the rhetoric of Lysenko and his followers can be considered as Orwellian "newspeak." The first presenter, Cristiana Oghina-Pavie (Université d'Angers) began with a bas relief of Michurin, sculpted in 1963 by her great uncle, Gheorghe Munteanu, which hung in her house when she was a young girl. Her talk covered the influence of Michurinism — as distinguished from Lysenkoism — upon fruit tree breeding and vine selection in Romania. Next, Piotr Köhler (Jagiellonian University) presented his work on role of *Trybuna ludu*, the mouthpiece of the Polish United Workers Party, in promoting Lysenko's theories. The final panelist, Agata Strządała (University of Opole) analyzed binary oppositions such as "Michurinism" vs. "Morganism," "Creative Darwinism" vs. "Darwinism", as well as the ritualization of language, use of military metaphors, neologisms etc. as classic examples of totalitarian language.

The opening panel on the second day featured three presentations on Japan, an area of particular interest considering the United States' role in the postwar reconstruction of Japan, as well as the prior isolation of Japanese geneticists. In the first presentation Kaori Iida (Graduate University for Advanced Studies, Kanagawa Prefecture) explained the reasons why some Japanese geneticists were interested in Lysenko's ideas, and how these sympathies affected funding for the establishment of a new institute of genetics. Next, Hirofumi Saito (Tokyo Institute of Technology) discussed how the estrangement of Japanese geneticists from the global genetics community prior to World War II influenced the reception to Lysenko. The third panelist, Tsuyoshi Fujioka (Doshisha University), described now the number of Lysenko's supporters — which initially included left-wing scientists — was reduced to a core group of committed Marxists following the VASKhNIL session.

The next panel began with a presentation by William deJong-Lambert (Bronx Community College and Columbia University), describing the reasons why (i.e., his relationship with H.J. Muller) Haldane became among Lysenko's most high-profile supporters after 1948. The next panelist, Luis Campos (Drew University) also discussed Muller, focusing on how his stance at a key point in the controversy (the December 19–26, 1936 VASKhNIL debate) helped extinguish research on the effects of chromosomal variation on speciation in plants. The final panelist, Mikhail Konashev (St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Science

and Technology), covered similar ground in his presentation by describing how relationships between U.S. and Soviet geneticists determined the cancellation of VII International Congress of Genetics in Moscow.

The next panel returned the focus to social and cultural aspects of the controversy by discussing Lysenko's influence upon Soviet biology textbooks, natural history museums and his treatment in the Soviet press. Margaret Peacock (University of Alabama) presented samples from textbooks that challenged the conventional narrative that Lysenko's theories dominated middle school biology education during the years he was in power. Next, Patricia Simpson (University of Hertfordshire) used the Darwin Museum in Moscow to show how Lysenkoism influenced the presentation of bioscience and evolutionary theory. The third panelist, Lukas Joos (University of Zurich) traced coverage of Lysenko and his work in *Pravda* to show that intial accounts were absent any of the ideological dogma that appeared in later articles. The latter were, according to Joos, more the product of the political training and scientific ignorance of Soviet reporters, than anything having to do with Lysenko himself.

The final panel of the day returned us to the topic of eugenics and featured two papers on Bulgaria. It is notable that the presentation on eugenics by Björn Felder (University of Göttingen) was followed by, ironically, the longest period of debate and discussion of the entire workshop. The discussion centered on what constitutes "eugenics" in a given context, a definitional problem not unfamiliar to Lysenko scholars. The following two presentations by Aglica Edreva (Institute of Genetics, Sofia) and Dinko Mintchev (Center for Science Studies and History of Science, Sofia), shed some much needed light on a relatively understudied region in the historiography of Lysenkoism.

The final halfday of the workshop began a bit late and was regularly interupted by the sabbath bells of the Votivkirche just across Sigmund-Freud Park from the university. Irony was noted. A three paper panel on Czechoslovakia featuring Petr Hampl and Marco Stella (Charles University, Prague) along with Tomáš Hermann (Institute of Contemporary History, Prague) woke participants from their post-Saturday night slumber. The presenters demonstrated the extent to which Lysenko-Michurinism was indigenized in Czech culture to an extent which was (at least as far as Central Europe is concerned) relatively unique. Highlights included intriguing details on the roles of Vladimír Jan Amos Novák, Ivan Málek, FerdinandHerčík, Antonin Klečka and Milan Hašek, as well as Lysenkoism's impact upon the practice of allotment gardening.

The workshop concluded with a discussion panel featuring Alexei Kojevnikov (University of British Columbia), Nils Roll-Hansen (University of Osloand) and Nikolai Krementsov (University of Toronto). While there is clearly much work left to be done in terms of developing a cohesive understanding of the Lysenko phenomenon, a number of themes which date back to the first workshop remain clear. These include the problem of defining terms like "pseudoscience" and "Lysenkoism" (which are often treated as synonyms) and the question of how and why the controversy resonated so widely. The most obvious answer to the latter point seems to be that the "Lysenko affair" operated as a cultural resource which was useful to a variety of actors in support of, or opposition to, diverse agendas. A final point of agreement was the desirability of scheduling a Third International Workshop on Lysenkoism at a future date.

Special thanks to Mitchell Ash, Carola Sachse, Jérôme Segal and Liane Tiefenbach at the University of Vienna for their support and assistance with organization. Additional funding for the workshop was provided by the Faculty of Historical and Cultural Studies, as well as a private donation from Miklos Muller (Rockefeller University). The workshop began with a reception Thursday evening at the Arkadenhof, and welcoming remarks on Friday morning were provided by Vice Dean of the Faculty of Historical and Cultural Studies, Marianne Klemun and Mitchell Ash.

Baltic conference on the history of science Historiae scientiarum Baltica 2012

Birutė Railienė

Wroblewski Library of the Lithuanian Academy of Sciences, Vilnius, Lithuania;
b.railiene@gmail.com

Baltic historians of science met in Vilnius at the 25th International Baltic conference on the history of science „Historiae scientiarum Baltica 2012" on 3–5 October, 2012.[2] Conference was organised by the Baltic association of the history and philosophy of science (BAHPS), the Lithuanian Association of the History and Philosophy of Science (LAHPS), the Lithuanian Academy of Sciences, the Wroblewski Library of the Lithuanian academy of sciences, the Lithuanian Academy of Sciences Palace of Scientists and the Lithuanian University of Educational Sciences. The conference welcomed delegates and guests from 12 states and 22 cities, more that 90 papers were registered.

The opening ceremony was started by prof. Habil. Dr. Algimantas Juozas Krikštopaitis (president of the Lithuanian association of the history and philosophy of science), greeting

Session "Museums and Memorials", moderator — Ramūnas Kondratas.
Photo by Valentina Kulikauskienė

[2] On pevious, 24th Baltic Conference and the follow-up workshop meeting see: *Talts M., Kulasalu M.* Historiae Scientiarum Baltica, 2010 // Studies in the History of Biology. 2011. Vol. 3. № 1. P. 114–121; *Слепкова Н.В.* Рабочее совещание историков науки в Таллине // Историко-биологические известия. 2011. № 2. С. 142–143; *Lilja E.J.* Sciences in Russia, Finland and the Baltics in the Early 20th Century: Seminar in Helsinki, June 27, 2011 // Studies in the History of Biology. 2011. Vol. 3. № 4. С. 151–156.

In the Botanical Garden. From left to right: Eugenija Rudnickaite, Nadezhda Slepkova, Eric M. Johson, Anastasia Fedotova, Tatiana Feklova, Ramūnas Kondratas, Birute Railiene

were passed by prof. habil. dr. Valdemaras Razumas (president of the Lithuanian academy of sciences) and dr. Sigitas Narbutas (director of the Wroblewski library of the Lithuanian academy of sciences). Plenary lectures were given by prof. Jānis Stradiņš, prof. habil. dr. Juozas Algimantas Krikštopaitis, prof. Peter Müürsepp, dr. Robert Bud and prof. habil. dr. Algirdas Gaižutis. Conference papers were divided to 7 sections: Museums and memorials (moderated by Ramūnas Kondratas and Arnis Viksna); Medicine (moderated by Ramūnas Kondratas); Unrecognised investigators (moderated by Romualdas Šviedrys); Natural sciences (moderated by Roman Duda), Technology and mathematics (moderated by; Philosophy, sociology humanities (moderated by Peter Müürsepp and Naglis Kardelis); History of institutions (moderated by Libertas Klimka and Janis Kletnieks); Education and teaching (moderated by Birutė Railienė and Algirdas Kanauka).

For the historians of biology the most interesting presentations were: **Plenary lecture** "*Museums as sources for the history of science*" (Robert Bud, London); Panel **Unrecognized Investigators**: "*Collecting together in Colombia's Andes and jungles: Josef Warszewicz and Jose Triana*" (Romualdas Sviedrys, New York); "*Józef Warszewicz's Kraków years*" (Piotr Köhler, Krakow); "*The scientific activity of P. B. Šivickis at the University of Philippines in 1922–1928: is he remembered now in the Philippines?*" (Laima Petrauskienė, Vilnius); "*Expedition of I.G. Voznesensky to Russian America in 1839–1849 and formation of the American collections in the St.-Petersburg academic museums*" (Tatiana Feklova, St. Petersburg); Panel **Natural Sciences, Technology and Mathematics**: "*Baltic Germans and the construction of evolutionary theory in Russia, 1860–1880*" (Eric M. Johnson, Vancouver); "*Veterinary study travel of the soil scientist Pavel Kostychev*" (Anastasia Fedotova, St. Petersburg); Panel **History of Institutions**: "*The Society for Dissemination of Natural History: its history and activities*" (Anna Samokish, St. Petersburg);

Panel **Museums and Memorials**: "*Specimens of the 18th century in the collection of the Zoological Institute and Museum in St. Petersburg*" (Nadezhda Slepkova, St. Petersburg).[3]

The General Assembly of BAHPS was arranged at the end of the conference. President J. A. Krikštopaitis reviewed the BAHPS activity from October 2010 till October 2012. He made a point about the activity of Estonian colleagues: Professor Peeter Műűrsepp, his assistant Mait Talts and others of his partnerships initiated two essential points for Baltic scientists — the opening Website for Baltic Association (http://www.bahps.org/), and the launching a new scientific journal *Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum*. After a short review J.A. Krikštopaitis presented the results of the 25th Baltic Conference on the History of Science. After a short review the President invited prof. P. Műűrsepp to discuss the BAHPS opinion concerning the amplification of Baltic conferences and about Baltic-Nordic intercourse. The presidency of the BAHPS is *pro tempore* transferred by rotation from the Lithuanian AHPS to the Latvian AHPS.

At the last day conference delegates and guest were invited to a choice of excursions: Vilnius University science museums and Botanic Garden in Kairėnai or Lithuanian Museum of Ethnocosmology in Molėtai.

The conference was sponsored by the Research council of Lithuania (project № ACO-12005) and the Lithuanian University of Educational Sciences.

Конференция, посвященная 200-летию со дня смерти П.С. Палласа

А.К. Сытин

Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН, Санкт-Петербург, Россия;
astragalus@mail.ru

Традиционная осенняя конференция в Галле, посвященная российско-германским научным связям восемнадцатого века4 в 2011 г. проводилась Международным обществом Георга Вильгельма Стеллера в содружестве с Ассоциацией естественнонаучных музеев Университета Мартина Лютера (Галле, Виттенберг). Учреждения Франке (Franckesche Stiftungen zu Halle) не принимали участия в ее организации этом году. Присутствовали учёные из Германии, России, Украины, Италии и Нидерландов. Конференция открылась 13 октября 2011 г. в здании Зоологического института университета Мартина Лютера (Галле–Виттенберг) годичным отчётом Общества Стеллера его председателя Анны Элизабет Хинтцше (Anna-Elisabeth Hintzsche).

---

[3] Programme is available at: http://www.mab.lt/assets/files/dokumentai/konferencijos/Programa2012.pdf

[4] Конференции проводится ежегодно в течение 20 лет в рамках российско-германского проекта «Источники по истории Сибири и Аляски в архивах России». О конференции 2009 г. см.: *Феклова Т.Ю.* 300-летию Георга Стеллера посвящается // Историко-биологические исследования. Т. 2. 2010. № 1. С. 124–125; о конференции 2012 г.: Соболев В.С. Ежегодная конференцияв Галле // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. Вып. 1. С. ___ .

Ботаник Хейке Хеклау (Heike Heklau, Галле) выступила с презентацией экскурсии в Крым в 2011 г., где она наблюдала растения, описанные Палласом. Часть собранных ею материалов экспонировалась на выставке в Ботаническом саду Галле летом. Ожидаемым событием явилась публичная лекция Фолкварта Вендланда (Folkward Wendland, Берлин), биографа Палласа, автора наиболее полной двухтомной монографии о его научном творчестве. В своём сообщении он осветил важнейшие аспекты универсального метода Палласа: географические аспекты геологии (как сторонник теории Вернера Паллас был преимущественно «нептунистом»), биологических и социальных наук определившего уровень познания природы на рубеже XVIII и XIX столетий. Многочисленные корреспондентские связи Палласа позволяют реконструировать структуру так называемой республики ученых — своеобразной институции эпохи Просвещения. Экспертное мнение Ф. Вендланда чрезвычайно востребовано в вопросах атрибуции старинных коллекций. Это отразил эпизод с обнаружением в фондах Берлинского университета коллекции минералов Алтая, возможно, принадлежавшей Палласу. С некоторой осторожностью можно предположить, что эти образцы собрал французский естествоиспытатель Э.Л.М. Патрен (E.L.M. Patrin, 1742–1815). Таков был пролог конференции. Дружеская беседа продолжилась в гостеприимном доме Элизабет и Виланда Хинтцше — именно благодаря этим энтузиастам палласовские встречи сохраняют и поддерживают дух высокого просветительства, идущий от Августа Германа Франке.

14 октября утреннее заседание открылось приветствием Маргрит Энгел (США, Анкоридж, Аляска, Margritt Engel), одной из старейших исследовательниц русско-немецких взаимодействий на территории Северной Америки. Не придерживаясь порядка расположения докладов на заседаниях конференции, отразим подробнее содержание тех, что непосредственно посвящены Палласу как одному из последних учёных-универсалов, и более кратко — контексту эпохи Просвещения.

Директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПФ АРАН) И. В. Тункина осветила деятельность Палласа как исследователя материальной культуры Северного Причерноморья, автора публикаций об археологических, эпиграфических и нумизматических памятниках. Академик Г.К.Э. Кёллер (1768–1838, Heinrich Karl Ernst Köhler), хранитель Кабинета антиков и медалей Императорского Эрмитажа, полагаясь на авторитет Палласа и не всегда критически пересматривая выводы предшественника, продолжил изучение древностей Крыма, совершив ряд экспедиций с целью их детального описания. Неизданные экспедиционные дневники Кёллера содержат его соображения о методах раскопок и консервации археологических памятников, о необходимости их охраны. В 1822 г. впервые в истории России на эти цели были выделены государственные средства. Лариса Бондарь (СПФ АРАН) рассказала о лингвистических материалах Палласа, собранных во время экспедиции 1768–1774 гг., об истории их использования и перемещений.

Этнограф Хан Вермёйлен (Han F. Vermeulen, Лейден) посвятил доклад Палласу как автору и издателю трудов о калмыках, бурятах, монголах и других народах, населявших Россию, оценил его вклад в познание местных культур. В своём докладе он размышлял о мере погружённости в предмет естествоиспытателя, познающего природную среду, и его роли в дифференциации этнографии как социальной научной дисциплины.

Палласу как зоологу посвятил доклад Стефано Маттиоли (Stefano Matthioli, Сиена), назвав его «Идея экологической адаптации у Г.В. Стеллера и П.С. Палласа», провоцируя этим анахронизмом историко-научную дискуссию. Стеллер представлен им как первый полевой исследователь обративший внимание на размеры тела, окра-

ску и степень густоты волосяного покрова некоторых видов животных в связи с распространением в естественных условиях и одомашнивании в работе "*De Bestis marinis*" написанной в 1742–1743 гг. и опубликованной в 1751 г. Ранняя смерть не позволила Стеллеру развить идею о пластичности и видовой изменчивости. Паллас, напротив, критикуя идеи Бюффона в своем *"Mémoire sur la variation des animaux*" (1780), настаивал на постоянстве видовой организации, не отрицая очевидной способности к изменчивости организмов под влиянием климата и почвы.

Палласу как ботанику посвятил доклад А.К. Сытин (Санкт-Петербург, Ботанический институт РАН), предположив, что осенняя флора долины реки Заале могла стать ярким впечатлением для юного Палласа на пути из родного Берлина в Галле. Здешний университет был первой остановкой в его образовательном путешествии по научным центрам Европы, последующие способствовали плодотворному погружению в зоологию. К ботанике Паллас вернулся во время путешествия по России (1768–1774), и уже в первые годы описал два неизвестных ранее рода растений — Риндера (*Rindera* Pall.) и Кёлпиния (*Koelpinia* Pall.), а также несколько десятков новых видов растений Северного Прикаспия и около сотни видов Забайкалья (Даурии). Петербургский период (1774–1791), ставший апогеем служебной карьеры Палласа, отмечен созданием великолепно иллюстрированной «Российской флоры» на латинском и русском языках. Он увидел свет благодаря финансовой поддержке Екатерины Великой, интересовавшейся «естественными произведениями» империи.5 Полевые наблюдения над представителями сложнейших для систематики родов семейств бобовых и маревых обобщены в классических монографиях Палласа "Species astragalorum" (1800–1803), "Illustrationes plantarum" (1803–1806) и неопубликованной «Plantae selectee rossicae", где им очерчены группы родственных видов. Созданные в Крыму, работы проложили начало ботанико-географическому методу.

М.П. Андреев (Санкт-Петербург, Ботанический институт РАН) обратил внимание на упоминаемые Палласом виды лишайников. Один из них, известный как «манна», был найден на р. Урале (Яик) близ Оренбурга и описан И. Амманом (1739). Паллас, наблюдавший его в степях Западного Казахстана близ г. Уральска (Яицкий городок) и крепости Калмыковой (с. Калмыково), остался автором базионима названия *Aspicilia esculenta* (Pall.) Flagey. Список видов «палласовских» лишайников Андреев идентифицировал с современными научными названиями.

Геолог Манфред Рейхштейн (Manfred Reichstein, Галле) показал структуру минерала палласита, входящего в состав метеорита «палласова железа».

Рюдигер Тиеле (Rüdiger Thiele, Галле) рассказал о взаимоотношениях Палласа и Леонарда Эйлера в контексте эпохи раннего русского Просвещения. Елена Русанова (Elena Roussanova, Гамбург) осветила начальный этап изучения земного магнетизма в России. Дмитрий Гоголев (Тюмень) выделил основные приоритеты в изучении классической филологии и античности в Германии в XVIII–XIX вв. возглавляемое Фридрихом Августом Вольфом (1759–1824), исследователем творчества Гомера и проследил его влияние на формирование традиции антиковедения.

Чрезвычайно интересным стало посещение архива академии Леопольдина, членом которой был Паллас. Хранитель рукописных фондов Данни Вебер (Danny Weber) наряду с редчайшими автографами показал нам автобиографию, написанную рукой Палласа в июне 1765 г. (необходимое требование, предъявляемое к соискателям

---

[5] *Сытин А.К.* Пётр Симон Паллас — ботаник. М.: Тов-во научных изданий КМК, 1997. 338 с.

вступления в члены Академии) и страницу книги с записью о том, что доктор медицины Паллас принят в ареопаг под именем Vegetius III.

Традиционные экскурсии для участников конференции тематически выстраиваются в рамках дискурса русско-немецких культурных взаимодействий. В этот раз маршрут лежал на север от Галле в Саксонию-Анхальт, через Дорнбург на Эльбе, некогда принадлежавший княжеству Ангальт-Цербстскому. Вся долина среднего течения Эльбы является биосферным заповедником ЮНЕСКО. В городке Цербст / Ангальт, где в детстве жила принцесса София Августа Фридерика, впоследствии ставшая императрицей Екатериной Великой. Здесь находится фамильный замок ее предков, окруженный старинным парком. Это весьма представительное и изящное строение в стиле барокко сильно пострадало от налетов союзной авиации в конце Второй мировой войны. В настоящее время замок реставрируется при поддержке Международного общества «Екатерины II» и мецената барона Эдуарда Фальц-Фейна. Несколько редких предметов фарфора и бронзовый бюст Екатерины, гравированные портреты, подаренные этим известным коллекционером предметов искусства, экспонируются в одном из корпусов бывшей резиденции, где ныне разместилась постоянно действующая выставка. Высокий готический собор Св. Варфоломея сохранил мощные краснокирпичные стены и оконные проемы в сочетании белокаменными деталями декора (вспоминается царицынская псевдоготика Василия Баженова), но его внутреннее пространство полностью руинировано и сохраняется как напоминание о войне. 9 июля 2010 г. был открыт памятник русской императрице, первый на её родине, созданный по проекту скульптора Михаила Переяславца при финансовой поддержке российских спонсоров. Изваяние честолюбивой претендентки на императорские регалии (изображенные весьма детально), едва ли претендует на психологизм образа. Очевидно, моделью служил известный парадный портрет великой княгини Екатерины Алексеевны с супругом Петром Федоровичем работы живописца Г. Гроота (1744–1745).

Небольшая церковь Св. Фомы — одна из древнейших в этой местности, построена в 1140 г. Настенную живопись, датируемую 1220–1230 гг., тщательно расчистила жена священника этой церкви, реставратор Анна-Мария Мейслинг (Anna-Maria Meussling) в 70е гг. XX в., что в условиях диктата марксистской идеологии, приравнивалось к опасному диссидентству. Легкий, выразительный рисунок этих почти монохромных фресок являет традиционные сцены Страшного суда с забавными бесами, жульничающими при взвешивании душ почивших грешников, образы шестикрылых серафимов, Девы Марии и великана Св. Христофора изображённые на стенах, а на сводах алтарной части храма — Христа Вседержителя. Храмовая живопись далека от канонов восточнохристианской ортодоксальной церкви и, глядя на нее, думаешь, что право на свободу художественного (или научного) высказывания предшествовала формированию протестантской этики задолго до реформ Лютера в этой области Германии. На органе, установленном в 1992 г. фирмой Hüfken из г. Хальберштадт, органист и музыковед Винфрид Радзиевский (Галле) исполнил несколько сочинений.

Ярким финалом конференции стало эссе-инсталляция художника и путешественника Ульриха Ваннхофа (Берлин, Ullrich Wannhoff) названная им «Мои встречи с Палласом — от могильного камня до птичьей перепалки в Берлинском музее естественной истории». Он демонстрировал презентацию, соединившую разнообразные визуальные и звуковые эффекты, призванные связать топографию современного Берлина с глубиной исторической памяти. На кладбище в приходах

Иерузалем и Нойе Кирхе I совместными трудами Берлинской и Петербургской Академий в 1854 г. воздвигнут памятник с мраморным профилем Палласа работы Германа Рудольфа Хейделя (1810–1865). Место для него выбрано условно, так как место подлинного захоронения неизвестно. Не сохранился и дом Палласа (Фридрихштрассе, 24), где он провел последние дни — там теперь небольшой парк. Старинные гравированные аксонометрические планы этого района Берлина поражают необычностью форм регулярной застройки, ныне исчезнувшей. Но отлично сохранились препарированные экземпляры птиц, рыб и насекомых, а также минералы из собрания Палласа в Берлинском музее Естествознания, расположенном в импозантном здании на Инвалиден-штрассе. Там же хранится и манускрипт Палласа "Insecta rossicae" с описаниями бабочек и их акварельными изображениями. Около 500 гербарных листов из коллекции Палласа инкорпорированы в гербарий Карла Людвига Вильденова, прежде размещённый в корпусе Ботанического сада в Шёнеберге, а ныне — в подземных депозитариях Ботанического музея Берлин-Далем. Войны, пожары и само время, беспощадно уничтожающие сооружения из камня и стали, иногда щадят хрупкие естественноисторические коллекции, бережно хранимые поколениями натуралистов.

Ежегодная конференция в Галле

В.С. Соболев

Санкт-Петербургский Филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия;
vlad_history@mail.ru

17–21 октября 2012 г. состоялась международная научная конференция в г. Галле (Германия), проводимая ежегодно в рамках российско-германского проекта «Источники по истории Сибири и Аляски в архивах России», которому нынче исполнилось уже 20 лет.

Организаторами конференции выступили несколько учреждений: Фонд Франке в Хале (Franckesche Stiftungen zu Halle), Институт этнографии Макса Планка (Max-Planck-Institut für ethnologische Forschung), Международное научное общество Г.В. Стеллера (Internationalen Georg-Wilhelm-Steller-Gesellschaft e.V.), Университет Мартина Лютера (Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg). Конференция была посвящена собиранию, изучению и систематизации музейных коллекций, полученных в результате экспедиций XVIII в. и называлась «От собирания к систематизации» (Vom Sammeln zum Systematisieren).

В первый день состоялось открытое годовое собрание Научного общества Г.В. Стеллера. На собрании был обсуждён отчёт о деятельности общества за истекший год, с которым выступила председатель его правления Елизабет Хинцше (Anna-Elisabeth Hintzsche).

В конференции приняли участие исследователи из Германии, Дании, России и Украины — всего 17 докладов. С известной долей относительности, все сделанные

доклады можно подразделить по тематике на три основные группы[6]. Прежде всего, следует сказать о докладах, которые носили общетеоретический характер, в которых рассматривались методологические вопросы данной проблематики.

Так, большой интерес у участников конференции вызвал доклад Э.И. Колчинского (Санкт-Петербург) «П.С. Паллас — от собирательства к теоретическому обобщению». Новое звучание получило раскрытие ряда вопросов в докладе А.П. Яркова и Д.А. Гоголева (Тюмень) «Утилитарное – сакральное – музейное».

Ко второй группе докладов можно отнести выступления, посвящённые истории собирания и изучения памятников, в ходе конкретных научных экспедиций XVIII в. Здесь можно отметить доклад В.С. Соболева «Материалы Д.Г. Мессершмидта об экспедиционной работе (1718–1728 г.г.)» (Санкт-Петербург). Интересные доклады были сделаны М.П. Андреевым и А.К. Сытиным (Санкт-Петербург) о собирании и систематизации ботанических коллекций в Санкт-Петербургской императорской Академии наук, о создании гербариев. А.В. Гребенюк (Новосибирск) представил метод идентификации гербарных образцов И.Г. Гмелина и Г.В. Стеллера на основе анализа рисунков, текстов описаний растений, их «долиннеевских» названий, главным образом, по рукописным материалам СПФ АРАН, что важно для реконструкции состава коллекций Ботанического кабинета Кунсткамеры.

В нескольких докладах рассказывалось об истории создания и о научной систематизации интересных музейных и архивных собраний, была дана характеристика их составу и содержанию. Данной тематике был посвящён доклад Л.Д. Бондарь «Иллюстративные материалы по топографии и этнографии народов Сибири в Санкт- Петербургском филиале Архива РАН». В докладе Н.П. Копаневой были раскрыты интересные моменты из истории систематизации и научного описания материалов академических экспедиций в Кунсткамере.

Большой интерес вызвали также следующие сообщения: Natasha Lind (Kopenhagen) “G.F. Miller’s work on Information about the Northen Sea Passage”; Steffano Mattioli (Siena) “The introduction to the Bestiis Marinis and he concept of species in G.W. Steller”; Eberhard Winkler (Göttingen) “Hartwig Ludwig Christian Bacmeister (1730-1806) und seine finnougrischen Sprachprobensammlungen”; Roland Cvetkovski (Köln) “Information und Wissen. Ethnografische Darstellungen und Verarbeitungen Sibiriens um 1700”.

Для участников конференции была организована экскурсия в Южный Гарц, где они посетили несколько музеев, связанных с историей добычи и изучения полезных ископаемых.

[6] Программа этой и предыдущих конференций, а также тезисы докладов доступны на сайте Международного научного общества Г.В. Стеллера — http://www.steller-gesellschaft.de/steller/drb.html

Информация для авторов и требования к рукописям, поступающим в журнал «Историко-биологические исследования»

1. Журнал «Историко-биологические исследования» является научным изданием со специализацией в области истории, философии и социологии биологии. Статьи популярного или ненаучного характера не соответствуют профилю журнала.

2. Публикации в журнале являются для авторов бесплатными.

3. Гонорары за статьи не выплачиваются.

4. Объем рукописи статьи не должен превышать 1,5 печатного листа (60 тысяч знаков, включая пробелы и сноски; или 30 машинописных страниц через два интервала). Исключение могут составлять статьи, специально заказанные редакцией. Объем материалов по разделам «Рецензии» и «Хроника» — до 6 машинописных страниц (не более 12 тысяч знаков).

5. Рукописи статей принимаются на русском или английском языке. К статье должно прилагаться резюме (до 1000 знаков или 0,5 машинописной страницы) на обоих языках. На русском и английском языках должны быть также указаны ключевые слова и название статьи. Все документы в статьях по возможности предоставляются на языке оригинала и, в случае необходимости, переводятся.

6. Рукописи подаются в электронном виде (записанными на дискету, либо в приложении к письму на адрес электронной почты редакции).

7. Текст набирается в редакторе Word (для основного текста статьи — шрифт Times New Roman, 12-й кегль, через полтора интервала; в сносках — 10-й кегль, через один интервал; для цитат желателен шрифт Arial), сохраняется в формате .doc или .rtf (форматы .docx и .odt не принимаются). Фотографии и рисунки подаются в отдельных файлах формата .tif либо на бумажных насителях.

8. Сокращения и аббревиатуры допустимы, но при первом упоминании в тексте должно стоять полное название с указанием в скобках нижеиспользуемого сокращения. Видовые и родовые названия животных и растений набираются курсивом. Цитаты из других источников заключаются в кавычки, и дается ссылка с указанием номера страницы (или архивной единицы хранения). Пропуски в цитате обозначаются отточиями в угловых скобках: <...>, уточняющие слова и расшифровки даются в квадратных скобках.

9. Список литературы в алфавитном порядке и без нумерации помещается в кон-це статьи. Названия журналов пишутся полностью, указываются том, номер (выпуск), страницы. Для книг — город, издательство, год, количество страниц. Для сборников необходимо указывать, под чьей редакцией они выходили. Образец оформления списка доступен на сайте журнала.

10. Ссылки на литературу даются в тексте статьи. В скобках указывается фамилия автора, год выхода и, если нужно, страница. В том случае, если автор в один год опубликовал несколько работ, они помечаются буквами как в списке литературы, так и в ссылке. Например: (Pallas, 1773a), (Pallas, 1773b, с. 244), (Гайсинович, 1967d; 1988), (Kölreuter, 1761; цит. по: Кёльрейтер, 1940, с. 84). Если ссылка стоит непосредственно

после фамилии автора, то повторять ее необязательно; например: «В.А. Левшин (1995, с. 28) отметил, что...». В случае ссылки на иностранную литературу фамилию автора следует повторить в ее оригинальном написании, например: «Р. Смит (Smith, 1988, p. 7) утверждал, что...». Ссылки на архивные материалы даются в подстрочнике; при первом упоминании название архива расшифровывается, далее пишется аббревиатурой.

11. В статье допустимы краткие подстрочные сноски. Дополнительные тексты большого объема оформляются в виде примечаний или приложений в конце статьи.

12. К рукописи должны быть приложены сведения об авторе (авторах): ФИО (полностью), ученые степень и звание, место работы (для работающих), координаты для связи (адрес и телефоны), адрес электронной почты.

13. Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

14. Каждая рукопись проходит обязательное рецензирование. Ответ автору должен быть дан в течение трех месяцев со дня поступления рукописи в редакцию. Редколлегия сообщает автору заключение рецензентов, но не вступает в дискуссии с авторами по поводу отвергнутых рукописей.

15. Принятый к печати текст далее заверяется подписью автора на бумажном варианте статьи и сопровождается подписью на Договоре о временной передаче авторских прав (текст договора можно посмотреть на сайте журнала).

16. Автор несет ответственность за точность сообщаемых в статье сведений, цитат, правильность написания дат и имен. В отношении прилагаемых иллюстраций должен быть указан их источник и право собственности.

Information for contributors and house style guide

1. The journal "*Studies in the History of Biology*" is an academic publication specializing in the fields of history, philosophy and sociology of biology. It is not intended for publishing popular and non-academic papers.

2. No submission fees are charged.

3. Contributors receive no royalties for publication.

4. Submitted articles should not exceed 60,000 signs with spaces and footnotes (30 double-spaced pages). Exception is granted only to the papers commissioned by the editorial board. Contributions to 'Reviews' and 'Chronicle' sections should not exceed 12,000 signs (6 pages).

5. Contributions should be either in Russian or in English with titles provided in both languages. Articles should include abstracts (up to 1000 signs or 0.5 page) and key words in both languages. All documents reproduced should be given in the language of the original with translation provided, if necessary.

6. Manuscripts should be submitted in electronic form (recorded on a disc or as a file-attachment sent to the editorial board).

7. All texts should be submitted as MS .doc or .rtf files (please, do not send documents in .docx or .odt files!), Times New Roman 12 pt, singe-spaced, preferably all quotations should be in Arial. All photos and pictures should be submitted as separate .tif files or as hard-copies.

8. Contributions can contain abbreviations and acronyms, however full institutional names, titles etc. should be used when they first appear in the text with an appropriate abbreviation / acronym given in brackets. Specific and generic names of animals and plants should be in italic. All quotations from other sources should be given in quotation marks with an appropriate reference. A reference to a published source should include page where the cited text first appears; a reference to an archival manuscript should contain all relevant information (the archive's name, collection, inventory, file and the sheet number on which the original text appears). In quotations, all omissions should be marked with omission points, all comments and explications should be given in square brackets.

9. Bibliography items should be listed alphabetically at the end of the paper, they should not be numbered. Journal titles should be given in their full form, with volume, number (issue) and pages indicated. References to books should contain the place of a publication, the publishing house, the year of publication, and the number of pages. For collected papers (books with more than more than three authors), please, indicate the editors of a book. For a sample bibliography, please, refer to the website of our journal.

10. References are given in-text, in brackets. They should contain the author's surname, the year of publication and a page, if necessary. If an author published several works in the same year references to them should be marked with letters 'a', 'b', 'c' etc., both in-text and in bibliography. E.g.: (Pallas, 1773a), (Pallas, 1773d, p.244), (Gajsinovich, 1967d; 1988), (Kolreuter, 1761; cit. in Kyolrejter, 1940, p.84. However references to archival sources should be given in footnotes. When the name of an archive appears for the first time it should be given in full; in further references it can be given as an acronym.

11. Footnotes can be used for short explanations. If necessary a contribution can contain supplements located at the end of an article.

12. When submitting a paper, contributors are kindly requested to provide information on themselves: their last, first and middle names, academic degree(s), institutional affiliation, mail address ,contact phone number(s), e-mail address.

13. All contributions which fail to meet these requirements will not be considered by the editorial board.

14. All contributions are reviewed. Authors are notified about the acceptance or rejection of their papers within three months since the day their paper has been received by the editorial board. The authors can familiarize themselves with the content of reviews; however the editorial board does not comment or discuss its decisions.

15. Accepted papers are to be signed by their authors who also sign *Agreement to a temporary copyright transfer.* For a full text of the Agreement, please, refer to the journal web-site.

16. Authors are personally responsible for ensuring that all information, quotations, dates and names given in their papers are correct. All pictures (illustrations) should be supplemented with references to their provenance and copyright holder.

Читайте в ближайших номерах журнала

Mait Talts. The Role of Popular Science Literature in Shaping Estonians' World Outlook

Максим В. Винарский. Проблема изменчивости в классической и неклассической систематике

С.С. Иконников Вклад петербургских и ленинградских ботаников и географов в изучение природы Памира

Ольга А. Семихатова, Ольга С. Юдина. Российские физиологи растений на Восточном Памире

Подписной индекс журнала 57386 в каталоге НТИ («Издания органов научно-технической информации») агентства «Роспечать». Цена полугодовой подписки составляет 368 рублей. Редколлегия советует вам своевременно оформлять подписку на журнал «Историко-биологические исследования».